

С $\frac{64}{28}$

М. СИВАЧЕВЪ.

ЦВѢТЫ ЗЕМЛИ и НЕБА.

БОЛЬНИЧНЫЙ ДЕНЬ.

В О Л Н А.

Драматическія сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Къ представленію
цензурой дозволено 28 ноября 1907 года, за № 700.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.

МОСКВА—1912 г.

Государственная
библиотека СССР
им. В. И. Ленина

45735-47

Типографі

Небрежно и наскоро онъ осматривалъ больного ребенка и поспѣшно бормоталъ:

— Э-э!.. все это пройдетъ. Кормите киселемъ изъ разныхъ ягодъ; кипятите сливки съ водой, какъ я уже говорилъ. Яиць—ни-ни! Куриный бульонъ—безполезенъ. Не закармливайте, а то—ишь, какой скелетъ,—не вынесетъ и умереть отъ кроваваго поноса... Ну, тамъ... Гм... Соленныя ванны... Ну, известковая вода... Ну, вотъ!..

Видя, что мать больной крошки, какъ будто бы не понимаетъ, что визитъ конченъ, онъ заставилъ себя еще на нѣсколько словъ вниманія:

— А ну-ка покажите головку ребенка.

Мать показала.

Онъ мимолетнымъ взглядомъ скользнулъ по головѣ, потомъ, не глядя на голову, провелъ по ней ладонью руки и, милостиво изрекъ:

— Ну, голова—крѣпышъ съ мозгомъ. Идите и спите спокойно: такая выживетъ!

Мать натянуто улыбнулась. Эготъ совѣтъ кормить киселемъ изъ разныхъ ягодъ, сливками съ

водой, дѣлать соленныя ванны и поить известковой водой—она слышала отъ врача уже въ шестой разъ и все въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, а ребенку становилось все хуже и хуже, чего врачъ какъ будто бы совсѣмъ не замѣчалъ. Уже мѣсяца два она начала сомнѣваться въ правильности леченія, но ни разу не рѣшилась этого высказать, теперь же, когда ей еще добавили, что можно „спать спокойно“—она не выдержала:

— Докторъ, а не будете ли вы добры, послушать у ребенка легкія: у него тамъ отчего то хрипы. Такъ же и я... Вы говорите, что у меня только простое переутомленіе, а у меня по ночамъ испарины, сорока-градусный жаръ, за послѣдніе дни появилось кровохарканіе. Я сама начинаю понимать...

Тупыми, давно переставшими видѣть человѣческое страданіе, глазами врачъ взглянулъ на больную женщину и на ея ребенка и раздраженно заговорилъ:

— Нечего мнѣ вашего ребенка слушать. Слава Богу, практика за плечами не маленькая: съ одного взгляда, сударыня, вижу, чѣмъ больной боленъ! Говорятъ вамъ—у ребенка только бронхитъ и рахитъ. Пройдетъ рахитъ—пройдетъ и бронхитъ. Вотъ и все! А у васъ... кровохарканіе, говорите, появилось, испарины? Гм... значитъ врачу изволите намекать, что у васъ не переутомленіе, а туберкулезъ легкихъ? Но намекать нечего. Если кровохарканіе—ясно: надо ѣхать на югъ,

въ Крымъ! Вы сами это должны знать. Слава Богу, уже не дѣвочка! Вотъ и все.

Пациенткѣ хотѣлось крикнуть, что это не все, что гдѣ же былъ врачъ раньше, что настолько запоздавшій совѣтъ—издѣвательство, но взглянула она на врача и промолчала. Онъ ей казался невыразимо противенъ и жалокъ. Страшно ожирѣвшій—до тяжелой одышки, до зловѣщей багровой краски, которая обильно заливала не только его лицо и шею, но даже и лысую голову—онъ былъ тѣмъ врачомъ, которому нужно было лечить не больныхъ, а себя. Человѣкъ, нажившій практикой миллионное состояніе, съ мучительнымъ трудомъ принуждавшій свое тѣло къ движеніямъ—онъ стоялъ передъ бѣдно одѣтой пациенткой въ злобѣ и огчаяніи. То смотрѣлъ на ея руки,—когда же она, наконецъ, догадается, что визитъ конченъ, что надо за визитъ платить и уходить, то поглядывалъ на дверь кабинета: тамъ, въ приемной, такая масса пациентовъ и, если каждый пациентъ будетъ его настолько задерживать—сколько онъ можетъ принять? Онъ видѣлъ, что больная женщина спѣшитъ кое-какъ закутать въ одѣяло своего больного ребенка—и все-таки не выдержалъ:

— Сударыня, имѣйте ввиду, что вы у меня не одна. Моей помощи ждутъ десятки людей!

Пациентка дала ему за визитъ и тронулась съ полураздѣтымъ ребенкомъ къ двери. Онъ со злобой скомкалъ трехрублевку и сунулъ ее въ карманъ;

паціентка была еще въ дверяхъ, а онъ черезъ ея голову, жаднымъ взглядомъ высматривая, что за публика пришла къ нему, хрипло выкрикивалъ:

— Слѣдующій, пожалуйста! Прошу по очереди. У меня привиллегій не бываетъ!

Черезъ полчаса больная женщина съ больнымъ ребенкомъ была у другого врача. Тотъ осмотрѣлъ мать и ребенка тщательно, выпросилъ, кто и чѣмъ пользовалъ—и возмущился:

— Я, на вашемъ мѣстѣ, такого негодяя привлечь бы къ суду! У ребенка давнымъ-давно туберкулезъ легкихъ, а онъ его все еще лечитъ отъ рахита. У васъ туберкулезъ, который вы, не будучи предупреждены, тоже захватили отъ своего ребенка. На югъ вамъ съ ребенкомъ... Немедленно! Въ Крымъ Тамъ, можетъ быть, еще спасетесь. А его, эту зажирѣвшую свинью, подъ судъ! Честное слово. Ради общественныхъ интересовъ вы не должны оставлять этого дѣла безъ огласки. Подумать только: человекъ больныхъ не лечитъ, а въ гробъ вгоняетъ, а больные къ нему валомъ валятся только потому, что когда-то онъ былъ дѣйствительно врачомъ. Но то время давно прошло! Зажирѣлъ, оскотинѣлъ, обнаглѣлъ...

Больная ушла отъ врача, не дослушавъ его. Ей было не до судовъ. Весь міръ для нея сосредоточился въ ея больномъ ребенкѣ, и мысль, что его скоро не будетъ, создавала ей то страшное чувство пустоты, въ которой люди не чувствуютъ себя. Что и сама она въ опасности, что она идетъ, дви-

жется, заполняетъ собою извѣстное пространство—ничего этого для нея не существовало, кромѣ маленькаго тѣльца.

Она шла машинально, не видя никого и ничего, ибо, плакала широко раскрытыми глазами.

Когда пришла домой, какъ сквозь туманъ видѣла, что ея мужъ ходитъ изъ угла въ уголокъ по комнатамъ, что голова его низко опущена, спина согнута, какъ у очень стараго старика.

Онъ подошелъ къ ней и положилъ свою руку на ея голову.

— Вѣра, ты такъ плачешь, какъ никогда. Значить, наше положеніе ужъ такъ плохо? Но знаешь-ли, Вѣра: жизнь такихъ слезъ, пожалуй, и не стоитъ...

Она еще не поняла смысла его словъ, но прикосновеніе его руки, звукъ любимаго голоса дали ей силу отчаянія. Крѣпко она вцѣпилась обѣими руками въ его руку и сказала, какъ въ бреду:

— У меня и у Нади—туберкулезъ легкихъ! На югъ... въ Крымъ... немедленно! Тамъ еще, можетъ быть, можно спастись. Надо спастись! Пусть умретъ Надя, но ты, у меня еще остаешься ты. Намъ есть еще за что бороться.

Потомъ встала.

— Я иду.

Онъ спросилъ:

— Куда?

— Добывать денегъ. У меня тутъ по гимназіи есть одна подруга. Очень богатая.

У него еще ниже опустилась голова.

Вѣра все еще плакала, но не тѣми уже ослѣпляющими слезами—сквозь эти слезы она видѣла, что гордый профиль мужа искаженъ болью за то, что ей приходится къ кому-то итти и унижаться.

Она подошла къ нему и поцѣловала его въ лобъ.

— Милый Чаевъ, не унывайте! Вы только что сказали, что жизнь иногда не стоитъ иныхъ слезъ, я вамъ въ свою очередь скажу: люди иногда не стоятъ иного страданія. Милый Чаевъ, когда вы научитесь пользоваться людьми, когда это крайне необходимо, презирая ихъ? Большаго они не достойны.

Онъ отмахнулся рукой:

— Кажется, никогда.

— Напрасно. Ну, я иду.

Еще разъ поцѣловала Вѣра въ лобъ мужа, наскоро умылась и исчезла. Чаевъ присѣлъ было къ столу, но безбеспокоился ребенокъ и онъ взялъ его изъ коляски на руки, ходилъ съ нимъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ въ той безысходной мукѣ, гдѣ нѣтъ ни предѣла, ни отзвука, ни просвѣта—есть неумолимо—ясное только одно: жертвы принесены!

Его точило предчувствіе, что ни ребенку, ни женѣ не поправиться.

Съ четверть часа ребенокъ лежалъ у него на рукахъ безъ движеній, съ закрытыми глазами, поражая художествомъ своего личика—той художествомъ,

которая таитъ въ себѣ уже неподвижность смерти. Потомъ вѣки глазъ малютки съ мучительной натугой поднялись, изъ маленькихъ устъ вырвался подавленный стонъ, а личико исказилось гримасой боли.

„Начинается“—съ ужасомъ подумалъ Чаевъ, зная уже, что если съ вечера ребенокъ начинаетъ беспокоиться, значить ему во всю ночь будетъ очень плохо. И разбитымъ голосомъ, гдѣ ничего не было, кромѣ скорби и остраго отчаянія, онъ, поддѣлываясь подъ дѣтскій лепетъ, залепеталъ.

— Больно, Надюша? да? Но ничего, потерпи. Можетъ быть, все пройдетъ и ты увидишь... ты увидишь, Надюша, такихъ чудесныхъ птицъ. Вотъ есть такая огромная-огромная птица—страусомъ называется. На него, Надюша, можно сѣсть и поѣхать, какъ на лошадекъ. Онъ, Надюша, бѣгаетъ такъ—не догонишь! Или вотъ есть такая невѣроятная, сказочная птичка: колибри. Вся-то она, Надюша, съ твоей ноготокъ! Такъ прекрасенъ Божій міръ, Надюша. Въ немъ много такихъ дивныхъ цвѣтовъ...

При первыхъ словахъ отца на лицѣ малютки было выразилось вниманіе, а дальше—она опять начала стонать.

Когда-то она, жадно упиваясь голосомъ отца,—тогда такимъ еще бодрымъ и радостнымъ,—игрой его лица и глазъ, могла безконечно слушать о цвѣтахъ и птицахъ; когда-то она на вопросъ—

какова колибри?—могла показать свой ноготокъ, а величину страуса представить широко разведенными рученками,—но то уже все минуло.

Рвчъ о цвѣтахъ и птицахъ начинала раздражать и, страданіе маленькой крошки въ силахъ было прислушиваться только къ голосу страданія. Высказывали въ лепетѣ съ ней отецъ и мать свои затаенныя, робкія надежды, что „Надюшу они отвоюютъ“, или, падая духомъ, говорили, что „о Надюшѣ стараются, а она не хочетъ поправляться“—такой горькій лепетъ заставлялъ ее замолкать, нагонялъ на ея личико, ту степень приподнятаго муками раздумья, гдѣ кричитъ жуть глубины. Стоны ребенка перешли въ плачъ. Слышать эти надорванные страдальческіе крики, видѣть какъ лицо маленькаго существа искажается отъ какой-то внутренней боли—сегодня Чаеву было особенно непереносимо.

Граньше, когда была надежда, что ребенокъ выживетъ, онъ находилъ въ себѣ необходимыя самообладаніе и терпѣніе; но со дня, когда эта надежда начала исчезать—у него все чаще и чаще мутилось сознаніе. Онъ забывалъ, что все въ мірѣ подвержено однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ законамъ и въ страданіи своей малютки видѣлъ бессмысленную жестокость. Вслухъ этого никогда еще не высказывалъ—боялся пугать жену. Теперь жены не было и онъ не выдержалъ. Съ бѣшенымъ отчаяніемъ, гдѣ и мольба и бунтъ, бормоталъ:

— Боже мой! Кому это нужно? За что? Къ чему такія муки? Гдѣ же тутъ милосердіе? Ну, если нужны жертвы не только въ лицѣ взрослыхъ, но и въ лицѣ дѣтей—рази дѣтей, но безъ излишней жестокости. При чемъ дѣти? Они чисты и невинны. Къ чему такая агонія?

Изъ глубины души въ немъ поднималось нѣчто, что дерзко готово бы было принять ударъ на себя, лишь бы не видѣть, что за страданіе разлито на землѣ.

Потомъ это состояніе минуло—пришло другое: смиренія и просвѣтлѣнія. Оно приходило къ Чаеву уже не разъ, но отъ этого ему было не легче. Оно давило его, какъ камень, о которомъ заикнуться нельзя и, теперь при мысли, что жены нѣтъ дома, что его никто не услышитъ, кромѣ его больной малютки, на его лицѣ мелькнула радость, почти безумнаго.

Въ комнату уже мягко лѣзли сумерки, и страшенъ былъ въ этихъ сумеркахъ этотъ человѣкъ съ зелено-сѣрымъ лицомъ, со страшной усталостью волочившій за собою ноги, качавшійся на ходу такъ, что вотъ-вотъ онъ упадетъ.

Онъ ходилъ и говорилъ, мѣшая свои слова съ плачемъ ребенка, говорилъ съ тѣмъ нестерпимымъ трепетомъ боли, когда великая любовь кричитъ о своихъ великихъ утратахъ:

— Тебѣ больно, Надюша? да? Ты умираешь?

Пусть. Это, можетъ быть, къ лучшему: долго жить еще больнѣе. Вотъ, Надюша, жизнь: нѣтъ

никого у меня ближе, какъ твоя мама и нѣтъ у твоей мамы никого ближе, какъ я, но мы молчимъ, мы боимся говорить другъ-другу о томъ, что насъ страшитъ. Ужасъ придвинулъ къ намъ вплотную свое лицо, и мы молчимъ о немъ, дабы не пугать другъ-друга. Жизнь, Надюша, это безумный крикъ того задавленного страха, который мы не боимся выдать только передъ Богомъ да передъ младенцемъ, ибо знаемъ, что Тотъ и другой нашу тайну сохранять въ тайнѣ. Жизнь, Надюша—вырвется изъ твоего маленькаго тѣльца послѣдній вздохъ, умереть за тобою твоя мама и, если послѣ этого я останусь жить—люди будутъ думать, что я нѣмъ и неподвиженъ, замкнуть и холоденъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, а я... Надюша, какъ нестерпимо представлять себѣ, что тотъ міръ, отъ котораго ты тайлся, которому ни звукомъ, ни взглядомъ не хотѣлъ выдать своего страданія, вдругъ увидитъ въ тебѣ лишняго безумца съ силой отчаянія взметывающаго руки въ пространство и незамѣчающаго, что крики его души имѣютъ единственнаго слушателя—пустоту! Пустоту, Надюша. То нѣчто, чего такъ смертельно боится человѣкъ, передъ чѣмъ вѣчно трепещетъ. Вотъ жизнь, Надюша: молчать и копить въ себѣ сокровища мысли и чувства—и все, можетъ быть, только для того, что бы бросить ихъ въ пустоту и услышать отъ толпы: онъ безуменъ! Отъ той толпы, которая съ одной стороны—образъ и подобіе Божіе, съ другой—чудовище, творецъ всѣхъ

несчастій на землѣ. Жизнь, Надюша, это безчисленные стада слѣпыхъ животныхъ и великое горе въ этихъ стадахъ рѣдкимъ особямъ—зрячему человѣку: зрячій идетъ и смотритъ, какъ бы кого хоть слегка не задѣть, а слѣпцы прутъ и давятъ и слѣпцовъ и зрячихъ. Жизнь, Надюша, это міръ задыхающійся отъ преступлений и страданій, міръ, гдѣ нѣтъ виноватыхъ, ибо девятьсотъ девяносто девять изъ тысячи не имѣютъ права въ немъ называться людьми. Жизнь, Надюша, это кошмаръ: что въ немъ на первый взглядъ кажется просто—то таитъ за своей простотой большую сложность, а что кажется сложно—то поражаетъ своей простотой.

Ребенокъ уже замолкъ. Смотрѣлъ своими бездонными, отъ муки, глазами въ лицо отца, какъ загипнотизированный, и слушалъ. А Чаевъ ничего этого не замѣчалъ. У него былъ тотъ экстазъ отчаянія, когда не только чей либо посторонній звукъ, но даже звукъ собственнаго голоса не осязался. Онъ чувствовалъ только одно: вся жизнь его большого тѣла ушла въ жизнь маленькаго умирающаго тѣльца. Онъ ходилъ и продолжалъ:

— Тебѣ, Надюша, больно? Ты умираешь? Отчего? Это случилось, Надюша, просто. Мы съ мамой безумцы! Въ мірѣ лжи и условностей, привилегій и традицій, гдѣ все оцѣнивается только на вѣсъ золота, гдѣ видятъ только обстоятельства, а не человѣка, гдѣ въ кумиры возведены ничтожества—въ такомъ мірѣ мы, Надюша, взя-

лись съ мамой рука объ руку и гордо пошли прямокомъ на встрѣчу болѣе высокимъ цѣлямъ въ жизни. И вотъ поплатились! Ты была, Надюша, дивной формой съ еще болѣе дивнымъ содержаніемъ—и вотъ ты разбита. Разбита такъ глупо и просто! Въ этомъ мірѣ, Надюша, нѣтъ виноватыхъ, ибо въ немъ всѣ правы тѣмъ, что давнымъ-давно всѣ прокляты. Въ этомъ мірѣ, Надюша, не было ни одного человѣка, который бы хотъ разъ въ своей жизни не послалъ этому міру проклятiя. Проклинай, Надюша, и ты этотъ міръ! Этотъ міръ, который за тысячелѣтія своего существованія не смылъ съ себя печати Каина! Проклинай покорнаго раба и трижды проклинай убійцу—угнетателя. Проклинай видомъ своего измученнаго тѣлица, каждымъ стономъ своей боли, проклинай послѣднимъ вздохомъ своего существованія. Проклинай, Надюша. Проклинай проклятiемъ младенца!

Потомъ Чаевъ сѣлъ на постель. И сидѣлъ въ томъ состояніи, когда человѣку кажется, что онъ кричитъ, а губы его судорожно сжаты, а когда говорить—не осязаетъ собственного голоса.

Было темно, когда вернулась его жена. Она зажгла огонь и повернулась къ нему, чтобы подѣлиться радостной вѣстью, что на леченіе въ Крыму она денегъ достала.

Но посмотрѣла на мужа и промолчала. Ребенокъ лежалъ у него на колѣняхъ, а онъ, согнувъ

шись надъ нимъ, плакалъ широко раскрытыми глазами и лепеталъ:

— И будетъ завтра, Надюша, солнышко. И мы пойдемъ, Надюша, бу-у... бу-у пойдемъ мы, Надюша, въ садикъ! Ты увидишь тамъ птичекъ. Пальчикомъ на нихъ своимъ покажешь. Завтра я тебѣ, Надюша, дамъ цыпленочка!..

Присѣла къ мужу и жена. И тоже плакала. Въ первый разъ они не стыдились своихъ слезъ.

На слѣдующій день Вѣра давала своимъ ученицамъ послѣдній урокъ. Черезъ нѣсколько дней наступала пора переэкзаменовокъ и Вѣрѣ выпалъ не малый трудъ—убѣдиться, сколько изъ приготовлявшихся у ней выдержать.

Чаевъ ходилъ съ ребенкомъ въ саду, гдѣ жена занималась въ бесѣдкѣ съ ученицами и невольно слышалъ, какъ ей приходится долбить велико-возрастнымъ гимназисткамъ шестого и седьмого классовъ до хрипоты въ голосѣ.

Въ саду было много цвѣтовъ и райскихъ яблокъ.

Какихъ нибудъ еще два мѣсяца назадъ, Надюша тянулась съ восторженнымъ крикомъ къ каждому цвѣтку, ко всякой зелени—теперь все это прошло. Грустно и печально она смотрѣла на цвѣты и только изрѣдка, высмотрѣвъ на яблоняхъ какой

нибудь особенно спѣлый, золотящійся на солнцѣ, плодъ—обращала на него вниманіе отца пальчикомъ.

— Сорвать, Надюша?

Надюша дѣлала тихое, усталое отрицательное движеніе головкой.

— Не хочешь. Ну, чтожъ, посмотри такъ. Божій міръ, Надюша, такъ прекрасенъ.

Остатки вчерашняго возбужденія въ Чаевѣ еще не улеглись и, мысль, что недолго его крошкѣ останется созерцать этотъ прекрасный міръ, внутренне добавляла: „Да, только люди въ этомъ мірѣ... проклинай ихъ, Надюша!“

Все припоминалъ и переживалъ онъ теперь особенно остро.

Вотъ начало болѣзни, когда малютка много плакала, потомъ начала затихать. Видно, что недугъ позываетъ на плачь, но крѣпится. Льнетъ только къ груди отца и матери крѣпче, ибо чувствуетъ своимъ маленькимъ сердцемъ, какъ истекаютъ за нее кровью большія сердца, а облегчить ей страданій все-таки не могутъ—льнетъ и понимаетъ, что, значить, надо насколько силъ хватаетъ терпѣть. Вотъ счастливый періодъ Надюши, когда она была обаятельнымъ символомъ юной, буйно-ликующей и расцвѣтающей жизни. Сколько ласкъ и восторговъ, что такой „чудный, рѣдкостный ребенокъ!“

Надюша этого времени не забываетъ. Смерть къ ней двигается быстрыми шагами и быстро несетъ

ей свою мудрость. Насколько Надюша раньше тянулась къ людямъ, настолько она теперь ихъ чуждается. За пять мѣсяцевъ своей болѣзни она измѣрила людскую измѣнчивость—стоило ей заболѣть и нѣтъ ласкъ отъ постороннихъ лицъ, всѣ смотрятъ на нее издали такими глазами, отъ которыхъ она или отворачивается, или въ свою очередь въ упоръ смотритъ такимъ взглядомъ, передъ которымъ опускаютъ глаза взрослые, а иные ея отцу и матери даже говорили: „Какіе тяжелые глаза у вашего ребенка!“

О, тупое человѣческое стадо! Стадо не понимающее, что, можетъ быть, само небо, глазами этого ребенка говоритъ, что суровое осужденіе—это единственное, что могутъ оставить этому стаду за его равнодушіе и жестокость, за убожество сознанія рано вынужденныя уйти изъ жизни существа.

Всю муку, какую принесла болѣзнь ребенка, припоминалъ Чаевъ и внутри его неудержимо клокотало: „Проклинай, Надюша, проклинай!“

И не было мѣста, куда бы онъ хоть немного, могъ уйти отъ этой муки.

На другомъ концѣ двора стоялъ большой домъ, около котораго по цѣлымъ днямъ возилась куча дѣтвора. Оттуда въ садъ неумолкаемо лились ихъ звонкіе голоса. Три мѣсяца назадъ Надюша сама еще могла принимать участіе въ ихъ вознѣ, потомъ только на нихъ посматривала, а затѣмъ—то, что раньше давало ей восторгъ, начало да-

вать муку. Взглянетъ на дѣтишекъ, на одинъ мигъ въ глазахъ вспыхнетъ огонекъ—и замретъ. Темнѣе станетъ взглядъ, а на личико—все глубже и жутче проникнетъ его, это ушедшее въ свое страданіе раздумье.

Уже съ недѣлю, какъ Надюша совсѣмъ отказалась отъ дѣтей. Она не желала ихъ видѣть. Но ихъ голоса—невольно она прислушивалась къ нимъ, невольно ея рученка поднималась по направленію къ дому и вдругъ падала, а въ глазахъ вспыхивала огромная тоска и появлялись слезы. Чувствовала малютка, что жизнь ея быстро таетъ и не рѣзвиться ей на землѣ, какъ тѣмъ здоровымъ дѣтямъ.

Это страданіе одиннадцатимѣсячнаго ребенка доводило Чаева до бѣшенства, граничащаго съ умоизступленіемъ.

То его порывало пойти и розыскать виновницу болѣзни Надюши; розыскать и раздавить эту старуху и за ребенка, и за себя, и за жену, и за другихъ, ибо, думалъ онъ, кто можетъ поручиться, что эта старуха не навлечетъ такого ужаса и на-кого либо еще?

То—безумно-напряженными глазами, онъ смотрѣлъ на уголь каменнаго сарая съ мыслью, что немного мужества—и всему конецъ.

Ударъ головой объ этотъ уголь — и всему конецъ.

Ничего не видѣть, ничего не чувствовать, ни о чемъ не думать—какое облегченіе!

Но передъ появленіемъ этого бѣшенства у него сильно кружилась голова, когда кажется, что снизу почва убѣгаетъ изъ подъ ногъ, а сверху небо падаетъ и, изъ боязни, какъ бы не упасть съ ребенкомъ, онъ садился на скамью или прямо на землю.

И, пока головокруженіе проходило—сидѣлъ долго, а когда вставалъ,—мысль принимала уже другое теченіе: „А Вѣра съ Надюшей? Онѣ, будутъ видѣть, чувствовать, думать вдвойнѣ, ощущая его отсутствіе... Какое позорное малодушіе!“

Въ этотъ день, когда Вѣра закончила уроки, она захватила мужа именно въ такомъ состояніи. Онъ сидѣлъ на скамьѣ и, присаживаясь къ нему, она заговорила съ чувствомъ большой радости и облегченія:

— Слава Богу! если бы ты зналъ, какую гору я съ себя свалила? Когда я была здорова, то и тогда для меня семь ученицъ были не шуткой. А теперь,—какъ я протянула съ ними все лѣто—и сама не знаю. Ну, да ладно: тяжелое позади! Теперь будемъ отдыхать и надѣяться на лучшее. Послѣ завтра отправляй меня съ Надюшей въ Крымъ. Я такъ рада!

Чаевъ молчалъ. Помолчала и Вѣра.

Потомъ спросила:

— Ты слышишь?

Онъ молчалъ. Она заглянула ему въ лицо—эта застывшая маска скорби, страданія и усталости была для нея уже не нова, но его глаза—

глаза полураздавленного на смерть животного — тусклые и покорные, ничего не видящие кромѣ своей муки—эти глаза заставили Вѣру содрогнуться.

То, что завтра не явятся ученицы, о чемъ въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ Вѣра по окончаніи уроковъ думала со страхомъ, то, что черезъ день она поѣдетъ въ Крымъ, въ Крымъ, сулящій ей и ея ребенку блага здоровья—все это забылось, погасло и давило только одно—темь и безнадежность.

Не надо говорить, не надо двигаться, сидѣть вотъ такъ, какъ сидитъ она, какъ мужъ, какъ лежить у него на колѣняхъ ребенокъ и покорно ждать смерти. Вѣрѣ казалось, что всѣ они настолько обезсилены и измучены, что всѣ настолько спаяны общей мукой и привязанностью—стоитъ умереть одному, сейчасъ же за нимъ умретъ другой, за другимъ третій.

Темнѣло уже, когда ребенокъ, которому стало свѣжо, привелъ ихъ въ себя.

Молча они пошли домой.

Ночь выпала тяжелая. Ребенокъ все время былъ въ забытьѣ и требовалъ, чтобы его коляска была въ непрерывномъ движеніи назадъ и впередъ.

Съ вечера у малютки началось сильное разстройство желудка. Отецъ далъ ей каломель. Приходилось часто мѣнять простынки и тюфячки. И когда отецъ съ этимъ возился—малютка въ это время лежала на его постели. Если онъ за-

бывалъ прикрывать ея одѣяломъ — она терпѣливо выжидала, когда онъ кончитъ, вздрагивая отъ свѣжести своимъ худенькимъ обнаженнымъ тѣльцемъ.

Онъ подходилъ къ ней и, замѣчая дрожь холода, съ упрекомъ бормоталъ: „Вотъ это ужъ, Надюша, не хорошо. Надо было мнѣ объ этомъ напомнить“,—малютка смотрѣла въ лицо отца съ глубокой любовью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ той мольбой, которая проситъ понять, что она и сама сознаетъ—насколько тяжелъ за ней уходъ, но что же она можетъ сдѣлать, если она такъ безпомощна, кромѣ того—потерпѣть, когда на это въ силахъ.

Онъ укладывалъ малютку въ коляску, а по щекамъ его медленно струились слезы.

Къ полночи разстройство желудка у малютки прекратилось, но сонъ къ ней все-таки не приходилъ.

Сгорило Чаеву на минуту остановить коляску—оттуда черезъ минуту раздавался тихій и скорбный крикъ.

Онъ двигалъ коляску—крикъ замолкалъ. Но иногда не помогало и это. Тогда онъ бралъ ребенка на руки. Онъ зналъ, что чѣмъ ни ближе Надюша къ смерти, тѣмъ чаще у нея этотъ страхъ—страхъ не выносящій тишины, страхъ, покидающій Надюшу только тогда, когда она почувствуетъ своимъ тѣльцемъ тѣло отца или матери.

Очутившись на рукахъ отца Надюша замолкала. То она съ безмѣрной радостью всматривалась въ его суровое, окаменѣвшее лицо, которое въ слабomъ свѣтѣ ночника могло бы напугать взрослого человѣка, и въ ея глазахъ была все та же мольба, просящая понять, какъ велика ея беспомощность; то жуткими, глубоко ушедшими въ свое страданіе, глазами смотрѣла куда то внѣстѣнъ, внѣ-пространства, а крошечная изсохшая рученка цѣпко-цѣпко держалась за руку Чаева, по временамъ вздрагивая такъ, точно и въ эти минуты ей приходило опасеніе, что не иллюзія-ли близкое присутствіе ея къ отцу.

Чаевъ давно забылъ, когда онъ спалъ по ночамъ не одѣтый. Ночь его заставляла въ томъ, въ чемъ онъ былъ одѣтъ днемъ. Такъ же было и съ Вѣрой. Она спала на постели въ своемъ неизмѣнномъ черномъ платьѣ. Уже нѣсколько ночей Чаеву приходилось коротать ночи одному. Часовъ съ десяти вечера у ней начинался жаръ и бредъ.

Среди невнятнаго бормотанія чаще и яснѣе всего проскальзывала фраза: „Вонъ, вонъ, старая дура! Какая чудовищная тупость! Вонъ немедленно“.

Чаевъ зналъ къ кому это относится.

Это случилось семь мѣсяцевъ назадъ. Обстоятельства заставили Чаевыхъ на нѣсколько времени разъѣхаться. Онъ оставался въ столицѣ, Вѣра пріѣхала въ этотъ провинціальный городъ

за заработкомъ. Каждый день она должна была отлучаться на три часа изъ дому на уроки—съ ребенкомъ въ это время оставалась нянька. Старуха скучала съ Надюшей и украдкой на эти часы уходила къ своимъ знакомымъ. И попала однажды къ такимъ, которые только что перебрались въ другую квартиру. Поболтать старухѣ кое о чемъ много надо,—а ребенокъ мѣшаетъ. Старая голова нашлась: „Сдамъ-ка я его ребятишкамъ. И мнѣ не будетъ мѣшать, и имъ веселѣе“. Квартира пустовала три зимнихъ мѣсяца—и въ такомъ то холодѣ дѣтишки играя съ Надюшей сбросили съ нея одѣяло, оставивъ въ одной рубашенкѣ.

А старуха, занятая разговорами ничего не замѣчала, ей холодно не было: въ чемъ пришла съ улицы, въ томъ и сидѣла!

Вернулась Вѣра съ урока домой—нѣтъ ни ребенка, ни старухи. И хотя сосѣди успокаивали Вѣру, что старуха уходитъ съ ребенкомъ не впервые, что скоро, вѣроятно, она вернется—Вѣра, чуя недоброе, бросилась старуху искать.

Когда нашла—едва отворила дверь и видитъ, какъ старуха, торопливо кутая посинѣвшего ребенка въ одѣяло, подносить его къ ней и... удивляется:

— Диву, барыня, даюсь! Рабеночекъ то, кажись, заболѣлъ. Съ чего бы? Всегда такой веселенькій—и вдругъ сразу приключилось ни въсть што и отчего!

Ребенокъ перенесъ сильное воспаленіе легкихъ.

Вѣра мужу объ этомъ не писала. Когда онъ прѣхалъ самъ—ребенокъ какъ будто уже поправился. Особенно рѣзкихъ внѣшнихъ примѣтъ болѣзнь послѣ себя не оставила, кромѣ небольшой блѣдности и, когда Чаевъ замѣтилъ, что „Надюша почему то немнѣшечко поблѣднѣла“—Вѣра рассказала ему исторію съ Надюшей.

Онъ нахмурился:

— Это не шутка!

А Вѣра, вертѣла ребенка въ рукахъ и, со счастливой улыбкой говорила:

— Ничего. Успокойся! Теперь всякая опасность миновала, кромѣ рахита. Но я и на этотъ счетъ мѣры принимаю: лечу Надюшу у того же врача. Крѣпенькая она у насъ: такую штуку перенесла, что даже и самъ врачъ удивился. Ну, не хмурься! Теперь это для тебя—только тема для рассказа!

Эту заключительную фразу Чаевъ припомнилъ черезъ мѣсяцъ, когда ребенокъ сильно похирѣлъ:

— Хороша тема для рассказа!

Черезъ три мѣсяца онъ горько думалъ::

— Тема для драмы.

А теперь, наканунѣ отъѣзда жены съ ребенкомъ въ Крымъ, когда уже его грызли злыя предчувствія, что не только ребенка, но и жены, пожалуй, онъ больше не увидитъ въ живыхъ—онъ находитъ, что тема для рассказа расширилась до темы для трагедіи.

Кому мѣшала эта вотъ еще нѣсколько мѣсяцевъ

назадъ обаятельная малютка, а теперь страшная тѣнь?

Никому! За что свержена въ преждевременную могилу молодая женщина, жизнь которой была единымъ свѣтлымъ порывомъ къ вершинамъ бытія? Ни за что! Кто его пойметъ, какъ это чувствуетъ онъ, когда погаснуть для него эти два свѣта—сколько бодрости, радости, счастья черпалъ онъ въ этихъ двухъ раздавленныхъ жизняхъ? Никто! никто не повѣритъ ему и никто не пойметъ его, что онъ нуждался въ жизни только въ этой женщинѣ и въ этомъ ребенкѣ.

Пришла слѣпая, черствая и безсердечная тупость и предательски нанесла свой ударъ, а за этимъ ударомъ послѣдовалъ ударъ отъ ожирѣвшей алчности—и вотъ отъ двухъ большихъ жизней, полныхъ гордыхъ порывовъ человѣческаго духа, и отъ одной маленькой, вопіющей къ нему о своемъ правѣ жить—остался только никому ненужный ужасъ страданіи, а за страданіемъ—смерть!

Въ эту ночь Чаевъ перешелъ за черту, гдѣ человѣка уже ничѣмъ нельзя поразить, а только тронуть. И когда наступилъ разсвѣтъ—онъ встрѣтилъ его глазами прокливающими и любящими, ненавидящими и благословляющими уже не во имя свое.

День тянулся безконечно.

Вѣра лежала въ постели, набираясь силъ на дорогу; Надюша покоилась около матери, думая

свои строгія думы и, поглядывая любовно то на мать, то на отца, занятого сборомъ и упаковкой вещей.

Къ шести часамъ вечера все было кончено. До отъѣзда еще оставалось семь часовъ и эти часы Чаевымъ казались вѣчностью. При сборѣ вещей они еще перекидывались словомъ-другимъ о томъ, что взять и что не надо, теперь ихъ давило то молчаніе, въ которомъ кроется страхъ и о которомъ ни тотъ ни другой не рѣшается обмолвиться.

Чаевъ думалъ, что ждетъ жену и ребенка, когда они очутятся въ Крыму, при томъ еще съ очень ограниченными средствами, Вѣра думала тоже самое, но заговаривать объ этомъ считала лишнимъ.

Такъ они промолчали четыре часа и потомъ не выдержали. Страхъ покорилъ ихъ и кинулъ другъ къ другу.

Они лежали каждый на своей постели, притворяясь, что отдыхаютъ, и вдругъ оба поднялись, подошли къ окну, потомъ Чаевъ наклонилъ головы сказавъ женѣ, что ребенокъ спитъ, и, тѣсно обнявшись, они пошли изъ комнаты, не обмолвившись ни однимъ звукомъ о томъ, куда идутъ.

Миновали дворъ, открыли калитку и очутились на двухъ аршинной полосѣ: съ одной стороны заборъ, съ другой—крутой скатъ къ рѣкѣ. На краю этого ската виднѣлось возвышеніе. Въ темнотѣ это возвышеніе Чаевъ принялъ за естест-

венную выпуклость почвы и, опустившись на него, жестомъ руки указавъ Вѣрѣ на мѣсто рядомъ съ собой.

Присѣла и она. Возвышеніе дрогнуло и начало подъ ними понемногу раздаваться.

Оказалось, что это была груда мусора изъ мелкой щепы и битаго кирпича, сидѣть на которой далеко не безопасно. Стоило кому (нибудь изъ нихъ) сдѣлать болѣе или менѣе рѣзкое движеніе и они съ кучей мусора скатились бы въ рѣку.

Вѣра замѣтила:

— Имѣй въ виду, что мѣсто тутъ не мелкое.

— Знаю, отозвался Чаевъ.

— Я плавать не умѣю.

— А я умѣю, но, если мнѣ очутиться въ водѣ — я пойду ко дну, какъ топоръ. Я очень, Вѣра, усталъ.

— По себѣ вѣрю, родной. Но, однако, давай отсюда переберемся на другое мѣсто.

Чаевъ отвѣтилъ пожатіемъ плечъ. Вѣра сказала:

— Но вѣдь, это безуміе! Подумай: мы не одни?

Чаевъ тихо отвѣтилъ:

— Можетъ быть. Но вѣрь мнѣ или не вѣрь—сѣсть я сѣлъ, а встать не могу. Силъ нѣтъ.

— Упрямый,—устало бросила Вѣра и, обнявъ мужа обѣими руками, крѣпко прильнула къ нему: если ужъ погибнуть, такъ вмѣстѣ!

И они сидѣли на опасной кучѣ мусора. Сидѣли и мучались, что они дожили до того часа, ког-

да позорно бѣжали отъ своей больной малютки.

Прошло все лѣто, идутъ первыя числа августа—и за все это время ночи для нихъ были страшными ночами, когда у нихъ слипающіеся глаза и боязнь, что вотъ-вотъ кто нибудь изъ нихъ отъ усталости сейчасъ упадетъ и не поднимется. И каждая ночь была для нихъ страстнымъ ожиданіемъ разсвѣта: настанетъ день и они увидятъ, что ихъ мучительно - чахнувшей крошкѣ легче!

Ради этого крѣпились и надѣялись. Теперь все это рухнуло. Надежда умерла, а на ея мѣсто пришло отчаяніе.

Много, конечно, ночей видѣлъ Чаевъ въ 29 лѣтъ, а Вѣра въ 25, но въ эту ночь они вглядывались такими широкими и жадными глазами, точно видѣли ночь впервые.

Бдкая тоска заполняла ихъ: имъ казалось, что за время болѣзни ребенка мимо нихъ проплыло какое-то большое счастье.

Слухъ ихъ былъ остро напряженъ и плакать имъ хотѣлось горько и беспомощно, какъ плачутъ дѣти, отъ тяжести этого мучительнаго ожиданія что вотъ-вотъ Надюша проснется и подастъ голосъ—и они уйдутъ, ихъ не будетъ на этой кучѣ мусора.

Жаждой полного забвенія всему, что прошло и что грядетъ, жили они: созерцать, только бы спокойно созерцать эту ночь, а тамъ будь, что будетъ.

Голова Вѣры безсильно приникла къ плечу мужа:

— Родной, тишины... только тишины!

Его рука безсильно легла на ея талию.

— Да, Вѣра, тишины и мира.

Все Чаеву въ это время хотѣлось забыть, все простить. Замирало застарѣлое бѣшенство, что гдѣ-то есть злостно-тупая старуха, которую, нужно раздавить, если не за себя, то за другихъ, дабы она не принесла такого несчастья кому либо еще.

Хотѣлось ему тишины и мира—и тишина и миръ пришли: забыть старуху онъ, конечно, не могъ, но простить—отъ глубины души онъ простилъ и пожалѣлъ эту старую несчастную голову, мыкавшуюся всю свою жизнь по чужимъ угламъ.

И уже не жадными, а тихими и благодарными глазами Чаевъ и Вѣра смотрѣли на черный и тяжелый—тяжелый бархатъ воды: кажется—очутись подъ нимъ и онъ мягко раздавить.

Въ одномъ мѣстѣ рѣки лунный свѣтъ ложился на воду косымъ свѣтлымъ полотномъ—тамъ съ мелодичнымъ всплескомъ игралъ серебристый метъ мелкой рыбешки.

За рѣкой, на песчанномъ берегу, высятся темныя кошмы лѣса. Дальше, за кошмами—большая степь, откуда сильнѣе вѣяло смѣшаннымъ ароматомъ всевозможныхъ травъ.

Не подалеку отъ кошмъ костеръ, надъ костромъ—котель,

Въ ожиданіи ужина вокругъ костра сидятъ, лежатъ и стоятъ плотовые рабочіе. Босые, съ разстегнутыми воротами рубахъ. Одинъ голосъ что-то рассказываетъ — словъ не разобрать.

Небо мягкое, низкое, такое же бархатное, какъ вода. Звѣздъ было много, но такъ онѣ были робки и отдалены — вся земля въ эту ночь была отдана во власть тихой, загадочно-глубокой тьмы.

Всюду какое то острое раздумье; всюду тишина — полная какихъ то невнятныхъ шороховъ; всюду покой, но покой пронизанный жутью чьихъ то неувимыхъ движеній, тайной тайныхъ неслышныхъ рѣчей.

Загадочная ночь! Многое въ такія ночи явное становится тайнымъ и тайное явнымъ.

Были или небылицы рассказываетъ этотъ плотовой рабочій своимъ товарищамъ — это не важно; важенъ его жестъ, перемѣна позы — тогда тѣнь его фигуры на водѣ взметнется, потомъ дрогнетъ и замретъ, пугая и маня своею неподвижностью.

Огблески огня играютъ на суровыхъ борода-тыхъ лицахъ и нельзя повѣрить, что это обыкновенные мирные люди, люди тяжкаго труда: такъ они фантастичны!

— Родной, — внезапно заговорила Вѣра: — Когда я была еще дѣвченкой лѣтъ семи — съ тѣхъ поръ во мнѣ проснулось стремленіе къ небу. И какъ тогда меня подавляло это величіе, такъ и теперь. Посмотри на небо даже простымъ глазомъ — какъ все безмѣрно, безгранично, непостижимо! А когда

подумаешь, что земля наша только атомъ, что кромѣ земли въ мірозданіи еще тысячи тысячъ невѣдомыхъ и никогда недостижимыхъ міровъ, тогда кажешься себѣ такой маленькой-маленькой, такой ничтожной, что какъ то даже странно, что ты живешь. Такимъ огромнымъ счастьемъ кажется жизнь и смерть: жить ли, умереть ли — все счастье! Такъ я чувствую жизнь и смерть. Небо подавляетъ своимъ величіемъ человека. И когда созерцаешь это величіе, то, по моему мнѣнію, только слѣпой не видитъ, что стыдно быть такой дрянью, каковы люди на землѣ. Думалъ ли ты, когда объ этомъ, родной?

Чаевъ согласился съ женой, что въ мірозданіи дѣйствительно, все безмѣрно, но внутренне уже, насторожился: къ чему это она такую рѣчь завела? И не успѣлъ догадаться, какъ слезы тоски прожгли легкую рубашку на немъ; плстыѣ своимъ горячимъ тѣломъ Вѣра приникла къ тѣлу мужа, голову спрятала у него на груди и говорила тихо и медленно:

— Умереть, Надя... Раньше казалось, что этого не переживу. Теперь не то. Больно оторвать отъ своего сердца этотъ большой кусокъ, но, знаешь: когда женщина любитъ отца своего ребенка, она при утратѣ ребенка будетъ тѣшить себя надеждой, что утрата одного вознаградится другимъ. Тѣшила себя такой надеждой и я; потомъ отказалась и отъ этого: чувствую, что не жить мнѣ. Умереть наша Надя, умру я, а ты останешься

одинъ. Одинъ! Будетъ у тебя тоска по Надѣ, будутъ инныя невзгоды, а подѣлить тебѣ всего горькаго будетъ не съ кѣмъ. И вотъ, не ради радостей, не ради счастья, а ради горя твоего хотѣлось бы при тебѣ немножко пожить. Изжилъ бы ты его немного, полегчало бы тебѣ—тогда я спокойнѣе бы умерла.

Чаевъ весь похолодѣлъ и забормоталъ:

— Что за вадоръ! Вѣдь, ты же ѣдешь въ Крымъ. И если Надюша не поправится, такъ ты...

И не договорилъ. Онъ передъ этимъ только что думалъ о томъ, какъ бы отговорить жену отъ поѣздки въ Крымъ.

— Что я?—спрашивала Вѣра.

Но онъ молчалъ. До этой ночи, когда онъ видѣлъ, какъ быстро таетъ фигура жены, какъ все плотнѣе и гуще врѣзывается въ кожу лица злобѣще-землистый оттѣнокъ, какъ лицо отъ худобы, съ сильно заостряющимся носомъ начинаетъ принимать уже птичье выраженіе—тогда ему ярко припоминалась жена, когда была здорова.

Гдѣ тотъ прекрасный матовый цвѣтъ лица, тѣ вьющіеся нѣжно-пепельные волосы? Гдѣ тѣ два локона, брошенные на виски съ такой безумной расточительностью, передъ чѣмъ блѣднѣетъ самая изысканно-утонченная фантазія и, какую можетъ позволить себѣ только природа? Этихъ локоновъ уже нѣтъ; волосы день ото дня все больше тускнѣютъ въ непріятно-желтый цвѣтъ. Въ мірѣ бездна богатства, умопомрачающей роскоши, соб-

лазнительнаго могущества власти—онъ шелъ мимо всѣхъ этихъ благъ земли, не оглядываясь на нихъ, счастливый обладаніемъ только одной женщины. И вотъ у него красоту этой единственной для него женщины отняли!

За что? Вѣдь, одной неисчислимо-малой тѣхъ богатствъ, какими располагаютъ богатые классы было бы достаточно сохранить ему дорогую женщину, но...

Такія мысли пронизывали его глубиной того бѣшенства, когда, будь бы у него сила и власть онъ не задумался бы раздавить весь тотъ господствующій надъ жизнью лицемерный міръ, который кричитъ, что превыше всего поклоняется красотѣ и топчетъ ту красоту, которая не желаетъ ему продаваться.

Но тоже самое бѣшенство сознавало, что такой силы и власти нѣтъ и безсильно изливалось во внутреннихъ крикахъ, что этотъ міръ можетъ только шествовать побѣдоносно по трупамъ, а вернуть хотя бы одинъ упавшій волосъ съ головы—на такое чудо онъ не способенъ

Теперь-же, въ эту ночь, онъ отказался отъ такой роскоши, какъ бывшая красота жены—ему хотѣлось плакать и, неслышимая мольба неслась изъ души отчаявшагося человѣка къ Богу: „Оставь мнѣ эту маленькую, больную женщину. Съ этимъ чахоточнымъ, птичьимъ лицомъ, съ этимъ вѣчнымъ жаромъ оставь мнѣ жизнь этой маленькой женщины!“

А Вѣра уже поборола себя и съ тихой нѣжной усмѣшкой говорила:

— Въ самомъ дѣлѣ: къ чему себя обманывать, когда нельзя обмануть? Старенькая я стала, слабенькая—можно и умирать. Но, знаешь, родной—не забывай меня совсѣмъ! Полное забвеніе больнѣе всего. Будетъ у тебя горе—вообрази, какъ бы я его подѣлила съ тобой; будетъ у тебя радость—припомни, какъ я радовалась съ тобой, когда намъ жизнь немного улыбалась. Больше ничего.

Помолчала.

— Видишь, какая я эгоистка: даже тамъ, за гробовой доской не хочу, чтобы ты забылъ меня!

До глубины души пронизалъ Чаева такой „эгоизмъ“ и онъ заплакалъ. Тѣми, широко раскрытыми глазами—тѣми тихими, но огненными по глубинѣ скорби слезами, когда плачутъ безъ звука. Это—слезы неба!

Плакалъ онъ долго. А Вѣра—она чувствовала, что эти слезы ведутъ мужа къ той тишинѣ, которую уже обрѣла она и молчала.

Онъ выплакался. И въ первый моментъ послѣ этихъ слезъ его охватила тревога; ему показалось, что въ немъ уже ни мысли, ни чувства—все ушло въ одну огромную пустоту и, чтобы внѣ его не случилось—все будетъ подобно паденію камня въ колодезь: одинъ звукъ и жуткая тишина—этотъ вѣчный голосъ пустоты!

И сколько бы онъ на то или другое явленіе не прислушивался—мысли и чувства его будутъ

одной только тревогой, ибо пустота не родитъ ни образа, ни мысли, ни чувства, кромѣ неопредѣленнаго, безобразнаго страха.

„Туда, скорѣе въ эту темную гладь воды!—и онъ сдѣлалъ молчаливую попытку освободиться изъ рукъ жены. Вѣра инстинктивно поняла его намѣреніе, и голосъ ея зазвучалъ сурово:

— Ой, родной, какъ стыдно!

И онъ сразу виновато притихъ, какъ школьникъ пойманный на мѣстѣ проступка. Ему хотѣлось сказать, что онъ виноватъ, но упрямая мысль, подсказывающая ему что виноватъ ли въ данномъ случаѣ онъ—это еще вопросъ, останавливала его отъ признанія. Онъ подбиралъ слова, какими бы можно было начать объясненіе въ свое оправданіе, но слова не подбирались, а внутренній голосъ твердилъ, что онъ „виноватъ“.

И когда онъ покори́лся этому внутреннему голосу, тогда въ первый разъ онъ такъ полно почувствовалъ всю власть и все величіе смерти надъ міромъ. Все пусто, все ничтожно передъ смертью, она нерушимая власть въ прошломъ и будущемъ—и это могущество ея роднило его не съ неизбежностью, несътой темной и страшной неизбежностью, какъ это чувствовалъ раньше, а съ новымъ для него чувствомъ—великимъ и свѣтлымъ: съ одной стороны—въ воду метаться съ отчаянія грѣшно и стыдно, съ другой—если бы кто-нибудь въ этотъ моментъ внушилъ Чаеву, что онъ бессмертенъ, онъ пришелъ бы въ ужасъ и закричалъ бы, что

величайшаго несчастія, какъ безсмертіе, для человека нельзя придумать. Смерть чудилась ему какъ благо, какъ послѣдній благословляющій и жизнь и смерть вздохъ, о которомъ думалось ему такъ легко и кротко: „что-жъ, всѣ умремъ и, можетъ быть, всѣ вновь будемъ жить. Только слѣпой съ ропотомъ принимаетъ свой конецъ, да тотъ, кто имѣетъ право роптать“.

Все шире и глубже раскрывалось передъ нимъ преступленіе человечества передъ человекомъ, вознося его на мировую Голгофу, гдѣ власть однихъ надъ жизнью и смертью другихъ обнажалась съ цинично-чудовищной откровенностью.

Сколько ихъ, этихъ имѣющихъ право на ропотъ, не осѣненныхъ близостью смерти, а распятыхъ на крестахъ жизни? Обильны, какъ морской песокъ! Идетъ холодная и злая сила и кто стоитъ, кто раздавленъ подъ ея пятой—старецъ-ли, младенецъ-ли?—она ничего не видитъ и не слышитъ. Ему припоминалась его малютка—ея ропотъ—слезы, когда она видитъ или слышитъ рѣвющихъ дѣтей.

Ему было больно такъ же, какъ и раньше, но впервые къ этой боли примѣшалось чувство тайной радости: „Надюша умретъ и не увидитъ и не содрогнется отъ всего этого ужаса земли!“

Онъ зналъ, что сегодня, въ эту же ночь онъ при взглядѣ на маленькое изстрадавшееся тѣльце почувствуетъ, какъ у него окаменѣетъ лицо, глаза застынутъ въ тяжелой неподвижности отъ этой

муки—видѣть, какъ мучительно-медленно умираетъ маленькая жизнь, видѣть, какъ изъ цвѣтущаго еще недавно ребенка остался скелетъ, обтянутый высохшей кожей—и все таки внутренне повторялъ: „Надюша умретъ и не увидитъ и не содрогнется отъ всего этого ужаса земли“.

Онъ чувствовалъ, что боль утраты ребенка, будетъ утратой незабываемой, но на ряду съ этой болью будетъ постоянно жить и это чувство тайной радости, что ранняя гибель малютки отняла у нея возможность знать ту крайнюю степень содроганія передъ жизнью, какую пережилъ онъ, взрослый человекъ.

Осторожно онъ началъ подниматься съ груды мусора, помогая встать и женѣ. Она вставала и говорила:

— Къ Надюшѣ? Да, да, пора. Мы передъ ней виноваты! Идемъ-ка искупать передъ ней свою вину. Хотя она у насъ добренькая: долго не сердится.

Лунный свѣтъ падалъ на лицо Вѣры и Чаву хорошо было видно, что это лицо нашло уже въ себѣ силу отрѣшиться отъ жизни. Такъ оно было свѣтло, спокойно, такъ глубоко пронизано послѣднимъ, тихимъ примиреніемъ: „Прости земля!“

Онъ благоговѣнно поцѣловалъ жену въ лобъ и опять было въ немъ вспыхнулъ взрывъ отчаянія: умретъ маленький, добрый скелетикъ, за нимъ его жена, а онъ останется одинъ—къ чему и съ чѣмъ?

И опять темная гладь воды показалась ему спасеніемъ. Вѣра было тронулась къ калиткѣ, но онъ ее задержалъ:

— Слушай, родная. Умереть Надя, допустимъ, что умрешь ты—послѣ васъ я никчемный человекъ въ жизни. Для чего жить, когда разбито въ жизни самое дорогое? Какой смыслъ въ той жизни, когда она только мука? Какъ не озвѣрить, когда кругомъ звѣри?

Вѣра не дала мужу высказаться до конца,—съ улыбкой его оборвала:

— Ну, вотъ. Легко жить всѣ хотятъ. Ты поживи, когда тебѣ трудно. Будетъ тяжело, весь міръ покажется безсердеченъ и теменъ, какъ черная ночь—противупоставь міру наличность своихъ лучшихъ чувствъ и помысловъ. И повѣрь: будетъ легче!

Чаевъ отмахнулся рукой:

— Будетъ ли? Родная, ты забываешь, что такое одиночество!

— Вовсе нѣтъ. Когда ты почувствуешь себя, что ты большой одинокій, въ средѣ маленькихъ одинокихъ—тогда вспомни, что у человека есть величайшій другъ: природа! Люби, родной, землю и небо, какъ земля и небо любятъ насъ. Ненавидь все дурное въ человѣкѣ, но если не перестанешь любить хорошаго въ немъ, ты никогда не будешь одинокъ.

Такой огромный наплывъ новыхъ мыслей и

чувствъ надвинулся на Чаева, котораго онъ всего цѣликомъ сразу осознать не могъ.

Онъ смотрѣлъ на груды мусора и видѣлъ, что его первые шаги по безусловно вѣрному пути—это отъ этой груды мусора; на этой грудѣ онъ оставилъ многое изъ собственного мусора души, накопленного за 29 лѣтъ жизни—такъ ему было очевидно, что не будь сегодняшней ночи, онъ, можетъ быть, въ этомъ собственномъ мусорѣ рылся бы всю свою жизнь, принимая во многомъ ложь за истину, а истину за ложь.

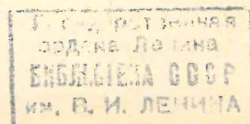
Они тронулись. Шли тихо, не спѣша. Когда вошли въ комнату и подошли къ коляскѣ ребенка—удивились: Надя не спала. На ея лицѣ было то строгое раздумье, которое все строже и глубже, чѣмъ ни ближе она къ концу.

Съ минуту она отца и мать какъ будто бы не замѣчала, но видѣли они, что она ихъ хорошо видитъ и понимаетъ ихъ больше, чѣмъ они ее, ибо она ближе ихъ къ вѣчности.

Потомъ Надюша вдругъ вскинула на нихъ огромные отъ худобы и отъ страданія глаза и обожгла ихъ тишиной радости: изъ глазъ ея струилась полоса свѣта, а маленькія уста внятно, съ невыразимой нѣжностью произнесли:

— Ма-ма... Па-па...

За время болѣзни ребенка они только два раза слышали отъ него эти слова; и было это въ моменты, когда ребенокъ изнемогалъ отъ муки, а они впадали въ безсильное отчаяніе.

И вотъ тогда изъ груди маленькой крошки вырывался призывъ къ терпѣнію, звучащій для нихъ величайшей наградой.

Теперь тоя у малютки былъ другой. Она ихъ ни о чемъ не просила: со своихъ незримыхъ высь, гдѣ близящійся духъ смерти приобщилъ ея больше къ тайнамъ бытія и небытія, чѣмъ то доступно человѣческому сознанію, находящемуся еще подъ властью плоти—она ихъ только приветствовала!

Очарованные, они нѣсколько минутъ въ молчаніи смотрѣли на малютку. Потомъ Вѣра взяла ее на руки и съ тѣмъ свѣтлымъ лицомъ, какое можетъ быть только у человѣка, пребывающаго въ бреду и бредящаго о чемъ то прекрасномъ—говорила:

— Да, Надюша... Мы скоро отдохнемъ... Мы, родная, скоро отдохнемъ! Мы, Надюша, очень устали!

По лицу Вѣры медленно струились слезы. Чаевъ смотрѣлъ на жену и на дочь и слезы слѣпили и его. Но эти слезы не были слезами упадка. Онъ видѣлъ, что тѣнь смерти неотступно легла на жену и ребенка—но это уже его не пугало, ибо всталъ и онъ на вѣрный путь: на путь къ смерти. И чувствовалъ онъ, что будутъ тверды и спокойны его шаги по этому пути, какъ человѣка, хорошо знающаго не куда онъ идетъ, а что онъ обязанъ итти по этому пути—по пути къ смерти. И чтобы его не ждало—радость отдыха на землѣ

или длинная полоса бѣды и несчастій—ни въ радости, ни въ несчастіи онъ не свернетъ съ этого пути и не дрогнетъ на немъ и не забудетъ, что человѣкъ на землѣ долженъ быть не врагомъ смерти, а другомъ ея.

Онъ оглядывался назадъ—въ прошлое—такъ не легкоъ былъ пройденный путь, что какъ то непонятно, какъ можно такой путь выдержать, не упасть на немъ; взглядъ впередъ, въ будущее—одиночество, темъ и страхъ, но въ эти минуты прозрѣнія онъ видѣлъ, что страхъ передъ жизнью—это только крикъ немошной плоти. Ему хотѣлось силы огромной, нечеловѣческой—не той, которая вотъ какъ теперь въ немъ родила больную боль сладкаго мученичества распятаго на крестѣ жизни, а той, въ которой не было бы крика плоти, хотя бы и самовозвышающагося. Силы не чувствительной къ уколамъ жизни, силы, мудро-спокойно принимающей на себя всѣ удары, какъ фатальныя послѣдствія допущеннаго зла на землѣ, силы—достойной быть другомъ смерти.

Смерть ему чудилась, какъ величайшая любовь къ человѣчеству и какъ величайшая мученица въ вѣчности: она грозно обрываетъ бѣненіе жесткихъ сердець палачей жизни и со скорбей принимаетъ послѣдній вздохъ рано раздавленныхъ жизнью.

Онъ подошелъ къ женѣ и сказалъ ей съ точно такимъ же выраженіемъ, какъ и она—точно былъ въ бреду и бредилъ о чемъ то прекрасномъ:

— Родная! Силы хочу, силы. Неизмѣримой бы мощи для того, чтобы бороться съ палачами жизни. Сколько ихъ? Тьма! А вотъ не страшно. Вспыхнуло и горитъ во мнѣ чувство, что надо выпить всю чашу жизни, какъ бы она не была велика и горька, ибо дано намъ нѣчто для того, чтобы переживать не однѣ только радости!

И, когда онъ кончилъ, Вѣра сейчасъ же подхватила:

— Вотъ, вотъ! Вѣрно! Ты не думалъ, что моя поѣздка въ Крымъ—безуміе?

Чаевъ подтвердилъ, что—думалъ, что намѣревался сегодня даже Вѣрѣ объ этомъ говорить.

— Въ какомъ тонѣ?

— Да хотѣлъ тебя отъ поѣздки отговорить. Лучше, молъ, остаться здѣсь и ждать, когда смерть подберетъ.

— Ну, а теперь, какъ думаешь?

У Чаева понурилась голова.

— Надо, родная, ѣхать. А, можетъ, быть...

— Вотъ, вотъ! И я такъ думаю. Не сдамся. Ни за что до конца не сдамся!—и Вѣра припала къ плечу мужа головой и, говорила послѣ бодрого, энергичнаго тона, уже съ тоской:—Ахъ, родной, когда вотъ такъ хорошо страдаешь, какъ пострадали мы и, когда смотришь на жизнь черезъ это страданіе—какія тогда безграничны перспективы радостей жизни открываются! Радостей чистыхъ, возвышенныхъ. Радостей, которыми будешь наслаждаться, какъ человѣкъ, а не какъ

слѣпое и жадное животное, готовое всегда и у всѣхъ отнять то, чего нельзя отнимать... Всегда я думала: лучше съѣсть свой маленькій кусокъ, чѣмъ большой, да ворованный.

Чаевъ настоялъ, чтобы Вѣра ѣхала во второмъ классѣ. Вѣра было пыталась протестовать:

— Дорого. Лучше въ третьемъ.

Чаевъ хмурился.

— Экономъ на чемъ либо другомъ. Дорога дальняя: четверо сутокъ. И въ третьемъ классѣ съ мужиками и махоркой ты Надю и до Крыма не довезешь.

И онъ пошелъ и взялъ билетъ второго класса.

Вагонъ былъ полонъ. Присутствіе постороннихъ лицъ, а главнымъ образомъ эта тягостная поѣздка, заставляли Чаевыхъ быть сдержанными.

Они говорили о пустякахъ, какими стараются замаскировать внутреннюю тревогу.

Вѣра просила мужа, чтобы онъ чаще писалъ, съ нѣжной шуткой въ голосѣ упрекая, что онъ на это «большой лѣнтяй», Чаевъ говорилъ, чтобы она поэнергичнѣе лечилась.

Дали второй звонокъ. Надюша смирно лежала въ углу дивана. Чаевъ взялъ ее на руки и съ замѣчаніемъ, что «должно быть, ужъ спитъ», подошелъ съ ней поближе къ свѣту.

Надюша оказывается не спала. И когда онъ наклонялся, чтобы поцѣловать ее въ лобикъ—на него изъ ея глазъ хлынула такая любовь и нѣжность, что онъ сразу понялъ: «Такъ прощаются только тѣ умирающіе, которые чувствуютъ, что больше не увидятся».

Ему хотѣлось сказать, чтобы жена ѣхала одна, что этимъ она избавится отъ лишнихъ мученій, а ребенка онъ похоронить здѣсь, но онъ промолчалъ, ибо зналъ, что жена на это не пойдетъ.

Въ глазахъ у него помутнѣло и, какъ въ туманѣ онъ видѣлъ—подошла Вѣра, сдержанная, но съ испугомъ во взорѣ, съ лицомъ блѣднымъ, какъ полотно. Еще мигъ и ея руки судорожно крѣпко обвили его шею, а уста приблизившись къ его уху, шептали:

— Родной, ѣдемъ вмѣстѣ. Прости, но... не могу представить, какъ я останусь безъ тебя.

У него невольно вырвалось:

— Я тоже не могу представить. Но на что же я съ тобой поѣду? Дай Богъ тебѣ перебиваться на эти средства.

Это заставило Вѣру опомниться. Покорно и крѣпко она поцѣловала мужа, взяла у него ребенка и сказала:

— Иди.

— Но нѣтъ еще третьяго звонка?

— Ничего. Такъ будетъ легче.

— Да. „Такъ будетъ легче“,—повторилъ Чаевъ

и, поцѣловавъ руку жены, вышелъ изъ вагона.

Стоялъ противъ окна вагона и смотрѣлъ.

Дали звонокъ и поѣздъ черезъ три минуты исчезъ за лѣсомъ.

Тихо пошелъ Чаевъ домой, переживая то мучительное чувство, когда человѣкъ не знаетъ, куда себя дѣть.

Некуда торопиться, нечего дѣлать, велика земля, а отъ горя своего на ней иногда никуда не уйдешь—такія мысли медленно вели его въ уголокъ его жилья, гдѣ тема для разсказа развернулась для него въ тему для трагедіи.

Когда онъ пришелъ домой—первое, что ему бросилось въ глаза—это котъ, съ расширенными отъ отчаянія глазами, мечущійся по комнатѣ. Чаевъ это понялъ: котъ вообразилъ, что его бросили.

Шесть мѣсяцевъ назадъ Чаевъ привезъ его сосункомъ, былъ онъ тогда жалокъ, еле ползалъ, но такъ дикъ, что при появленіи всякаго посторонняго лица шипѣлъ и щетинился. Пищу принималъ только отъ Чаева, но кромѣ пищи требовалъ и еще кое чего.

Въ дни и ночи, когда уходъ за ребенкомъ затягивался по цѣлымъ днямъ или ночамъ—этотъ звѣрокъ въ то время иногда раздражалъ. Присядетъ Чаевъ—котенокъ лѣзетъ на колѣни; пойдетъ съ ребенкомъ по комнатѣ—нужно глядѣть, чтобы котенка не раздавить. Неустанно онъ кружился подъ ногами и, стоило Чаеву замедлить шагъ

или остановиться—звѣрокъ при помощи слабыхъ, еще безсильныхъ когтей добирался по брюкамъ только до колѣнъ, а дальше не могъ и висѣлъ. Чаевъ его отшвыривалъ или бросалъ на кровать Вѣры съ просьбой, чтобы она его отъ него избавила, но котенокъ отъ Вѣры не принималъ ласкъ и стремился къ Чаеву.

Вновь упорно, сколько бы его не скидывали, лѣзъ не выше колѣнъ и висѣлъ тамъ, судорожно стараясь удержаться, крошечный и неуклюжий, жалкій и трогательный: съ мольбой животного смотрѣлъ онъ вверхъ и пицалъ, чтобы взяли и его.

И Чаева принимала жалость; онъ бралъ его и сажалъ на плечо—тамъ звѣрокъ успокаивался, причиняя, однако, Чаеву иногда боль. Стоило ему наклониться впередъ—котенокъ, чтобы удержаться, впускалъ ему въ плечо когти.

Приходилось терпѣть, ибо и самому было жаль эту крошечную дикую жизнь, да и Вѣра заявляла, что звѣрокъ въ концѣ-концовъ ее трогаетъ до слезъ.

И часто тогда у Чаева съ горькой улыбкой вырывалось: „Вотъ еще наказаніе-то!“—теперь котъ для него сталъ дорогимъ воспоминаніемъ.

Отъ двери онъ позвалъ:

— Васька!

И мечущійся по комнатѣ котъ могучимъ прыжкомъ очутился у него на плечѣ и жался къ лицу; все его тѣло дрожало отъ нервной дрожи,

глаза, расширенные и возбужденные, въ слабomъ свѣтѣ ночника ярко горѣвшіе, какъ два круглыхъ зеленыхъ огня, съ недоумѣніемъ смотрѣли на разбросанныя по комнатѣ вещи, а въ особенности на-то мѣсто, гдѣ всегда стояла коляска ребенка. Приходъ Чаева его обрадовалъ, но отсутствіе коляски для него тоже было, очевидно, не малымъ безпокойствомъ. Онъ смотрѣлъ на пустое мѣсто и мяукалъ.

Чаевъ снялъ его съ плеча и прижалъ къ груди.

— Милый звѣры! И тебѣ больно? И ты тоскуешь?

Припомнилась пора, когда котъ подростъ. Въ два мѣсяца онъ уже не висѣлъ на колѣняхъ: ловкій прыжокъ и онъ на плечѣ. Освоился съ Вѣрой, съ Надюшей подружился: любилъ спать въ ея коляскѣ, игралъ съ ней, что не всегда сходило ей безнаказанно: на ея рученкахъ оставались царапины. А потомъ котъ сталъ задумываться. Въ его тѣлѣ все больше гибкости, задора, жизни, требующей движенія и развлеченія, а его маленькій другъ ничего этого не раздѣляетъ. Напрасно онъ своими мягкими, бархатными лапочками, которыя уже научились скрывать когти тамъ, гдѣ это не у мѣста, нѣжно заигрываетъ съ Надюшей—Надюша равнодушно взглянетъ на него и отвернется. И сидитъ тогда котъ, поглядывая на Надюшу, немного обиженный и недоумѣвающий: отчего она не принимаетъ его

ласкъ? А подъ конецъ онъ, должно быть, кое что понялъ: самъ Надюши не беспокоилъ, но если замѣчалъ, что она не прочь посмотрѣть на него—онъ всегда готовъ былъ показать ей, сколько въ немъ неистощимой граціи, красивыхъ движеній, могучихъ прыжковъ и хитрыхъ уловокъ звѣря.

И вотъ нѣтъ Надюши!

Теперь Васька—великолѣпный экземпляръ изъ рѣдкихъ сибирскихъ породъ: шесть мѣсяцевъ, а восемь фунтовъ вѣсу.

Тигръ въ миниатюрѣ. Дикій, неприступный для постороннихъ. Уже не шипитъ и не щетинится. Красивъ такъ, что рука невольно тянется къ его блестящей, выхоленной спинѣ съ причудливой шерстью, а Васька этого не проститъ: взмахъ лапкой и рука въ крови! Потомъ немного отойдетъ и сядетъ и смотреть на пострадавшаго гордыми, злыми глазами, точно говорящими: ласки твоей не прошу—значитъ не трогай меня!

И такой звѣрь теперь вотъ мяукаетъ!

Гладилъ Чаевъ кота и повторялъ, чувствуя, что въ этихъ словахъ выливается вся его боль и тоска:

— Милый звѣрь! И тебѣ больно? И ты тоскуешь?

Такъ они, человѣкъ и звѣрь сидѣли до разсвѣта, привязанные другъ къ другу свято и нерушимо: звѣрь тѣмъ, что полюбилъ человѣка, а человѣкъ къ звѣрю за то, что привязанность звѣря болѣе благородна, чѣмъ то бываетъ у людей.

И когда встало солнце—юное, горячее и ликующее надъ землей, какъ вѣчный даръ неба, какъ символъ безпредѣльной любви, дающей жизнь былинкѣ и букашкѣ, человѣку и палачамъ его въ образѣ человѣка!—тогда звѣрь равнодушно отъ солнца отвернулся, а человѣкъ звѣрю съ тоской сказалъ:

— Васька, Васька! Если бы ты зналъ, какъ иногда больно жить на землѣ.

И тоже отвернулся отъ солнца... съ ненавистью!

Въ этотъ день, къ вечеру, Чаевъ изъ этого города уѣхалъ, увозя съ собою и кота.

Сутки пробыла Вѣра въ пути благополучно.

А дальше...

Пассажиры въ вагонѣ принадлежали къ той публикѣ, которая въ пути безъ книгъ и газетъ не можетъ обходиться.

Всѣ читали. У кого въ рукахъ газета, у кого—книга.

Всѣ постепенно знакомились другъ съ другомъ, всѣ предупредительно оказывали другъ другу дорожныя услуги, кромѣ Вѣры: отъ нея сторонились.

Она относилась къ этому спокойно, ибо принадлежала къ тѣмъ натурамъ, у которыхъ хватаетъ силы на человѣческую низость отзываться

холоднымъ взглядомъ. Но за свою малютку она глубоко страдала, когда видѣла, что Надюша чувствуетъ эти косые взгляды на нее и на ея мать.

„Какъ мало истиннаго состраданія и милосердія на землѣ,—думала она:—Неужели изъ всѣхъ этихъ господъ ни у кого нѣтъ настоялька сознанія, чтобы понять, что ребенокъ въ подтачивающемъ его недугѣ виноватъ менѣе всего!“.

И ее порывало крикнуть: „Скоты!“

Но встрѣчалась она съ глазами своей малютки и они ей давали самообладаніе: такъ хорошо читала она въ этихъ огромныхъ и одухотворенныхъ отъ страданія глазахъ сознательное презрѣніе „къ эстетикѣ“ окружающихъ господъ.

Одна красивая, выхоленная барынька изъ тѣхъ, которыя вѣчно отъ чего-то летятъ—весной была въ Самарской губерніи на кумысѣ, лѣтомъ на Кавказѣ, теперь ѣхала въ Крымъ,—сумѣла задѣлаться кумиромъ всего вагона. Тонко кокетничая, она томно говорила о несчастіи быть нездоровой и ея жалобы звучали такъ мило, за что иначе нельзя платить, какъ трогательнымъ вниманіемъ. И дань вниманія ей несли обильно: мужчины передъ ней и по вагону ходили на цыпочкахъ, дамы соболѣзновали о ея нездоровьи. Утопая въ шелку, обложенная бархатными подушками, о которыхъ говорила, что „въ дорогѣ можетъ выносить только такія“, кутаясь въ огромное мѣховое боа изъ соболя, она благосклонно—снисходи-

тельно принимала поклоненіе дамъ и мужчинъ.

Ей оказывали „милосердія и состраданія“ много, слишкомъ много! И всѣ эти ухаживающіе за ней пассажиры обоого пола создавали иллюзію, когда нельзя неподумать: „Какіе милые, воспитанные люди!“.

И вдругъ эта иллюзія исчезла по винѣ больного ребенка Вѣры: отъ перемѣны воды у него появилось расстройство желудка.

Вотъ тутъ-то и началось!

Отъ рѣзей въ животѣ малютка плакала.

Пассажиры глухо зароптали.

— Тутъ не лазаретъ. Такіе должны ѣздить въ особыхъ вагонахъ.

А такъ какъ мать ребенка не хотѣла этого ропота слышать—ей сочли нужнымъ заявить вслухъ:

— Сударыня! Вы бы отсюда потрудились убратъся.

— Куда прикажете? — холоднымъ взглядомъ уставилась Вѣра на господина съ носомъ алкоголика, съ обильными прыщами на фізіономіи, но съ великолѣпнымъ проборомъ волосъ на головѣ и въ идеальномъ сшитомъ сюртукѣ.

— Куда нибудь въ другой вагонъ, сударыня.

— Я полагаю, что и въ этомъ вагонѣ имѣю право ѣхать, сударь!

Господинъ ретировался.

Вѣра дала ребенку каломеля. И когда его начало слабѣть, когда въ атмосферу вагона насы-

ценнаго духами вошелъ слегка кисловатый запахъ совершенно жидкихъ испражнений, ибо малютка кромѣ небольшого количества муки Нестле за сутки ничего не принимала — тогда уже поднялась барынька.

Она лежала на своихъ бархатныхъ подушкахъ въ позѣ, точно умирала, но голосъ былъ крикливъ, по животному-пронзителенъ:

— Ахъ, не могу! Одеколону, спирту, чегонибудь... Бога ради, тамъ у меня въ дорожномъ несессерѣ пульверизаторъ! Я больна... Мнѣ нуженъ покой... У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія отъ кого то заразиться холерой!

И двое изъ ея наиболѣе ярыхъ поклонниковъ начали дѣйствовать. Господинъ, въ идеально сшитомъ сюртукѣ, ревѣлъ на Вѣру: „Вонъ! Немедленно вонъ отсюда!“, другой, въ формѣ инженера, носками сапогъ выбрасывалъ дѣтскія простынки за дверь вагона—двѣ замаранныхъ, а нѣсколько чистыхъ, должно быть, ужъ для болѣе полного счета!

У Вѣры замеръ голосъ. Ищущими глазами она смотрѣла на столпившихся пассажировъ и ждала: неужели никто не запротестуетъ? Если не мужчины, такъ женщины, по лицамъ которыхъ видно, что многія изъ нихъ не разъ были матерями? Но тщетно ждала Вѣра. Изъ всей этой воспитанной и выхоленной на сокахъ народныхъ рафинированной черни было много что то кричавшихъ противъ Вѣры злыхъ лицъ и нѣсколько—смущен-

ныхъ, которые, пожалуй, и желали бы замолвить словечко за больную женщину съ больнымъ ребенкомъ, да не осмѣливались!

Барынька завопила:

— Невыносимо! Кондуктора!

Инженеръ бросился за кондукторомъ, а „идеальный сюртукъ“ началъ аттестовать себя передъ пассажирами „рыцаремъ“:

— Господа! Эту строптивую женщину, по правилу, надо взять за плечи и вывести, если она упорно не желаетъ подчиниться общему протесту. Но господа, я привыкъ рыцарски относиться къ женщинѣ. Я уважаю женщину и не могу допустить себя до грубыхъ мѣръ, хотя бы она этого и была достойна. Извините, господа, ничего не могу подѣлать. Тутъ ужъ дѣло кондуктора!

И онъ, отодвинувшись на нѣсколько шаговъ отъ Вѣры, поклонился пассажирамъ, прижимая руку къ груди, какъ актеръ на сценѣ, когда отвѣчаетъ на аплодисменты.

Вначалѣ этого позора ребенокъ отъ рѣзы въ животѣ плакалъ, но потомъ, очевидно, забылъ боль и притихъ: онъ молча смотрѣлъ на злыя лица вслушивался въ крики.

И когда Вѣра заглянула въ лицо своей малютки—съ лица малютки и изъ глазъ на нее хлынулъ такой ужасъ, отъ котораго она застыла сама. Стояла и уже не видѣла ни толпы пассажировъ, ни вагона, ни своего ребенка—безъ мысли, безъ

чувства, съ однимъ ощущеніемъ непередаваемаго ужаса.

Явился въ сопровожденіи инженера старшій кондукторъ.

— Вотъ, эта мадамъ! — ткнулъ на Вѣру пальцемъ инженеръ.

Отъ возбужденія онъ задышался.

Кондукторъ взглянулъ на Вѣру, на ея ребенка, на пассажировъ — и заявилъ:

— Не могу, господа! Не вправѣ. Пассажирка имѣетъ такія же права, какъ и всѣ. А что касается непріятности—со взрослыми это случается, а тутъ... Примите, господа, во вниманіе: тутъ и вовсе—больной маленькій ребенокъ!

И кондукторъ тронулся изъ вагона.

Инженеръ грозилъ кондуктору:

— Я знаю порядки! На первой же станціи я заставлю начальника станціи объяснить вамъ ихъ!

Слышались голоса, что „тутъ не лазаретъ“, что „желѣзнодорожная прислуга въ Россіи по грубости убійственна“, что „эту прислугу нужно учить жалобами“—кондукторъ шелъ изъ вагона не обращая вниманія.

И вдругъ вернулся къ Вѣрѣ:

— Мадамъ, прошу васъ сѣсть. Такъ вы упадете! Гдѣ ваше мѣсто?

И онъ взялъ Вѣру за руку. И только тогда Вѣра приобрѣла способность рѣчи:

— Бога ради, переведите меня отсюда въ третій классъ!

Кондукторъ возразилъ, что такъ какъ у ней билетъ второго класса, онъ ее и переведетъ во второй; Вѣра стояла передъ нимъ умоляющая:

— Бога ради, въ третій! Вотъ мои вещи. Не будете ли добры?

Кондукторъ прежде отвелъ Вѣру, потомъ пришелъ за вещами, послѣ вещей пришелъ въ третій разъ—собиралъ у двери вагона и за дверью разбросанныя дѣтскія простынки и качалъ головой.

Рафинированная чернь посматривала на него и уже не кричала: прятала свои когти, тихо перешептываясь.

Въ третьемъ классѣ къ Вѣрѣ отнеслись сочувственнѣе.

Простымъ бабамъ и мужикамъ горе матери оказалось понятнѣе. Женщина лѣтъ подъ 50 помогала Вѣрѣ положить ребенку на животъ согревающій компрессъ и говорила:

— Дѣло знакомое. Чужихъ лобановъ изъ богатыхъ своей грудью вскармливала, а свои дѣтишки мерли! Народишь младенца, бросишь его въ деревнѣ на соску, а сама въ городъ: нужда то и отъ родного дитя оторветъ! Откормишься тамъ, а своего младенца то ужъ нѣтъ. Такъ то, молодича! Богатство то все дѣлаетъ. Родить барыни умѣютъ, а кормить не желаютъ. Имъ удовольствіе, а намъ — поднимай-ка своей бабьей кровью господскихъ дѣтей.

Пожилой рабочій, въ страшно засаленной блузѣ, со злобой потеръ руками и подхватилъ:

— Вѣрно, тетка! Да и поднимай-то еще на свою шею: мужицкой кровью вспоены, а мужика давать. Кровопійцы! Эхъ, большой непорядокъ на землѣ!

Такая тема захватила въ вагонѣ многихъ. Мужики, бабы, ремесленники обсуждали свое „жительство“, да жительство „баръ“ и, хотя по внѣшности Вѣры видѣли, что она „не народъ“, но со свойственнымъ народу великодушіемъ не добивать человѣка въ несчастіѣ, поглядывали на Вѣру участливо.

А Вѣра посматривала на эти грубые лица, прислушивалась къ рѣчамъ и думала: „Живъ Богъ въ душѣ простыхъ людей“.

Когда ребенокъ успокоился и заснулъ, она нѣсколько разъ принималась за письмо къ мужу.

Написала:

„До сихъ поръ я не знала—до какой степени интеллигентные люди способны быть звѣрями! Немыслимо забыть этотъ ужасъ, гдѣ толпа упитанныхъ негодяевъ и негодяекъ гнала меня съ ребенкомъ изъ вагона вонъ“.

И разорвала.

„Я хотѣла двумъ негодьямъ дать по пощечинѣ и не могла: меня охватилъ столбнякъ. Я думала—какимъ словомъ назвать цѣлый вагонъ людей, изъ которыхъ не нашлось ни одного голоса, который бы вступился за меня и за Надюшу, словомъ, ко-

торое бы передавало всю омерзительную сущность этихъ господъ—и такого слова не могла придумать. Отнынѣ звукъ—„культурные люди“—вызываетъ у меня представленіе существа, въ гадливости съ которымъ ни что не можетъ сравниться“!

Разорвала.

„Родной, если бы ты видѣлъ, какой ужасъ видѣла я въ глазахъ Надюши, когда она смотрѣла на то, какъ насъ гонять?! Умирать буду, этого ужаса не забуду“.

Разорвала.

„Чего еще ждать отъ этихъ людей? Развѣ недостаточно одного этого факта, о которомъ буду говорить ниже, чтобы оставить за собою право ненависти на всю жизнь къ этому классу?“.

Разорвала и это. Все ей казалось недостаточно выразительнымъ. Рѣшила отложить письмо до другого дня, когда немного успокоится; но на другой день мысль о такомъ письмѣ отбросила совсѣмъ.

Представила себѣ, какъ такой фактъ отзовется на слишкомъ нервной возбудимости мужа и пришла къ заключенію, что о такихъ вещахъ лучше всего рассказать лично.

Дорога длилась четверо сутокъ.

Трое сутокъ проведенныхъ въ третьемъ классѣ

отозвались на Вѣрѣ и на ея ребенкѣ тяжело. Отъ жесткихъ неудобныхъ скамей Вѣра чувствовала себя совершенно разбитой, все тѣло точно было налито свинцомъ и неустанно болѣзненно ныло; ребенокъ—отъ густо накуренного воздуха онъ такъ кашлялъ, что вызывалъ опасеніе у матери, какъ бы онъ не задохнулся.

Нѣсколько разъ Вѣра готова была перебраться во второй классъ—но такъ и не—рѣшилась.

Пережитая сцена во второмъ классѣ вошла въ нее жуткимъ страхомъ, неустанно томящимъ и терзающимъ: стоило ей только увидѣть лицо, на которомъ не лежало печати низовъ жизни,—скрытый страхъ переходилъ въ открытый испугъ.

Сытые и выхоленные лица, куда трудъ не наложилъ своего облагораживающаго лица отпечатка—той мудрости, которая знаетъ, какъ велика и мучительна борьба за существованіе трудящагося человѣка,—и куда голодъ не занесъ своей ни одной угрюмой морщины—были Вѣрѣ противны.

Блестящіе туалеты дамъ и модные костюмы мужчинъ сдѣлались для Вѣры пугаломъ. Она вглядывалась изъ окна вагона въ пышно разодѣтыхъ господъ, когда они во время остановокъ на станціяхъ совершали прогулки и видѣла, что кромѣ пресыщенія жизнью, а одновременно и безмѣрной жадности къ ней на лицахъ этихъ людей ничего не было.

И раньше она относилась къ празднымъ клас-

самъ отрицательно, но все же иногда не могла себѣ отказать въ удовольствіи посмотрѣть на изящныя элегантныя фигуры; отнынѣ же, каждая такая фигура стала ей говорить о томъ чудовищномъ мірѣ, гдѣ каждый охваченъ безуміемъ имѣть больше, чѣмъ у другихъ—почетъ, власть, деньги, роскошь, наслажденія—все ему одному, а когда все будетъ имѣться, тогда мучиться желаніемъ того, чего нѣтъ!

Трогался поѣздъ. Хотѣлось Вѣрѣ отдохнуть на чемънибудь—она смотрѣла въ окно, но такъ безнадежно мчались безконечныя оголенные поля—эти долины надрывного труда, горькихъ слезъ и страшныхъ смертей, что у ней начинала кружиться голова и теряться представленіе о времени и мѣстѣ.

• Куда она такъ безконечно ѣдетъ и зачѣмъ? Что за люди окружаютъ ее? Къ чему эта пытка, когда она всѣмъ своимъ существомъ жаждетъ покоя?

Но кашель и плачъ ребенка, приводили ее въ себя и мысленно она стонала: „Боже мой! когда же конецъ?“

Но до конца Вѣра такъ и не добралась. Въ Севастополѣ, проѣзжая изъ Ялты, повѣдала Вѣрѣ, что за бѣшенныя цѣны вздуты на жизнь въ Ялтѣ, какъ относятся тамъ къ несостоятельнымъ больнымъ—и Вѣра окончательно упала духомъ: сидѣла въ Севастополѣ и думала, что иного исхода нѣтъ, какъ вернуться назадъ.

Но назадъ ѣхать не пришлось. Встрѣтилась Вѣрѣ знакомая по гимназіи—графиня. Вѣра не хотѣла дѣлиться съ ней своимъ горемъ, но графиня сама подошла къ ней, ибо ея цѣль жизни была «поднимать духомъ страждущихъ и обремененныхъ».

Настойчиво она лѣзла въ душу Вѣры, дабы посѣять тамъ благія сѣмена, но Вѣра въ свою душу графиню не пустила, посвятивъ ее только въ свое положеніе даннаго момента.

Графиня много не задумалась. Торжественнымъ тономъ объявила:

— Вы, значить, боитесь ѣхать въ Ялту потому, что тамъ все дорого и, что съ небогатыми больными тамъ обращаются плохо, не по христіански? Но, дорогая моя, поѣзжайте. Стыдно падать духомъ! Помните одно: „Приидите ко мнѣ всѣ страждущіе и обремененные и Азъ упокою вы!“ Всѣ мы должны нести въ этой жизни свой крестъ безропотно. Вотъ я, видите дорогая,—я вижу спасеніе міра въ одномъ только Евангеліи и взяла на себя скромную роль быть проповѣдницей Евангельскихъ истинъ. Не забывайте ихъ, дорогая, никогда! Вотъ вамъ отъ меня на память...

И она дала Вѣрѣ Евангеліе, которыя, оказалось, всегда имѣла въ запасѣ.

Вѣра взглянула на графиню—на пышущую здоровьемъ, шумящую шелками,—и губы ея зло дрогнули:

— Графиня, и это все?

Графиня развела руками.

— Дорогая, я васъ не понимаю.

— Не понимаете, графиня? Графиня, я какъ видите, больная женщина, мать умирающаго ребенка. Въ другое время, я, можетъ быть, нуждалась бы въ поученіяхъ, сейчасъ я нуждаюсь только въ помощи.

У графини закатились глаза.

— Въ помощи, дорогая? Вы больны и вашъ ребенокъ боленъ? А Онъ? Вы Его забыли? Того, безъ воли кого ни единый волосъ не упадетъ съ головы? Надѣйтесь на Него: на великаго врача міра!

— Да, графиня, я надѣюсь на врача небеснаго, но и земные, вѣдь, нужны? Или, графиня, не нужны?

Графиня молчала. А Вѣра смотрѣла на эту «скромную» проповѣдницу Евангелія и хотѣлось ей этой проповѣдницѣ сказать текстомъ изъ Луки: „Нѣтъ добраго дерева, которое бы приносило худой плодъ; и нѣтъ худого дерева, которое бы приносило плодъ добрый“. Но сдержалась отъ открытой колкости и обошлась помягче. Открыла только что данное Евангеліе и указала:

— Вотъ, графиня, прочтите.

Графиня взглянула, и опять ея глаза въ экстазѣ закатились вверхъ.

— О, да. Это все, дорогая, я знаю наизусть. „Ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли

Меня; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня“. Прекрасныя слова!

И, опять губы Вѣры зло дрогнули.

— И я, графиня, думаю, что—прекрасныя. Какъ видите, Евангеліе учить „нуждающихся и обремененныхъ“ не однимъ только упованіемъ загробомъ, но и земнымъ.

И тогда только графиня поняла, что дачей Евангелія и совѣтами, что въ немъ истина, не всегда можно отдѣлаться. Она поспѣшно начала увѣрять Вѣру, что прекрасно понимаетъ, что „слово безъ дѣла мертво есть“ и дала Вѣрѣ два письма—одно къ доктору, другое—къ генералу.

— Вотъ вамъ, дорогая. Васъ тамъ примутъ по христіански! Пишите. И не падайте духомъ!

И графиня простилась—величественно—счастливая тѣмъ, что она христіанка не на однихъ только словахъ.

Вмѣсто Ялты Вѣра поѣхала въ Балаклаву.

Первый день, проведенный Вѣрою въ Балаклаву, остался въ ея памяти смутно, какъ иногда остаются тяжелые сны.

Приѣхала она въ Балаклаву подъ вечеръ, измученная дорогой до той степени, когда на ногахъ держатся исключительно только нервнымъ подъемомъ. Ночь она и ея ребенокъ проспали хорошо

Вѣра проснулась около девяти утра. Чистый воздухъ, тишина, видъ, уютно обставленной, но незнакомой комнаты, коляска ребенка около ея кровати—все это показалось ей сномъ, отъ котораго боятся очнуться.

Она закрыла глаза и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не могла вспомнить, какъ она здѣсь очутилась. Наконецъ, вспомнила все. И мучительную дорогу, и второй классъ, и Севастопольскій вокзалъ, откуда, если бы не встрѣться ей графиня, она бы теперь уже ѣхала обратно домой.

Но пережитый страхъ былъ до того великъ, что даже и вспомнивъ все до мельчайшихъ подробностей, Вѣра не рѣшалась открыть глазъ: а вдругъ эта внезапная переменна къ лучшему злой сонъ?

Съ такой мыслью она лежала до тѣхъ поръ, пока не проснулся ребенокъ.

Тогда она поднялась съ кровати, подошла къ окну, отдернула занавѣску—на нее хлынулъ такой ослѣпительный потокъ свѣта, что съ этого момента она уже дѣйствительно поддалась самообману.

Съ необычайнымъ приливомъ бодрости она быстро одѣлась, взяла ребенка и съ письмомъ графини отправилась къ доктору.

Докторъ прежде осмотрѣлъ Вѣру и успокоительно промычалъ:

— Ну, ваша бѣда еще поправима.

Но, когда осматривалъ ея ребенка, Вѣра по его лицу поняла, что ея малютка плоха. Онъ не от-

нималъ надежды; говорилъ, что „младенецъ боленъ трудновою, но будемъ надѣяться“—и Вѣрѣ почудилось, что онъ недосказалъ: „на чудо!“ Дальше докторъ началъ давать длинный рядъ совѣтовъ, чѣмъ лечиться и какъ питаться, но видя, что его пациентка въ такомъ состояніи, что едва ли его совѣты запомнить, рѣшилъ записать все на бумагѣ.

— Забудете, сударыня! Потружусь ужъ для васъ. Главное—не теряйте духа... Для больного уныніе—ядъ для его болѣзни. Лечитесь и лечите своего младенца аккуратно.

А Вѣра слушала его и думала, что изъ всѣхъ его совѣтовъ не исполнить ни одного.

Когда она вышла отъ доктора—первымъ ея желаніемъ было бросить рецептъ. Но взглянула она на небо и, судорожно сжатая рука, въ которой былъ смятъ рецептъ, готовая разжаться для того, чтобы кинуть эту бумажку, сжалась еще крѣпче, уже съ другимъ чувствомъ.

Тихо тронулась Вѣра съ этимъ рецептомъ въ аптеку. Изъ аптеки прошла въ городской садъ и долго тамъ сидѣла, поглядывая на небо. Эта безконечная изумительно голубая высь, огнящаяся отъ солнца до того, что на нее больно было смотреть, навѣвала на Вѣру тотъ чудесный міръ иллюзій, когда кажется, что нѣтъ тѣхъ надеждъ, которыя были бы несбыточны.

Все прошлое до настоящаго дня—нужда и гнетъ всѣхъ мелочей жизни, то пошлое прозябаніе, ко-

торое она видѣла въ людяхъ, вся нравственная тьма человѣческаго общежитія—все отошло на задъ, покрылось дымкой того рода воспоминаній которыя хочется забыть, скинуть съ себя, какъ тяжесть. На душѣ у Вѣры было легко, свѣтло и безконечно такъ, какъ легка, свѣтла и безконечна, была надъ ея головою высь неба.

Незамѣтно для себя она улыбалась. Ребенокъ отъ невыносимо яркаго свѣта дня жмурился, по его исхудавшему личику струилось наслажденіе. И когда мать въ лицѣ своей малютки уловила этотъ восторгъ бытія—на ея глазахъ выступили слезы счастья. Ей казалось, что подъ такимъ небомъ и подъ такимъ солнцемъ смерти нечего бояться.

И цѣлуя ребенка, она ему лепетала:

— Не унывай, Надюня! Тутъ мы воскреснемъ! Посмотри на небо: сплошная огненная бирюза. Тутъ, Надюня, люди рано не умираютъ. Это было бы дико!

Но на слѣдующій день погода рѣзко измѣнилась. Солнце, на которое Вѣра возложила надежду, какъ на самаго великаго врача міра, не выглядывало весь день. Съ утра тучи, словно крышкой нахлобучили городъ—и Вѣра почувствовала, что въ этомъ городѣ, который еще вчера казался могучимъ источникомъ жизненныхъ силъ, ей тѣсно и душно.

Послѣ полудня пошелъ дождь, какъ поздней осенью.

Сильный вѣтеръ неустанно бушевалъ въ деревьяхъ сада и отъ его злобныхъ порывовъ деревья страдальчески бились и гнулись и шумѣли, какъ отъ боли.

Нѣсколько десятковъ разъ въ теченіе дня Вѣра подходила къ окну своей комнаты и смотрѣла на городъ. Сжатый съ трехъ сторонъ горами, онъ казался маленькимъ и мрачнымъ.

Горы каменистыя, голыя, съ изрѣдка торчащими клочками тощей растительности, такъ уныло и печально поднимались въ небо, точно онѣ застыли въ скорбныхъ воспоминаніяхъ о томъ далекомъ времени, когда онѣ были покрыты густо-дѣвственнымъ лѣсомъ.

Вѣру охватывало отчаяніе, ей хотѣлось плакать но она сдерживалась. Подходила къ своей малюткѣ и виновато говорила:

— Крымъ — а такая погода! Вотъ никогда ничего подобнаго отъ Крыма не ожидала. Потерпи Надюша, потерпи. Завтра будетъ солнышко!

Ребенокъ сидѣлъ на кровати, обложенный подушками, печально и покорно прислушиваясь и къ словамъ матери и къ вою бушующаго вѣтра.

Скверная погода установилась на цѣлую недѣлю. Непрерывный холодъ, вѣтеръ и сырость держали Вѣру всю эту недѣлю въ комнатѣ.

У ребенка появилось рѣзкое ухудшеніе: онъ уже не могъ пересиливать своего недуга и стоналъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ.

По днямъ Вѣра кое-какъ перемогалась, но когда наступала ночь—липкій ужасъ казалъ ей свое лицо отовсюду.

Въ окно глядѣла страшная темь, на дворѣ скорбно выла огромная цѣпная собака, которую откуда то недавно привезли, а подъ этотъ скорбный вой неумолкаемо звенѣли цыкады.

Крики цыкады Вѣру мучили и раздражали, вой собаки вызывалъ дрожь страха, стоны ребенка казались страшны не по-человѣчески.

Едва волоча ноги отъ слабости, охваченная сорока-градуснымъ жаромъ—Вѣра съ вечера еще пыталась предотвратить эти стоны, натирая спинку и грудь ребенка эвкалиптовымъ масломъ.

Но это масло уже не помогало.

Ребенокъ стоналъ. И эти стоны въ усталомъ и воспаленномъ мозгу матери рождали кошмаръ: иногда ей казалось, что это маленькое, высохшее тѣльце никогда не умретъ, что это олицетвореніе страданія—страданія безъ конца и безъ крика, данное ей за какую-то вину.

За какую?

Въ экстазѣ отчаянія и вѣры она бросалась на колѣни и молилась: плакала и рвала на себѣ волосы и бросала ихъ на полъ, и волосы на полу смѣшивались съ ея слезами вѣры.

А ребенокъ стоналъ.

Тогда она валилась на постель и ея тихій плачь переходилъ въ тѣ вопли, когда люди не помнятъ, гдѣ они.

Но злой и рѣзкій стукъ въ стѣну—стукъ требующій тишины,—приводилъ Вѣру въ себя.

Стараясь заглушить свое отчаяніе скрипомъ зубовъ, она умолкала, а рука ея невольно хваталась за сердце: чудилось, что все оно у ней въ безчисленныхъ уколахъ, и изъ cadaго укола сочится кровь. Это представленіе переходило въ то чисто-физическое ощущеніе, когда не сомнѣваются.

Вѣра начинала думать, что вотъ-вотъ ея сердце сейчасъ перестанетъ работать, но, что же тогда станетъ съ ея малюткой? Кто позаботится о ней, какъ она?

Это чувство приближало ее къ ребенку. Долго она всматривалась въ восковое, заострившее личико и спрашивала:

— Надя, родная моя, что ты стонешь? Чего тебѣ? чего? Ну скажи!

И слезы матери падали на тѣльце и личико малютки, заставляя малютку умолкать. Огромными и глубокими глазами, гдѣ молчаливыя страданія кричатъ яснѣе всякихъ словъ, она глядѣла на мать.

— Неужели я, Надюня, виновата, что ты сейчасъ стонешь? Не надо стонать... Кровь у меня льется изъ сердца. Милая моя крошка—потерпи: завтра, можетъ быть, будетъ солнышко!

Изъ тихаго, нѣжнаго лепета голосъ Вѣры пере-

ходилъ въ полный тонъ, тихія слезы—въ неудержимыя рыданія.

— И понесетъ мама Надюшу бу-у... на солнышко! На то солнышко, Надюша, гдѣ небо—сплошная огненная бирюза. И ножки у Надюши будутъ тепленькія. Тогда Надюша будетъ поправляться...

Ребенокъ слушалъ, стоя на глуше и слабѣе, по временамъ раскрывалъ ротикъ, какъ бы желая что-то сказать.

А мать лепетала, повторяя одно и то же по нѣсколько разъ. Потомъ лепетъ обрывался и переходилъ въ бредъ, куда вплетались жалобы и на цыкадъ, и на вой собаки, на тьму ночи, на сѣрые тусклые дни, на то, что она такъ страшно одинока, что есть у ней одинъ близкій человѣкъ, но и того почему-то около нея нѣтъ.

А къ полночи она уже лежала на постели безъ движеній, безъ силъ, въ такомъ жару, — когда казалось, что сейчасъ на ней вспыхнетъ бѣлье. Потомъ чудилось ей, что по потолку ползаютъ огромные черви съ огромными усами, ловятъ тамъ мухъ, собираются какъ разъ надъ ней—вотъ отдѣляются отъ потолка и падаютъ на нее.

Она испуганно вскрикивала.

Въ стѣнкѣ стучали. Такъ сильно и раздраженно, что вся стѣна дрожала. И опять Вѣра приходила въ себя. Чувство зависимости на нѣсколько минутъ возвращало ей остроту сознанія. Своего крика она не помнила и полагала, что виною стоны

ребенка. Бралась рукой за коляску ребенка и тихо двигая ее взадъ и впередъ умоляла:

— Надюша, Бога ради, не стонай! Бога ради. Понимаешь: намъ здѣсь за недорогую плату дали комнату и столъ, а больше ничего знать не хотятъ. Чтобъ съ нами не случилось—мы не должны беспокоить хозяевъ. Это человѣческая доброта, Надюша. Бога ради, не стонай!

А затѣмъ Вѣра опять впадала въ забытье.

Она не слышала уже стоновъ ребенка, но рука инстинктивно тянулась къ коляскѣ—настолько безсильная, что сейчасъ же тяжело падала назадъ, больно ударяясь о желѣзо кровати.

Бредила о мужѣ, жалуясь ему, что ей „совсѣмъ невыносимо“. Потомъ вскакивала, лихорадочно—блестящими глазами разыскивая по комнатѣ мужа и, не находя его, съ тупымъ ужасомъ бормотала:

— Его нѣтъ. Значить, я одна. Почему—я одна?

Какъ я могу быть одна?

Но слабость и жаръ опять клонили ея голову къ подушкѣ. Ребенокъ сиротливо стоналъ. Мать чуть поднимала голову и тихо, какъ умирающая шептала:

— Крошка, прости меня.

На девятый день по приѣздѣ въ Балаклаву, Вѣра проснулась около семи утра. Ей показалось, что ее кто то толкнулъ и сказалъ: „Солнце!“ Она вскочила съ постели, подбѣжала къ окну и, вдругъ

почувствовала, что вся наполняется голубымъ свѣтомъ: небо было голубое!

Со слезами радости, съ невольнo протянутыми къ солнцу руками, она стояла передъ окномъ и говорила себѣ: „Глупая, вѣдь это невозможно...“,—а сама тянулась всѣмъ тѣломъ вверхъ.

Ей припомнились всѣ одинокіе дни и ночи проведенныя въ этомъ городѣ и, какъ дѣти въ минуты страха мчатся къ платью матери, такъ и ей хотѣлось вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ помчаться къ солнцу и прильнуть къ нему.

Потомъ она подошла къ своей малюткѣ и стояла надъ ней, не замѣчая, какъ слезы любви и молитвы катились по ея щекамъ.

Вспомнилась пора, когда ребенокъ былъ здоровъ.

Сквозь туманъ обильныхъ слезъ, она видѣла жизнерадостное, розовое, полненькое личико своей бывшей Надюши. Большіе синіе глаза съ роскошными рѣсницами искрились потоками жизни, мѣняя въ одну минуту десятки неизъяснимо-очаровательныхъ выраженій: въ отдѣльности каждое не поймешь, а въ общемъ—восторженный гимнъ бытію.

Особенно ярко припомнился Вѣрѣ день въ началѣ весны. Она была съ ребенкомъ въ саду. Унылыя и жалкія деревья, грубо обнаженная земля—вся картина наслѣдія зимы вызывали у Надюши печаль и состраданіе. Надюша смотрѣла и молчала. Вѣра пришла съ ней въ этотъ садъ

вторично черезъ двѣ недѣли. Весна не дремала: тамъ, гдѣ двѣ недѣли назадъ было уныніе и запустѣніе, теперь буйно расцвѣтали очаги новой, дивной жизни.

Но и маленькая жизнь не дремала. Попадался на глаза пышно распускающійся газонъ—Надя съ удивленнымъ крикомъ показывала на него матери: вѣдь, она видѣла и не забыла, что здѣсь была грубо обнаженная земля, а теперь?..

И крошка рвалась къ этому изумрудному царству, чтобы насладиться имъ чисто физическимъ ощущеніемъ. Мать нарвала ей пучекъ травы—малютка жадно зажала его въ рученку и не выпускала.

А тутъ уже новыя впечатлѣнія.

Березки обвѣяны уже дымкой молодой листвы, яблони распускаютъ свои душистыя почки, цвѣты, точно въ сладостной тревогѣ, еще смущенно и робко раскрываютъ свои лепестки—и все это для Надюши источникъ непрерывнаго наслажденія и изумленія, то сказочное царство, въ которое чтобы повѣрить—надо его непременно осязать.

И мать удовлетворяла любопытство крошки листьями березы, почками яблонь, цвѣтами—все Надя утащила съ собою въ свою колясочку и до поздней ночи упивалась дарами весны.

А на другой день уже сама запросилась настойчиво изъ комнаты туда, гдѣ благодать яркаго весенняго солнца, неистощаемыхъ красокъ—въ

царство, гдѣ маленькая жизнь не могла удержаться отъ криковъ буйнаго восторга!

— Да, Надя была сама жизнь—страстная и чуткая, таинственная и святая, какъ весна. А теперь?—спросила себя мать и въ отчаяніи сжала руки у подбородка.

Въ отвѣтъ въ глаза матери лѣзъ призракъ чего-то страшно необъяснимаго для нее. Она смотрѣла на маленькій скелетикъ и глаза ея съ изумленнымъ ужасомъ спрашивали и отвѣчали: „Чѣмъ держится эта жизнь? Нѣтъ, она не выживетъ. Она умретъ“.

Глухо и безнадежно зарыдала. Но рыдала не долго. Въ отчаяніе начала пробиваться вѣра—голубымъ потокомъ, какъ голубое небо, ослѣпляющимъ свѣтомъ, какъ свѣтъ солнца. И внутри Вѣры эта надежда радостно кричала: „А солнце? Оно Надюшу подниметъ!“

Вслухъ Вѣра сказала:

— Нѣтъ, надо взять себя въ руки.

И съ той трогательной бодростью, когда крѣпятся очень обезсиленные и слабые больные люди, Вѣра пошла въ кухню варить ребенку овсянку. Даже улыбалась робко, той чуть замѣтной улыбкой, которая и вѣрить сильно и сильно боится.

Малютка проснулась въ девять утра. Вѣра ее слегка покормила овсянкой и стала одѣвать на прогулку. Въ это время малютка произнесла:

— Мама!

По приѣздѣ въ Балаклаву это было въ первый разъ.

Вѣра вздрогнула и, счастливо улыбаясь, отозвалась:

— Что ты, моя родная?—„Мама!“ Боже мой, какъ это ты сказала? Милая Надюня.

Потомъ взглянула въ глаза малютки и не могла оторваться. Эти глаза были давно не дѣтскими глазами—въ нихъ слишкомъ много было страданія, теперь страданіе ушло въ глубину глазъ, уступивъ мѣсто слишкомъ большому чувству любви,—любви одухотворенной страданіемъ.

На прогулкѣ Надюша была тиха и какъ-то особенно вдумчиво-печальна.

Весь этотъ день малютка провела спокойно. Ей хотѣлось только одного: лежать безъ движеній. То же самое и ночью. Мать нѣсколько разъ заглядывала въ коляску и иногда натыкалась на открытые глаза, но во всю ночь ребенокъ не издалъ ни одного звука.

Это спокойствіе заставляло мать думать, что ребенку легче. Утромъ она хотѣла дать ребенку молока. Онъ не принималъ. Но когда мать тоскливо и нѣжно начала упрекать его:

— Господи! Господи... То хорошо, то опять нѣтъ аппетита. Надюня, такъ нельзя! Ну, ради меня, хоть немного.

Тогда ребенокъ слегка улыбнулся и принялъ нѣсколько чайныхъ ложекъ.

Мать эту улыбку поняла. Качала головой и говорила:

— А я-я-яй! Вотъ, значитъ, Надюня, какъ наши роли перемѣнились. Теперь будемъ знать, что мы изъ младенческаго состоянія выросли и насъ, если о чемъ просить, такъ просить не иначе, какъ тономъ къ взрослому лицу.

Потомъ Вѣра пошла на прогулку съ ребенкомъ въ городской садъ.

Опять было голубое небо, ослѣпительное солнце, въ саду масса всевозможныхъ цвѣтовъ.

Мать было попыталась заинтересовать малютку цвѣтами, но она съ такой печалью взглянула на цвѣты, что мать инстинктивно почувствовала въ этомъ взглядѣ что-то жуткое и отнесла ее отъ цвѣтовъ подальше.

Минутъ на десять малютка успокоилась. Смотрѣла куда то глубоко-сосредоточеннымъ взглядомъ, взглядомъ существа, находящагося уже на грани отъ времени и пространства къ внѣ-времени и внѣ-пространству и, точно въ тактъ ходу своихъ тайныхъ переживаній, тихо перебирала пальчики своихъ рукъ.

Потомъ вдругъ застонала разъ, другой, третій, какъ отъ назойливой боли.

Вѣра не понимала: отчего? Лепетала:

— Надюня. Милая, что ты? Посмотри — какое небо: сплошная огненная бирюза! А солнце? Грѣхъ стонать и капризничать въ такую погоду.

Надя стонала все чаще и чаще, со страдальческой гримасой жмурила отъ солнца глаза.

И только тогда, когда Вѣра разглядѣла на гла-

захъ ребенка странный тусклый налетъ — она поняла, что этотъ налетъ не выносить солнца.

Чувствуя въ этомъ явленіе недоброе, она поспѣшила съ ребенкомъ домой. Ребенокъ во всю дорогу отъ солнца страдалъ, но когда очутился въ тѣни комнаты—затихъ.

Съ полчаса онъ лежалъ на рукахъ матери неподвижно, съ закрытыми глазами, потомъ открылъ глаза и, такъ же, какъ вчера, произнесъ:

— Мама!

И опять мать вздрогнула и замерла.

Въ этомъ словѣ она чувствовала какой то огромный, глубокий, сокровенный смыслъ: ей казалось, что ее внезапно поднимаютъ на голову-кружильную высь и тамъ приносятъ дань тайной величайшей почести.

Комната, вся обстановка въ ней—всѣ видимые предметы уплыли изъ поля зрѣнія Вѣры: чудилось, что передъ ней хрустальная стѣна, а за этой стѣной—неизъяснимо прекрасная даль.

А звукъ „мама“ онъ такъ звучалъ—ни отъ одного человѣка въ своей жизни Вѣра не слышала ничего подобнаго, и даже въ музыкѣ она никогда не улавливала такихъ нѣжно-красивыхъ обаятельныхъ нотъ.

Это былъ звукъ полно выраженныхъ любви, молитвы, благодарности — звукъ, вся глубина и красота котораго переходятъ за область человѣческаго сознанія и чувствъ.

Вѣра замерла и думала: что это? И какъ въ

отвѣтъ—ребенокъ вдругъ затрепеталъ на рукахъ матери, томно склоняя голову то на право, то на лѣво.

Мать взглянула въ глаза ребенка и сердце ея заколотилось съ бѣшеной силой: въ глазахъ ребенка вспыхнулъ послѣдній ослѣпительный свѣтъ и погасъ. Глаза начали быстро тускнѣть, теряя сознаніе.

Вѣра положила ребенка на кровать и крикнула безумнымъ голосомъ:

— Боже, умираетъ!

Въ комнату вбѣжала старушка-генеральша.

Указательный палецъ ея былъ предостерегающе поднятъ вверхъ, на лицѣ таинственная улыбка; наклонилась къ Вѣрѣ и шептала:

— Тише, тише, Господь съ вами. Вы ребенка испугаете? Развѣ такъ можно? Видите: отходить.

„Отходить?“ Вѣра смотрѣла на генеральшу безсмысленными глазами.

А генеральша помолчала и продолжала.

— Это къ лучшему: меньше муки. Вамъ докторъ этого не сказалъ—вы мать, — но намъ объяснилъ. Вы пріѣхали слишкомъ поздно: праваго легкаго у вашего ребенка совсѣмъ не было, а лѣвое почти все разрушено. Богъ съ вами: тутъ и убиваться то грѣшно.

Мелькомъ припомнила Вѣра выраженіе лица у врача, когда онъ впервые осматривалъ ребенка, но генеральшѣ объ этомъ ничего не сказала, а отозвалась о другомъ:

— Солнце—вотъ было мое упованіе!

Генеральша неопредѣленно отмахнулась рукой и, съ видомъ, повидавшей на своемъ вѣку всякіе виды, возразила:

— Не вы первая, не вы послѣдняя. Ведите-ка себя попристойнѣе, пока ребенокъ томится, а я пойду платьице шить.

Вѣра плохо поняла, что сказала генеральша и только слово „попристойнѣе“ врѣзалось ей въ сознаніе и она взглянула вслѣдъ генеральшѣ съ ненавистью и подумала: „А за своихъ дѣтей слишкомъ дрожишь!“

Малютка умирала.

Отъ физической ли боли, или свѣтъ ее раздражалъ—сильно жмурила глаза, три раза правая ручка поднималась къ лицу и тогда на лицѣ появлялись судорожныя страдальческія гримасы; по временамъ раскрывала ротикъ—иногда, чтобы схватить воздуху, иногда что-то сказать.

Потомъ наступила неподвижность.

„Конецъ“—подумала Вѣра и наклонилась ухомъ къ груди ребенка. Нѣтъ, сердце еще тихо билось.

И слушая это замирающее бѣеніе, Вѣра чувствовала, что ея сердце леденеетъ, что отъ остроты этого ощущенія какъ то странно кружится голова: все —и мысль и чувства напряжены до величайшей степени, но нѣтъ ни одной мысли и ни одного чувства, которые бы опредѣляли эти моменты.

Все въ ожиданіи... И, когда наступилъ послѣдній моментъ, когда Вѣра уловила послѣднее бѣ-

ніе сердца—тогда Вѣра отшатнулась отъ ребенка и смотрѣла по комнатѣ дико недоумѣвающими глазами: она ясно слышала, что съ послѣднимъ ударомъ сердца малютки въ комнатѣ слышались чьи-то удаляющіеся шаги.

И она смотрѣла: кто? Конечно, никого не видѣла, но звукъ удаляющихся шаговъ все еще слышался: тише, тише, вотъ замерли совсѣмъ.

И тогда у Вѣры прекратилось странное головокруженіе, но почувствовалась невыносимая, жуткая тишина.

Она сѣла въ кресло у окна. Въ маленькомъ садикѣ у окна чирикали какія то птички, дрались, съ пронзительнымъ пискомъ и комично-злбно оцетившись, два воробья, на дворѣ лаяла собака, городъ несъ свои звуки —человѣческіе голоса и стукъ колесъ, но Вѣру давила невыносимая, жуткая тишина.

До вечера просидѣла у окна Вѣра и, припоминая таинственные шаги, про себя повторяла.

— Оторвали!.. Унесли!..

И была уже убѣждена, что эти шаги она услышитъ еще разъ, но только не уходящіе, а приближающіеся: когда будетъ умирать сама.

На ночь Вѣра попросилась переночевать въ какойнибудь другой комнатѣ.

Ея просьба была уважена.

Вѣра боялась не трупа своего ребенка, а той тайны, которая оборвала въ ребенкѣ жизнь.

Малютку хоронили на другой день. Всѣ хлопоты и приготовления взяла на себя генеральша.

Надюша лежала въ розовомъ гробикѣ, въ кисейномъ платицѣ, вся осыпанная тѣми живыми цвѣтами изъ городского сада, на которые она вчера не хотѣла смотрѣть.

Личико ея и безъ того очень худое—со смертью еще болѣе удлинилось. Но въ этой худобѣ была своя красота: всѣ линіи лица были строго отточены и озарены покоемъ. Губы плотно сжаты, а въ уголкахъ губъ застыла чуть замѣтная улыбка и эта улыбка придавала всему личику выраженіе необычайной доброты.

Но больше всего притягивали мать глаза ея ребенка. Отъ слишкомъ большой худобы ихъ не удалось сомкнуть. Глубоко впавшіе, съ застывшимъ взмахомъ роскошныхъ рѣсницъ, отъ которыхъ ниже глазъ падала тѣнь, широко открытые—они затаили въ себѣ какую то остро сосредоточенную печаль. Тотъ тусклый налетъ, который помрачалъ ихъ передъ смертью, исчезъ: они были ясны и свѣжи, и выразительны больше, чѣмъ у живого существа.

Въ нихъ не было ни упрека за рано прерванную жизнь, ни пережитого страданія, такъ ярко свѣтящагося изъ глазъ при жизни—была только одна огромная, бездонная печаль. О чемъ?

Вѣрѣ казалось, что въ этихъ поразительно живыхъ глазахъ маленькаго трупики Смерть и

Жизнь одинаково вопіють противъ человѣческой тупости и жестокости.

Она смотрѣла въ эти глаза и эти глаза говорили ей, что вотъ была живая, свѣтлая жизнь, жизнь, то прозрачная, какъ хрусталь, то манящая къ себѣ своимъ непонятнымъ, таинственнымъ обаяніемъ тайны живого существа.

Была—и нѣтъ ее.

Была жизнь, въ могучемъ движеніи которой не было ни одного движенія въ состояніи покоя—и вотъ теперь загадочный покой.

Была жизнь, похожая на великую рѣку, тайное теченіе водъ которой никто не учесть и не увидитъ, и вотъ эта неизжитая жизнь, прекрасная и ранняя, святая и волшебнo-многообъщающая какъ юная весна—раздавлена.

Кто знаетъ, куда утекъ избытокъ этой неизжитой жизни? И кто скажетъ, какъ велика или мала отвѣтственность человѣчества за преждевременныя смерти, если у человѣчества нѣтъ строго опредѣленной мѣры на то, что такое во всемъ ея объемѣ есть Жизнь?

Около гробика малютки, пока онъ былъ въ комнатѣ, побывалъ генераль, три гостившихъ у него дамы, вертѣлась прислуга—Вѣра не помнила, кому и что отвѣчала на вопросы и соболѣзнованія, не помнила ихъ лицъ, кромѣ старушки генеральши которая одна съ истиннымъ участіемъ относилась къ горю матери. Смотри, какъ она суетится, Вѣра говорила ей:

— Дай вамъ Богъ всего хорошаго за все ваше участіе. Не будь васъ — я совершенно не представляю себѣ, какъ бы я могла управиться съ хлопотами по похоронамъ.

Потомъ забывала и говорила генеральшѣ то же самое.

По дорогѣ на кладбище, Вѣра была какъ будто бы спокойна. За гробикомъ шли генераль и три гостившія у него дамы. Съ недоумѣніемъ она смотрѣла на нихъ: зачѣмъ они идутъ — эти холодные, равнодушные къ ея горю, люди? И когда мысль подсказывала ей, что они идутъ, чтобы скрасить ея горе, что это шествіе одинъ изъ тѣхъ излюбленныхъ людьми приемовъ, когда люди показываютъ, что человѣка въ несчастіи они не оставляютъ одинокимъ — тогда Вѣра невольно отдавала ихъ холоднымъ блескомъ глазъ и презрительной усмѣшкой. Ихъ присутствіе казалось Вѣрѣ оскорбленіемъ.

Не лишней при этомъ была одна только генеральша. Она шла и молчала, но видѣла Вѣра въ этомъ молчаніи то, что старушка и до сихъ поръ не можетъ забыть, когда весь міръ кажется пустъ.

Священникъ на могилѣ, его ослѣпительно-блестящая риза на солнцѣ и жиденькій теноровый голосокъ съ могучей октавой дьякона — томили Вѣру.

Съ нетерпѣніемъ она ждала конца этой обычной процедуры, чтобы остаться одной.

Но вотъ наступилъ послѣдній моментъ и съ этого момента Вѣра ничего уже не замѣчала и не помнила, кромѣ одного чувства: когда она припала къ губамъ своей малютки — ей показалось, что застывшій взглядъ широко открытыхъ печальныхъ глазъ какъ-то странно дрогнулъ, а когда генеральша оттаскивала ее, Вѣру, отъ малютки — ей чудилось, что малютка приподнималась, чтобы прильнуть своими губами къ губамъ матери. Когда Вѣра немного очнулась — она поняла, что теперь все уже кончено.

Свѣжій, маленькій холмикъ могилки, на которомъ она сидитъ, не вдалекѣ, сторожащая ее, Вѣру — генеральша. — Это все, чѣмъ заключился ея міръ — міръ, когда то огромной радости, теперь міръ огромнаго страданія.

И то, что заключеніе это такъ просто, по-прежнему голубѣетъ небо, свѣтитъ солнце, по-прежнему вездѣ и всюду съ той же силой торжествуетъ жизнь, но никогда ея малютка не увидитъ этой жизни, а она, мать, своей малютки — Вѣрѣ казалось, что отъ одного только этого можно сойти съ ума.

Долго сидѣла Вѣра на холмикѣ безъ мысли о себѣ, о томъ, что надо-же итти домой и, когда генеральша подошла къ ней, она не сразу поняла, чего отъ нея генеральша хочетъ.

Потомъ встала и усмѣхнулась:

— Домой? Да, домой, конечно, нужно итти. Но что же дома?

Шла за генеральшей покорно. Но подъ этой вышней покорностью клочкотали мысли и чувства, которыя по глубинѣ и силѣ находятся въ подсознаніи человѣка. Если бы спросить Вѣру, что она переживаетъ—она не сумѣла бы выразить.

И все, что она во время дороги до дому улавливала въ себѣ—это внутренній задавленный крикъ.

Шла, смотрѣла на небо голубое—сплошное, какъ огненная бирюза, на жгучее солнце и, съ большимъ трудомъ сдерживала себя, чтобы не крикнуть вслухъ:

— О, солнце, солнце, зачѣмъ ты меня обмануло?

Вѣрѣ казалось, что если бы солнце не создало ей тѣхъ иллюзій, какія у ней явились по приѣздѣ, тогда бы ей не было такъ больно.

Цѣлую недѣлю провела Вѣра въ своей комнатѣ безъ выхода. Весь міръ казался ей кладбищемъ, а люди—безсмысленными палачами. Чѣмъ ни сильнее въ ней была боль утраты ребенка, тѣмъ сильнее отвращеніе къ людямъ.

Когда прислуга приносила ей чай и обѣдъ—она смотрѣла на нее съ тѣмъ чувствомъ, которое заставляетъ умирающаго звѣря забиваться въ берлогу. Ей хотѣлось куда нибудь спрятаться,

что бы никто не видѣлъ ея страданія, безсилія и тоски.

Тоска была странная.

Просыпаясь по утру, Вѣра ловила себя на мысли,—что сейчасъ нужно сварить овсянку, скипятить молоко, дать ребенку лекарства. Но черезъ минуту являлось сознаніе, что ничего этого не нужно: Надюши нѣтъ! Не довѣряя себѣ, Вѣра вставала съ постели и шла къ коляскѣ. Въ глубинѣ сознанія змѣилась издѣвающаяся надъ собою мысль, что эти самообманы смѣшны, малодушны, а глаза жадно искали маленькое, изсохшее тѣльце и, не находя, вспыхивали мучительнымъ недоумѣніемъ.

Напрасно Вѣра убѣждала себя, что ни овсянокъ, ни молока теперь не надо—ей все-таки было непонятно, какъ она можетъ не варить овсянокъ и не кипятить молока, не заботиться о лекарствахъ для ребенка.

И день безъ этихъ хлопотъ вставалъ передъ Вѣрой до такой степени длинный и пустой, что ее охватывалъ страхъ: какъ она его проведетъ, чѣмъ заполнить?

Заполнигъ, казалось, нечѣмъ.

Вѣра ложилась на постель и плакала, а плача боялась, какъ бы кто въ комнату не вошелъ.

Давила тоска—мертвящая, зловѣщая, порывающая на безуміе: Вѣрѣ страстно хотѣлось пойти въ кухню и варить тамъ овсянку, кипятить молоко: чудилось, что отъ этого будетъ ей легче.

Но какъ взглянуть на эту явную несообразность генеральша и прислуга?

Этотъ вопросъ удерживалъ Вѣру въ постели.

А по ночамъ Вѣру преслѣдовалъ одинъ и тотъ же бредъ.

Видѣла мужа. Онъ стоялъ передъ ней такой блѣдный, слабый, съ такой страдальческой улыбкой на устахъ, какимъ она никогда его не видала. Она обрадованно тянулась къ нему:

— Пріѣхалъ, родной! Не выдержалъ? Это хорошо. Я такъ больно чувствовала отдѣляющую насъ даль разстоянія.

Мужъ молчалъ. И Вѣрѣ въ эгомъ молчаніи чудился упрекъ.

— Винишь меня въ смерти Нади? Но виновата ли я передъ ней? Я ей отдала все, что могла.

Мужъ молчалъ. Тогда Вѣрѣ казалось, что онъ ее не винить, но скорбитъ объ утратѣ и, горячечные уста больной женщины говорили то, что она уже писала мужу:

— Нескорби, родной, не скорби! Видишь: смерть ея была неизбежна. Велики были наши общія страданія и это сознаніе должно примирить насъ съ тѣмъ, что мы утратили безконечно любимое существо, которому отдали все, что имѣли въ своей горемычной жизни! Намъ не за что упрекнуть себя: наше чувство къ ней было неизмѣримо по величинѣ и ослѣпительно по чистотѣ. Сбережемъ, родной, это чувство для нашей крошки.

Привставала Вѣра на постели и тянула къ мужу руки.

— Да, Надюша для насъ будетъ вѣчно жить, хотя жить далеко... Да, у насъ нѣтъ ее, но есть много сокровищъ: воспоминаній!

Тогда Вѣрѣ казалось, что мужъ приближается къ ней и... вдругъ исчезаетъ.

Она просыпалась. И, какъ раньше при ребенкѣ ей жутко было безъ мужа, такъ и теперь она испытывала эту жуть. Смотрѣла въ полусвѣщенную слабымъ свѣтомъ ночника комнату и бормотала съ тупымъ ужасомъ въ глазахъ:

— Я—одна? Какъ я могу быть одна?

На восьмой день по кончинѣ ребенка, въ одиннадцатомъ часу вечера, когда Вѣра лежала въ 40 градусномъ жару, къ ней зашла генеральша.

Поправила у Вѣры подъ головой подушку, осведомилась о самочувствіи, а затѣмъ, смущенно помявшись, сказала:

— Знаете, Вѣра Александровна, у насъ находятся выгодные квартиранты на весь домъ, кромѣ нашего помѣщенія, конечно. Но, вотъ бѣда...

Вѣра поняла сразу, чего отъ нея хотятъ, и не давала договорить генеральшѣ.

— Вы хотите сказать, что этимъ квартирантамъ нужна и моя комната? Что же дѣлать? Уѣду

домой. Черезъ день-черезъ два ваша комната будетъ свободна.

Генеральша хотѣла что то сказать, но подумала и поняла, что лучше всего ничего не говорить. И пожелавъ Вѣрѣ „спокойной ночи“, она ушла. А Вѣрѣ ея комната вдругъ сдѣлалась настолько противной, что она поднялась съ постели, и вышла на балконъ.

Минутъ черезъ пять туда же, какъ будто бы случайно, навернулся генераль:

— А, здравствуйте! Вотъ неожиданность! Васъ такъ рѣдко приходится видѣть. Какъ ваше драгоценнѣйшее?

Вѣра холодно отозвалась:

— Ничего. Слассибо.

— Да-а,—въ раздумѣ протянулъ генераль. И вдругъ заговорилъ очень любезно:—Вы такъ рѣдко показываетесь на свѣтъ Божій... Я человѣкъ военный, прямолинейный и прямо вамъ скажу: въ моихъ глазахъ вы стоите выше всѣхъ здѣшнихъ барынь. Я помню наши съ вами бесѣды и, предпочелъ бы проводить время больше съ вами, чѣмъ съ мѣстнымъ бомондомъ. Удивительно безсодержателенъ этотъ бомондъ!

Вѣра въ комплиментъ „прямолинейнаго человѣка“ почувствовала грубую лесть; изъ какого источника эта лесть—она тоже догадалась. И спросила съ усмѣшкой:

— Если это такъ, то почему же вы, генераль, не проводили со мной время?

Генераль развелъ руками.

— Увы! виноваты вы. Настоящая затворница!

Въ началѣ своего приѣзда вы удостоили меня двумя бесѣдами, а дальше—забыли, очевидно, старика. А я эти бесѣды вспоминаю съ удовольствіемъ: серьезныя бесѣды!

Отвращеніе поднялось въ Вѣрѣ и подступило къ самому горлу. Къ чему этотъ старикъ лжетъ? Для Вѣры было слишкомъ очевидно, что генераль только что узналъ отъ генеральши о ея готовности очистить комнату, и вотъ, чтобы чѣмъ нибудь успокоить свою маленькую совѣсть—явился съ любезностями.

Когда отвращеніе немного схлынуло — Вѣрѣ стало старика жаль и тихо она ему сказала:

— Генераль, будемъ откровенны. Можетъ быть, мои бесѣды и доставили вамъ удовольствіе, но въ то, что вы желали ихъ еще—я не вѣрю. Вѣдь, я же въ вашемъ домѣ была изолирована, какъ прокаженная, и встрѣчъ со мной вы избѣгали.

Генераль молчалъ. Вѣра видѣла, что онъ думаетъ, какъ бы потактичнѣе выбраться изъ неудобнаго положенія. Усмѣхнулась и напомнила:

— Генераль, вы только-что сказали, что вы—прямолинейный человѣкъ.

И тогда только генераль сознался. Онъ немного наклонилъ голову внизъ и въ тонъ Вѣрѣ—тихо отвѣтилъ:

— Да, да, вы правы. Но... понимаете, какъ я люблю своихъ дѣтей? Страшно люблю. А вѣдь,

всякій трясется больше за свое! Вашъ покойный ребенокъ и вы больны опасно. За себя я не боюсь, я уже старикъ, но за дѣтей встрѣчь съ вами избѣгалъ. Сознаюсь. Надѣюсь, поймете меня?

Откровенность примирила Вѣру съ старикомъ. Ей захотѣлось надъ нимъ немного пошутить.

— Такъ за себя, значить, генераль, не бойтесь?

— Нѣтъ. Пожилъ довольно. Пора, пожалуй, и умирать.

— Не ошибаетесь-ли, генераль? Я, лично, напримѣръ, думаю, что жизнь неизмѣримо страшнѣе смерти, но вѣдь такъ думаютъ только тѣ, кто въ жизни очень много страдалъ.

При яркомъ свѣтѣ луны генераль былъ видѣнъ Вѣрѣ ясно. Средняго роста, хорошо упитанный, съ безмятежнымъ лицомъ тѣхъ счастливыхъ людей, которыхъ ни жизнь и ни складъ души не заставляли глубоко засматривать въ вопросы жизни и смерти. Жизнь шла легко и свободно, какъ по рельсамъ, безъ подъёмовъ, срывовъ и паденій, а мысль и чувство довольствовались тѣмъ, что есть, и не искали того, что должно быть или будетъ. Укладъ привилегированнаго положенія, традиціи, присущія этому положенію—вотъ рефлексаторъ, который освѣщалъ генералу путь жизни. Ему было свѣтло и спокойно, а жизнь другихъ при своемъ убогомъ свѣтикѣ онъ не видѣлъ и не чувствовалъ.

Но генераль кое-что читалъ, и прочитанное

сложилось въ его памяти, какъ непоколебимая истина для другихъ, но... не для себя.

Самодовольно и убѣжденно онъ заговорилъ.

— Нѣтъ, я смерти не боюсь. Чего бояться? Пифагорейцы бились надъ вопросами: изъ чего и откуда является духъ, куда стремится и что такое есть печальное таинство смерти? Гюго на эту тему тоже говорилъ—и тоже въ духѣ пифагорейцевъ. Что такое, молъ, смерть? Что она намъ даетъ и что отнимаетъ и т. д. въ этомъ родѣ. А Сократъ этотъ узелъ просто разрубилъ. Смерть въ его представленіи была состояніемъ крѣпкаго сна безъ сновидѣній, страданій и радостей. Словомъ, безъ всякой земной суеты. Нирвана блаженнѣйшая, полная забвенія—вотъ какъ понималъ Сократъ смерть. И, по моему—онъ глубоко правъ!

Помолчалъ генераль и вдругъ:

— Когда вы хоронили своего младенца—я, собственно, думалъ поговорить съ вами на эту тему. Отчаивались вы страшно, ну, я и хотѣлъ сказать вамъ, что страшнаго въ смерти ничего нѣтъ.

Вѣра вздрогнула. И пріязнь къ старику опять смѣнилась огвращеніемъ. Она приблизилась къ нему и рѣзко у ней вырвалось:

— Если вы такъ разсуждаете, то зачѣмъ же вы такъ трепещете за жизнь своихъ дѣтей? Или ваши дѣти изъ особеннаго тѣста?

Генераль опѣшилъ. Онъ стоялъ, потиралъ руки и не зналъ, что сказать.

А Вѣра приблизилась къ нему еще ближе—

вплотную, и придавленнымъ шепотомъ бросила:

— Генераль, увѣряя меня, что вы смерти не боитесь—вы лжете! Вамъ смерть никогда еще не казалась своего лица, но у меня недавно умеръ ребенокъ, я сама скоро умру, я много, генераль, думала и думаю о смерти—загляните въ мои глаза, генераль!

Генераль заглянулъ и отшатнулся. Ему припомнилось одно ничтожное обстоятельство: когда-то онъ въ молодости подстрѣлилъ птицу и, когда она умирала, онъ съ интересомъ слѣдилъ, какъ въ полузакрытыхъ глазахъ птицы замирала жизнь.

И теперь, глаза больной женщины поразительно напомнили ему глаза умирающей птицы, и это напоминаніе показалось генералу страшно жуткимъ. Онъ пытался насильственно улыбнуться—вышла жалкая, плачущая гримаса. Потомъ пошелъ отъ Вѣры и бормоталъ:

— Богъ знаетъ, что говорите. Вамъ нужно лечь въ постель. У васъ жаръ и вы.... ненормальны!

А Вѣра съ хохотомъ просила генерала:

— Генераль, вернитесь! Смерть не такъ страшна, какъ вы думаете. У смерти для иныхъ людей есть преимущества... Вотъ объ этомъ я вамъ и поразскажу!

Но генераль шелъ. Спина его содрогалась животнымъ страхомъ, а крѣпко-упругія военныя ноги плохо повиновались: онъ спѣшилъ впередъ, а онѣ подгибались, дрожали, заставляя его, прежде чѣмъ осилить шагъ впередъ, толочься на мѣ-

стѣ. Когда старикъ исчезъ, Вѣра взглянула на небо. Темное, бездонное, съ мягко-печальнымъ свѣтомъ неисчислимыхъ звѣздъ, оно было надъ землей, какъ необъятный покровъ безконечнаго милосердія и кротости.

„Это небо, — подумала Вѣра, — а вотъ земля“...

Городъ еще не спалъ. Бухта блестяла огнями; съ военной миноноски наводили рефлекторъ то на дачи, то на башни старой разрушенной крѣпости: было похоже на то, какъ будто бы дѣти „пускаютъ зайчика“. Воздухъ неутомимо рѣзали трещащія цыкады и, въ эти мелкіе, надоедливые тягучіе звуки по временамъ вдругъ врывался неистовый вой: невыносимо скорбно плакала на дворѣ собака.

И этотъ вой одинокаго, тоскующаго о чемъ-то звѣря, былъ Вѣрѣ ближе и дороже, чѣмъ всѣ люди этого города. Ей хотѣлось спуститься внизъ, обнять кудлатую голову этой огромной собаки и плакать вмѣстѣ съ ней: человѣкъ стѣ горя человѣческаго бѣжить, а песъ никогда не шарахнется!

Вѣра разрыдалась. Назойливый кашель охватилъ и пригнулъ ее къ периламъ балкона. Итакъ, мѣшая слезы съ кашлемъ, она плакала долго, а когда выплакалась—въ душѣ было принято безповоротное рѣшеніе ѣхать къ мужу.

Умиротворенными, счастливыми глазами она еще разъ взглянула на небо, пошла въ комнату и написала письмо мужу.

„Черезъ два дня выѣзжаю къ тебѣ. Я поняла, что вылечить бѣдному человѣку въ крымскихъ

курортахъ такъ же трудно, какъ воскреснуть! Изъ Балаклавы я могла бы уѣхать куда-нибудь еще, но я не хочу мучить себя. Быть всюду одинокой, презираемой, отверженной только потому, что у тебя тощъ кошелекъ; видѣть, что несчастье карается на землѣ тяжелѣе, чѣмъ людской порокъ—когда воочию увидишь всю мерзость этихъ двухъ данныхъ, тогда поймешь, что счастливъ тотъ человѣкъ на землѣ, который имѣетъ человека, на рукахъ котораго бы онъ могъ умирать. За этимъ, родной, къ тебѣ и ѣду. Твоя Вѣра“.

Вѣра не ошиблась: она пережила своего ребенка только на три мѣсяца. И день смерти ея былъ для Чаева днемъ, когда въ представленіи человека жизнь теряетъ все, чѣмъ она раньше казалась величава и обаятельна.

Шли дни, недѣли, мѣсяцы не принося Чаеву облегченія, а засасывая его все глубже въ тотъ тупикъ, гдѣ живое человѣческое существо становится уже отмежеваннымъ отъ міра. Онъ погружился въ ту бездну чистаго страданія, гдѣ гаснуть краски жизни, жалкимъ эхомъ звучать ея призывные голоса, гдѣ пошлая тьма и бессмысленная суматоха человѣческаго существованія прорѣзываются однимъ взглядомъ, какъ лучъ солнца глубину колодца.

Въ Чаевѣ боролись двѣ тайны—жизнь и смерть—и смерть подавляла жизнь.

Ежедневно онъ вставалъ ровно въ восемь утра,

пилъ стаканъ-два чаю и принимался за неизмѣнное: начиналъ ходить изъ угла въ уголъ по комнате.

До смерти жены и со дня смерти ея онъ не исчислимо число разъ прошелъ по этому пути—то печальный, съ покорнымъ примиреніемъ, то съ гнѣвнымъ подъемомъ бунта блуждалъ онъ въ темномъ кругу темныхъ загадокъ и выбилъ слѣдъ—косую линію изъ угла въ уголъ.

Иногда это было для него той болью, которая уже не есть боль, а сладострастное созерцаніе въ ея глубину; иногда—повторять пройденное съ однимъ и тѣмъ же результатомъ, заходить со всѣхъ сторонъ и наткаться на одно, имя чему: Тайна—это было такимъ страшнымъ, страдальческимъ однообразіемъ, отъ котораго онъ пытался спастись бѣгствомъ.

Съ ужасомъ онъ смотрѣлъ на свой слѣдъ—на косую линію изъ угла въ уголъ—и эта линія казалась ему грознымъ символомъ.

Въ мысляхъ о смерти онъ не измѣримо далеко ушелъ, чѣмъ бы человѣкъ никогда о ней не думавшій, но, когда онъ спрашивалъ себя, что же у него въ конечномъ счетѣ положительнаго, тогда приходилъ къ заключенію, что всѣ его размышленія о смерти въ сущности сводились къ нулю.

Онъ могъ выставить тысячи положеній, что смерть—величайшее благо и, тысячи положеній, что она—величайшее зло, но какъ то, такъ и другое все это было изъ области видимаго чѣлове-

комъ, а въ области невидимаго—съ момента, когда смерть кладетъ на уста человѣка печать молчанія—тамъ онъ зналъ не больше животнаго.

И эта мысль, унижающая, выгоняла его на улицу.

Огромные дома, снующіе извозчики, мчащіеся трамваи и автомобили, человѣческія лица на каждомъ шагу—вначалѣ этотъ мощный потокъ жизни успокаивалъ его и, даже слегка захватывалъ: гдѣ то въ глубинѣ его уставшаго и подавленного существа поднимала голову жажда жизни и робко говорила, что нужно набраться силъ на подъемъ, а не поддаваться на упадокъ духа.

Но потомъ все это движеніе жизни показалось ему ненужной суетой настолько, что онъ почувствовалъ себя въ ней лишнимъ.

И съ тѣхъ поръ, стоило ему только показаться на улицу—ледяное спокойствіе охватывало его и сильнѣе рѣзало (раздвоеніе: одно робко и запуганно спрашивало: „Жить?“—другое властно отвѣчало: „Не стоитъ“!

Это „другое“ говорило ему, что и скучно и стыдно жить въ жизни, гдѣ въ порядокъ вещей вошло принимать естественное и необходимое для однихъ за преступленіе, а преступленія другихъ—за норму.

И губы Чаева холодно кривились, когда онъ думалъ:

«Сколько идиотовъ и звѣриныхъ сердецъ сладко и невинно отдыхаютъ подъ тѣнью своихъ преступленій противъ человѣка въ этомъ огромномъ городѣ?»

Онъ остро чувствовалъ и видѣлъ, что въ томъ бѣшенномъ темпѣ, на какой обречена жизнь однихъ и, въ томъ мертвомъ покоѣ, которымъ нагло пользуются другіе—нѣтъ великаго чувства ответственности за каждое „Сегодня“: какъ въ стонахъ и проклятійхъ погибающихъ, такъ и въ шумномъ, бессмысленно-веселомъ время-провожденіи живыхъ мертвецовъ есть одно только слѣпое и жадное: „Завтра“!..

И вся трагедія человѣческой жизни, гдѣ хозяйка жизни громоздятся на пасынковъ жизни, казалась ему отвратительной комедіей: живые трупы ведутъ свой безконечный танецъ на трупахъ!

И такъ онъ бродилъ по улицамъ города до тѣхъ поръ, пока не пустѣли его глаза. И тогда его охватывалъ необъяснимый страхъ: а вдругъ ктонибудь почувствуетъ, что сѣтчатка его глазъ неотражаетъ ни домовъ, ни извозчиковъ, ни трамваевъ, ни человѣческихъ лицъ?

И эта мысль родила у него не менѣе странную мысль: онъ начиналъ думать, что мертвому не менѣе страшно среди живыхъ, чѣмъ живому среди мертвыхъ.

Слѣпно онъ шелъ домой. А жуткій страхъ заставлялъ его все болѣе и болѣе надбавлять шагу: онъ хорошо видѣлъ все воодушевленное и невоодушевленные предметы, но все видѣнное имъ странно преломлялось въ его зрѣніи въ пустоту—и эта пустота была нестерпима.

Очутившись въ своей комнатѣ, Чаевъ чувство-

валъ нѣкоторое облегченіе. И грозная косая линия изъ угла въ уголъ, казалась не такъ уже страшна. Съ горькой улыбкой онъ смотрѣлъ на слѣды своихъ ногъ и думалъ, что когданибудь послѣ него придетъ плотникъ и рубанкомъ сострогаетъ, а маляръ закраситъ безплодный путь его исканій, гдѣ разумъ жалко спотыкается на первыхъ же шагахъ.

Это безсиліе человѣческой мысли тянуло его къ столу. Онъ присаживался, но работа не шла.

У него не было необходимаго для него условія: тишины.

За одной стѣной его комнаты жила консерваторка, терзающая рояль по 16 часовъ въ сутки, за другой безголосый хористъ, мнящій себя великимъ артистомъ и неумоимо работающій надъ своимъ голосомъ, а за дверью его комнаты—хозяйка, вѣчно грызущаяся съ кухаркой, что „то сожгла, другое не дожарила“.

Невольно прислушиваясь къ визгливо-пронзительному крику хозяйки, къ голосу надрывающагося „артиста“ и къ треску клавишей рояля—Чаевъ съ непередаваемой тоской смотрѣлъ на чистые листы бумаги: роднѣе и дороже этихъ листовъ бумаги у него въ жизни уже ничего не было.

Эта бумага манила его къ себѣ, обѣщала отдыхъ, забвеніе всей остроты его переживаній. Ему казалось, что она смотритъ на него съ мучительнымъ укоромъ за то, что она чиста. Онъ

нервно набрасывалъ какойнибудь отрывокъ мысли и, не читая, смотрѣлъ: черныя строки вспыхивали въ его глазахъ далекимъ, блѣднымъ, мерцающимъ свѣтомъ и, бумага говорила ему, что для всякаго страданія, если оно претворено на ней въ образы, есть предѣлъ, гдѣ страданіе утрачиваетъ отчаяніе, гдѣ боль становится дорогой и гордой болью.

И, подобно человѣку, измученному мракомъ ночи и грезящимъ о солнцѣ, Чаевъ заламывалъ руки за голову: чтобы онъ теперь создалъ, если бы у него была тишина?

Но дикіе, смѣшанные звуки человѣческой злобы и глупости били по слуху Чаева, какъ камни, и та чудесная, страшно глубокая музыка, которая вдохновенно рвалась изъ него, замирала: мысли и чувства его тупѣли.

И съ оглушительнымъ, внутреннимъ крикомъ: „Творить!“, съ сознаніемъ, что только въ творчествѣ онъ можетъ подавить весь этотъ безконечный трепетъ своихъ переживаній—онъ хватался съ отчаяніемъ за перо и начиналъ писать.

Но начатая вещь на первомъ же листѣ невольно скомканная летѣла подъ столъ. А дальше уже шло то безумное напряженіе, отчего сѣдѣтъ волосъ, тухнетъ взглядъ и стынетъ кровь, или тотъ экстазъ, когда мятежный духъ человѣка и изъ муки творить себѣ высшую радость.

Много такихъ часовъ провелъ за столомъ Чаевъ, когда весь внѣшній міръ утрачивалъ для него

всѣ свои звуки и краски, когда всѣ пять чувствъ его были до такой степени нечувствительны, точно не существовали.

Съ бѣлымъ, какъ мѣлъ лицомъ, съ лихорадочно горящими, глубоко ушедшими въ себя глазами, съ низко склоненной надъ чистыми листами бумаги головой, сидѣлъ человѣкъ и думалъ, что только откровеніями страданія человѣкъ когда нибудь поднимется на ту высочайшую грань, гдѣ съ одной стороны раскроется жизнь со всѣми своими тайнами смертей и рожденій, съ другой—будетъ стоять обнаженное Лицо Вѣчности.

А потомъ у Чаева наступалъ упадокъ. Онъ незнакомъ былъ съ чувствомъ страха передъ грозой, но рояль, хористъ, перебранка хозяйки съ кухаркой, дѣлали съ нимъ нѣчто подобное этому чувству: онъ затыкалъ уши ватой, бросался въ постель и зарывалъ голову въ подушки.

И такъ лежалъ, трепеща отъ мысли, что сбѣжать ему изъ этой обстановки нельзя, ибо тутъ, когда у него безденежье, онъ можетъ должаться за комнату за мѣсяць—за два, чего въ другомъ мѣстѣ не позволятъ.

Когда хористъ уходилъ въ театръ—становилось потише; въ одиннадцать ночи хозяйка съ кухаркой прекращала свои распри, въ двѣнадцать дѣвица оставляла въ покоѣ свой рояль.

Въ квартирѣ наступала тишина. И тогда Чаевъ поднимался съ постели, раздѣвался и ложился опять. Прислушиваясь къ тишинѣ, и чувствуя,

что все тише и тише эти непереносимые приливы и отливы болѣзненно-приподнятой чувствительности, которые терзали его днемъ, что взаимнѣ къ нему грядетъ тихое озареніе напряженного самоуглубленія только въ область духа—онъ приветствовалъ ночь:

«Благословенны часы ночи: часы тишины и покоя! Когда узнаешь жуть дня—о, какъ тогда глубоко поймешь, что за великая мудрость въ томъ, что день смѣняется ночью».

Потомъ онъ припоминалъ весь свой день—такой страшно-длительный и всегда однообразный, что память о немъ, казалось Чаеву, нельзя хранить до другого дня.

Онъ закрывалъ глаза съ огромнымъ облегченіемъ, что еще день пережить и, сухія, безкровныя губы его шептали этому дню съ кроткой и чистосердечной улыбкой:

— Нынѣ отпускаеши...

И едва Чаевъ закрывалъ глаза, какъ въ непролицаемомъ мракѣ ему начинала чудиться ярко освѣщенная безъ начала и конца широкая полоса свѣта, въ которой тихо идутъ убѣленные сѣдинами старцы въ бѣлыхъ одеждахъ. Лицъ этихъ старцевъ невидѣо: скрыты оборотомъ головы вправо. Они идутъ такой тихой, медлительно-странной, точно знакомой съ вѣчностью поступью.

Это не было сномъ.

Стоило Чаеву открыть глаза—видѣвіе исчезало; закрывалъ—и вновь эта безконечная, свѣтлая

цѣль бѣлыхъ одѣяній, дававшая Чаеву то необычайно блаженное ощущеніе, когда человѣку кажется, что онъ изъ невѣсомой матеріи.

Онъ лежалъ боясь пошевелиться, думая, что такое необычайное ощущеніе легкости должно быть у умирающихъ, когда они испускаютъ послѣдній вздохъ, а сквозь его сомкнутыя вѣки выбивались слезы тоски, желающей невозможнаго:

«О, если бы такъ оторваться отъ земли навсегда!»—тихо проносилось въ немъ и, моментами ему казалось, что раскрывается потолокъ и онъ поднимается ввысь.

Но проходилъ этотъ моментъ и съ горькимъ страхомъ сознавалъ человѣкъ, что путь земной еще не конченъ, что страшное лицо жизни все еще стоитъ передъ нимъ и требуетъ отъ него новыхъ жертвъ—какихъ же еще?

И отъ этого вопроса онъ содрогался, ибо зналъ, что страданія того, кто сумѣлъ заглянуть въ бездны страданія, подобны миѳическому дракону: отруби одну голову—выростутъ десять!

И тогда въ памяти раздавленнаго человѣка звучало проклятіе жизни—ужасающее своей грозной глубиной, вопіющее о томъ, насколько же должна быть страшна жизнь, когда отъ нее отказываются съ такимъ кроткимъ крикомъ: „Дорогая, я такъ устала. Надо отдохнуть...“

Эти нѣсколько словъ Чаевъ когда-то прочиталъ въ отдѣлѣ происшествій, которыя отравившаяся

курсистка на клочкѣ бумаги оставила своей подругѣ, и съ тѣхъ поръ этихъ словъ не забывалъ.

Всю страстную недѣлю стояли ярко-весенние дни—и въ эти дни Чаевъ рѣшилъ поѣхать на первый день Пасхи на кладбище.

Наступилъ первый день свѣтлаго праздника, но съ утра Чаеву стало видно, что о поѣздкѣ на кладбище нечего и думать: было пасмурно, небо клубилось черными тучами, непереставая моросить мелкій, какъ сквозь сито, дождь. Глубоко несчастный, какъ можетъ быть несчастенъ только человѣкъ затравленный до того, что уже отмежеванъ отъ всего міра, Чаевъ долго стоялъ у окна въ томъ жалкомъ, слѣпомъ помраченіи, когда ему казалось, что его путь—это роковой путь.

Происходило величіе атмосферическихъ измѣненій, явленіе, можетъ быть, необходимое для равновѣсія міровыхъ законовъ или для плодородія земли, а ему чудилось, что стоитъ ему чего либо пожелать, такъ во всемъ противъ него злая сила темнаго неумолимаго рока.

— Что же я еще жду?—спрашивалъ онъ себя: —Вѣдь, отнято все, что человѣку скрашиваетъ жизнь; больше нечего отнимать, кромѣ твоей

жалкой, одинокой, никому ненужной жизни. Къ чему же цѣпляться за нее?

Наконецъ, онъ опомнился и сообразилъ, что есть же завтра, послѣ-завтра, словомъ, будетъ же когда-нибудь хорошая погода?

И тогда ему стало стыдно за затемнѣніе мысли и, зло онъ поглумился надъ собой и надъ всѣми, кто въ такомъ грѣхѣ повиненъ.

Фатъ, гоняющійся за любой юбкой, клянеть такую погоду. Скучающая и незнающая чѣмъ убить время какая-нибудь барынька — киснетъ съ видомъ мученицы, когда погода дурна. Да, мы очень и очень добры, мы зла никому не желаемъ, но если погода намъ въ чемъ-либо помѣшаетъ или просто не нравится, тогда мы клянемъ небо и землю, забудемъ мужика, который въ это время, можетъ быть, Бога благодарить, забудемъ все и всѣхъ, кромѣ себя, ибо желаемъ очень немногаго: власти вліять на стихію!

Звонъ колоколовъ густымъ гуломъ шелъ въ окно и этотъ гулъ былъ Чаеву нестерпимъ; онъ ему напоминалъ пору, когда онъ въ такіе дни не былъ такъ одинокъ.

Знакомые, къ которымъ можно было бы пойти не только въ эти дни, но и всегда, у Чаева имѣлись, но никого изъ этихъ знакомыхъ онъ видѣть не хотѣлъ. Ему въ этотъ день безумно, до невольныхъ слезъ, которыхъ онъ удержать не могъ, хотѣлось видѣть одно существо—своего кота.

Все безконечное разнообразіе сотенъ знакомыхъ ему человѣческихъ лицъ расплывалось въ ничто и во всемъ мірѣ милое и дорогое для него было только въ образѣ этого животного, котораго уже не было.

Этотъ звѣрь много скрашивалъ тяжелые дни своего хозяина. Къ постороннимъ онъ оставался по-прежнему неприступенъ; онъ очень нравился хозяйкѣ, но при попыткахъ ея приручить его къ себѣ—давалъ отпоръ когтями и зубами.

Такая же участь постигла кухарку и хориста. Звѣрь точно чувствовалъ, что человѣкъ по своей природѣ опаснѣе всякаго звѣря, что довѣряться людямъ нужно съ выборомъ, ибо звѣрь никогда и ничего не продастъ, а человѣкъ—чѣмъ онъ не пожертвуетъ ради денегъ?

Особенно сильно котъ ненавидѣлъ кухарку. При каждомъ ея появленіи, онъ, хотя бы она его и не трогала, былъ готовъ броситься на нее, а когда Чаевъ, взявъ его на руки, начиналъ его сдерживать, котъ такъ къ нему жался, [какъ будто бы просилъ беречь его отъ этой бабы.

И не даромъ. Кухарка два раза заводила съ Чаевымъ разговоръ, предлагая продать кота за пять рублей. Чаевъ хмурился и оба раза просилъ ни съ какими продажами не приставать.

Баба уходила за дверь и оттуда ворчала:

— Тоже... Самому иногда ѣсть нечего, а туда же—тварь держать. Самъ безъ хлѣба сидитъ, а

его напарываетъ: что ни день — на пятакъ печенки!

Однажды Чаевъ вышелъ изъ дому и когда вернулся—кота не было. Онъ сразу понялъ, кто виновникъ пропажи и пошелъ на кухню. Улики были налицо: руки кухарки были поцарапаны. Чаевъ пошелъ не съ цѣлью заводить скандалъ, а съ миролюбивымъ предложеніемъ откупить кота, но при взглядѣ на кухарку, на ея наглую усмѣшку, которой она встрѣтила его—понялъ, что она въ кражѣ ни за что не сознается и молча, съ поникшей головой, вернулся въ свою комнату.

Съ недѣлю Чаевъ тосковалъ по котѣ сильно, потомъ острота утраты какъ будто бы сгладилась, но въ этотъ день, въ день свѣтлаго праздника, подъ звонъ колоколовъ проснулась съ новой силой.

Онъ припоминалъ всю трогательную привязанность звѣря къ себѣ.

Вотъ часы, когда онъ, Чаевъ, особенно угнетенъ, тогда котъ забирается къ нему на плечи, мурлыча, трется своей великолѣпной шерстью о лицо Чаева такъ ласково, а вмѣстѣ съ тѣмъ и настойчиво, точно говорить: „А я? Ты обо мнѣ забылъ? Я тутъ, съ тобой!“

Вотъ его жалобы звѣрю: „Милый, Васька! Больно, больно жить на землѣ. Если бы ты зналъ, какъ больно...“ А Васка, если онъ всей боли земли не зналъ, такъ чувствовалъ: переставалъ мурлыкать, а въ умныхъ, дико-гордыхъ глазахъ свѣтилось тяжкое раздумье звѣря.

Весь день Чаевъ протолкался изъ угла въ уголъ по комнатѣ, а когда наступила ночь и онъ улегся въ постель—онъ думалъ все о томъ же: какъ бы теперь этотъ звѣрь выгибалъ свою спинку коломъ, терся мягкими, бархатистыми лапками о его грудь, и пѣлъ бы свои непонятныя пѣсни такъ вдохновенно, что у него перехватывало бы горло и до тѣхъ поръ, пока онъ не засыпалъ.

Некому теперь тихимъ любящимъ голосомъ сказать: „Ну, ну, вижу, что любишь. Но зачѣмъ же надрываться-то: я и такъ повѣрю“. Не объ комъ, засыпая, думать, что это живое, дикое, существо—единственное, что дорого, что надо беречь, что любить тебя, что, можетъ быть, такъ же больно переживаетъ въ себѣ воспоминаніе объ исчезнувшей дѣтской колясочкѣ...

Не на комъ остановить своего взгляда съ мыслью, что вотъ существо, одаренное благороднымъ инстинктомъ, но во сколько разъ оно выше чело-вѣчества, у котораго очень утонченъ разумъ, но атрофированы возвышенныя чувства души и сердца, атрофировано то, что ставитъ человѣка ниже звѣря?

Чаеву казалось, что въ лицѣ Васьки у него отняли мостикъ, который соединялъ его съ жизнью: звѣрь давалъ ему свою любовь, тепло, свѣтъ—отняли у него этого звѣря—отняли послѣднее, что примиряло его хоть немного съ жизнью.

И лежа въ постели, онъ метался въ тоскливой безсильной злобѣ, что и тутъ у него на дорогѣ

встали деньги богатыхъ людей, ибо бѣднякъ не будетъ покупать kota за пять рублей; метался и плакалъ, съ тупымъ отчаяніемъ, думая: „Все отняли! Все украли! Все на землѣ идетъ такъ: однимъ слишкомъ всего много, другимъ, кромѣ пустоты, мукъ жизни и злобы—ничего!“

Чаеву было очень странно видѣть на необъятно пустынномъ мѣстѣ храмъ, но онъ къ этому храму двигался неудержимо, ибо думалъ, что, если здѣсь онъ не осмѣлится искать разгадки, тогда упустить случай, который никогда не повторится.

Вотъ небольшая паперть и, когда Чаевъ вступилъ на нее—онъ увидалъ, что дверь въ храмъ открыта; постоявъ въ нерѣшимости на паперти, онъ робко вошелъ во внутренность храма. Внутри было тоже странно: ни иконъ, ни живописи по стѣнамъ, ни иконостаса,—вмѣсто него темная завѣса. Правая сторона храма совсѣмъ пуста, а на лѣвой—рядъ гробовъ подъ золотыми покрывами. Озираясь по сторонамъ и видя, что кромѣ него ни единой живой души, Чаевъ ощутилъ въ себѣ невыразимую жуть при мысли двигаться впередъ, но и вернуться назадъ также былъ не въ силахъ.

Вотъ первый гробъ, вотъ второй, третій, чет-

вертый и, каждый гробъ создавалъ величашее колебаніе: не въ этомъ-ли?!

Необходимо подойти и поднять съ головы покрывъ, но на это Чаевъ не рѣшался: казалось, что если онъ ошибется—эта ошибка будетъ той роковой ошибкой, послѣ которой у него будетъ отнята возможность дальнѣйшихъ поисковъ нужнаго лица.

И вотъ онъ останавливается передъ каждымъ гробомъ, стараясь подъ покрывомъ угадать форму знакомой фигуры. И когда оказывалось, что это не то тѣло, которое онъ зналъ, что одно больше, другое—меньше, что нужно пойти дальше, тогда съ каждымъ новымъ шагомъ впередъ Чаевъ переживалъ тотъ сверхъестественный ужасъ, при которомъ человѣкъ прибѣгаетъ къ молитвѣ: то ему мнилось, что онъ зашелъ слишкомъ уже далеко—стоитъ ему сдѣлать шагъ назадъ и расплата за дерзость прикуетъ его на этомъ шагѣ тутъ навѣчно, то, что этимъ шагомъ расплаты будетъ слѣдующій шагъ впередъ.

Назадъ—страшно, и впередъ—тоже. Какъ же быть? И рѣшая мысленно, что лучше ужъ—впередъ, Чаевъ съ величайшимъ усиліемъ дѣлалъ шагъ впередъ и творилъ про себя странную молитву: „Я въ [тоскѣ и тоска во мнѣ... Что же страшнѣе этого для человѣка?“

Итакъ онъ миновалъ восемь гробовъ, вотъ восьмой—около самого клироса и въ немъ Чаевъ на-

шелъ то, что искалъ и, что боялся найти: свою покойную жену.

До входа въ этотъ храмъ онъ томился мыслью, что если въ этомъ храмѣ онъ не найдетъ жены—тогда значитъ она не умерла, а жива, но затерялась гдѣ-то отъ него на землѣ, гдѣ, конечно, онъ и будетъ ее искать.

Но кромѣ жены, Чаевъ натолкнулся въ этомъ храмѣ и еще на нѣчто, о чемъ совсѣмъ не думалъ: въ маленькомъ и уютномъ гробикѣ рядомъ съ гробомъ матери покоился его покойный ребенокъ.

Чаевъ былъ пораженъ: и тѣмъ, что жена и малютка безъ покрововъ, и тѣмъ—какимъ же образомъ ребенокъ могъ очутиться съ матерью, когда похороненъ отъ матери за нѣсколько тысячъ верстъ? Но надъ этимъ вопросомъ онъ долго не задумывался.

Наличность жены въ этомъ храмѣ послужила для него доказательствомъ, что она дѣйствительно умерла; до этого онъ помнилъ, что жена какъ будто бы умерла, что онъ ее какъ будто бы похоронилъ, но жилъ этотъ фактъ въ его памяти такъ смутно и зыбко, какъ чье-то злое внушеніе.

Въ храмѣ была необычайная тишина. Изъ узкихъ и высокихъ оконъ готическаго стиля въ храмъ лились полосы свѣта—не свѣта земли: этотъ свѣтъ давалъ увѣренность, что его никогда не коснулось солнце.

Какой то непостижимый покой чувствовался въ

этомъ неземномъ свѣтѣ, гдѣ [тишина тысячами неслышимыхъ для человѣческаго уха голосовъ, возносила гимны Непостижимому Величію!

Чаевъ не дышалъ. Онъ замеръ передъ женой и ребенкомъ отъ счастья за нихъ. Онъ ушли отъ него страшными тѣнями человѣка, съ печатью „обезславленной и обезображенной смертью красоты“—теперь же передъ нимъ было нѣчто такое прекрасное, чего онъ никогда не могъ себѣ представить.

Были у нихъ всѣ тѣ же знакомыя ему лица, но лица точно никогда не переживавшія страданій духа и тѣла.

Ничего не скрала съ этихъ лицъ смерть, что онѣ имѣли въ себѣ въ пору цвѣтущаго здоровья, кромѣ одного только румянца. Лежали безкровныя тѣла и, чувствовалось Чаеву, что между этимъ неземнымъ свѣтомъ и цвѣтомъ ихъ лицъ—безкровно-матовымъ—есть какая то неуловимая гармонія.

Все было здѣсь тайной, дивнымъ очарованіемъ.

Малютка и женщина покоились въ своихъ гробахъ въ вѣчно бодрствующемъ божественномъ снѣ: не дрогнетъ ни одинъ мускулъ лица, все оно—полная неподвижность смерти, но эта же неподвижность каждой линіей лица говорить, что смерть таитъ за собой высшую форму жизни.

Молись, бейся въ изступленіи головой объ эти гроба—лица лежащія въ нихъ не нарушатъ печати молчанія, не скажутъ болѣе того, что имъ

можно сказать: своимъ счастьемъ и покоемъ женщина и малютка говорили Чаеву, что о жизни на землѣ онѣ не сожалѣютъ, что земля со своими маленькими радостями, печальми и страданіями имъ чужда, кромѣ одной жемчужины земли: Любви!

Помимо счастья и покоя Чаевъ видѣлъ на этихъ лицахъ улыбку—улыбку тихой радости свиданія, привѣта, улыбку безъ тѣни скорби о томъ, какимъ страданіемъ онъ искупаетъ утрату ихъ; ему чудилось, что сквозь сомкнутыя вѣки женщины и малютки на него смотрятъ съ кроткой лаской глаза и просятъ: „Не тоскуй о насъ. Смотри—развѣ намъ плохо?“

Имъ было хорошо—на столько, что рядомъ съ чувствомъ счастья за нихъ у Чаева выросло чувство отчаянія, что а онъ вотъ не можетъ быть съ ними, не знаетъ того, что знаютъ онѣ.

Онъ имъ не чужой совсѣмъ, но все-таки чужой, ибо онѣ слишкомъ родны между собою: это родство не только въ совершенно похожихъ выраженіяхъ лицъ, но даже и въ гробахъ.

Чаевъ зналъ, какъ велико иногда бываетъ обаяніе видѣть, какъ ребенокъ никнетъ къ груди матери, а мать застываетъ въ блаженномъ упоеніи материнства, но то, что онъ видѣлъ здѣсь, его поражало.

Маленькій гробикъ ребенка ютился около гроба матери такъ, какъ могла поставить только рука Невидимаго.

Что можетъ быть печальнѣе, если рядомъ съ

гробомъ матери стоитъ гробъ ея малютки, но тутъ въ этой постановкѣ гробовъ былъ выявленъ таковой символъ, сила и красота котораго полностью недоступны пониманію человѣка.

И своимъ немощнымъ человѣческимъ разумѣніемъ Чаевъ постигъ изъ этого символа лишь то, что этотъ символъ, символъ жестокости человѣка: жизнь каждаго существа на землѣ величайшая святыня, даръ неба и проклятъ на землѣ тотъ, кто топчетъ этотъ даръ, кто самъ хочетъ жить, а другихъ толкаетъ въ могилу.

Чаевъ передъ гробами стоялъ въ ногахъ и не было у него ни одного движенія, ни одной мысли прикоснуться своими устами до тѣлъ женщины и ребенка, ибо, хотя эти тѣла и говорили ему, что онъ для нихъ близокъ, дорогъ, что ихъ связь съ нимъ не порвана смертью, что онѣ съ своей любовью для него то, чего не отнимаетъ отъ него само небо, но пока онъ плоть и кровь—ни онъ, ни онѣ не могутъ переступить той священной дали, гдѣ бы плоть въ силахъ была осязать своимъ цѣлованіемъ духъ освобожденный отъ плоти.

И съ мыслью, что тайна близка, а руками ея не коснешься, Чаевъ стоялъ и не дышалъ отъ экстаза передъ величіемъ смерти. И не смѣлъ даже желать смерти—стоялъ и всѣмъ существомъ своимъ молилъ объ одномъ: «Такъ бы стоять вѣчно!»

На этомъ Чаевъ проснулся; и проснулся въ обычное время: въ восемь утра.

Этотъ сонъ онъ принялъ, какъ милость неба—указаніе свыше страдающему человѣку на то, какъ онъ долженъ принимать Жизнь и Смерть.

День Чаева тоже радовалъ: съ постели ему солнца не было видно—не то оно въ сторонѣ, не то выше оконъ,—а комната напоена чудеснымъ, розовато-золотистымъ тепломъ.

Не спѣша онъ поднялся съ постели и присѣлъ къ столу. Ему захотѣлось запечатлѣть свой сонъ на бумагѣ и, когда онъ его набросалъ и прочелъ и сопоставилъ со всѣми тѣми впечатлѣніями, которыя остались въ немъ отъ сна—ему стало понятно, какъ жалко лепечетъ человѣкъ, когда начинаетъ говорить о тайнахъ смерти. Ея красоту и величіе можно только чувствовать, но передать нельзя.

Въ одномъ только человѣкѣ слишкомъ преуспѣлъ передъ смертью: это оклеветать ее.

Чаеву представилась ужасная картина: что представлялъ бы изъ себя міръ, если бы та измученная и раздавленная часть человѣчества, которая стонетъ на землѣ подъ игомъ наглыхъ и безстыдныхъ, никогда бы не умирала?

Отъ этой картины Чаевъ содрогнулся.

Потомъ онъ неспѣша пилъ чай и размышлялъ все о томъ же снѣ.

И казалось ему, что не измѣнить небо своихъ непреложныхъ законовъ—дать болѣе, чѣмъ дано

что не дастъ оно міру, міру преждевременныхъ могилъ, міру, гдѣ лучшій цвѣтъ жизни въ лицѣ высокихъ духомъ людей всегда затравленъ и затоптанъ—не дастъ оно этому проклятому самопроклятьемъ міру такъ желаемого имъ чуда, ибо небо слишкомъ велико для роли няньки къ своимъ блудливымъ, трусливымъ и преступнымъ дѣтямъ!

Не дрогнетъ твердь небесъ отъ гула слѣпного страданія, ибо никто не созданъ рабомъ и у каждаго человѣка есть возможность бороться противъ своего поработителя: платить за ударъ ударомъ.

Вышелъ Чаевъ изъ дому съ тѣмъ, что ему въ цѣлости и молчаніи хотѣлось принести на дорегу могилу.

Было въ немъ какое-то необычайное ощущеніе кротости и та острая, больная, застарѣлая тоска по покойной женѣ, которая точила его еще задолго до ея смерти, претворялась въ этой кротости въ ту мягкую, свѣтлую печаль, когда человѣкъ можетъ плакать легкими, возвышающими его и облегчающими слезами.

Такимъ Чаеву и хотѣлось прибыть на кладбище. Но это ему оказалось не подъ силу. На одной площади онъ простоялъ болѣе часа. Слѣдовалъ вагонъ за вагономъ и каждый вагонъ брался приступомъ.

Было что то дикое, унижающее человѣка безмѣрно, въ этой свалкѣ. Кто сильнѣе и наглѣе, брали, конечно, мѣста раньше. Сотни людей тол-

пились и уѣзжали, вновь наплывали сотни лицъ — и ни одного лица не видѣлъ Чаевъ, гдѣ бы была печать духа, мысли, достоинства: всюду злая, свирѣпая рожа!

Онъ смотрѣлъ на эти рожи и съ отвращеніемъ думалъ:

«Мы прогрессируемъ! Вотъ онъ современный, культурный человѣкъ, являющій дикое зрѣлище такой свалки, когда онъ отвратительнѣе стада животныхъ, гонимаго бичемъ пастуха. И въ какой день—въ день, когда празднуютъ Имя распятаго за нихъ?»

Чуть не случилось несчастіе: какой-то рабочій съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ рѣзкимъ движеніемъ толпы былъ сброшенъ на рельсы и, если бы кондукторъ во время не затормозилъ вагона, рабочій и ребенокъ были бы раздавлены.

Всѣ ахнули, шарахнулись въ стороны, ни одна рука не протянулась къ находящемуся въ опасности, а когда рабочій поднялся и, судорожно прижимая къ груди свою крошку отошелъ поодаль отъ толпы, толпа начала ту же давку и свалку, глумясь надъ рабочимъ:

— Ротозѣй!

— Вотъ дуракъ! Тутъ взрослому непомогутъ, а онъ съ ребенкомъ лѣзетъ!

Чаевъ пошелъ пѣшкомъ, пытаясь представить себѣ, какое лицо было бы у Христа, если бы онъ видѣлъ этихъ „христіанъ“ въ эти дни, когда они цѣлуются во Имя Его, или говорятъ „поздравляю

съ высокаторжественнымъ днемъ Воскресенія Христова?»

Итти ему было далеко, но во всю дорогу у него былъ на душѣ скверный и острый осадокъ. А когда онъ дошелъ до воротъ кладбища—стало еще хуже.

Какъ передъ оградой, такъ и за ней стояли длинной цѣпью въ два ряда нищіе. Еще издали они тянули руки и хоръ канючащихъ голосовъ, гнусавыхъ и надтреснутыхъ, рѣзкихъ и хриплыхъ, умоляюще придавленныхъ и свирѣпо озлобленныхъ нестерпимо противно вылъ въ воздухъ:

— Баринъ, за упокой души...

Зловонная рубища, вмѣсто лицъ на каждомъ шагу чудовищныя маски, откуда глубина паденія смотреть на весь міръ Божій съ ненавистью дьявола—необычайно страшны были эти лица въ этотъ ярко-весенній день, когда воздухъ благоухалъ отъ солнца и отъ распускающейся зелени!

Было Чаеву и стыдно и больно.

«Вотъ,—думалъ онъ:—обратная сторона современной культуры, у которой ни въ чемъ нѣтъ мужества итти до конца: карать смертной жизнью за нищенство—на это рѣшиться не можетъ и отъ удовольствія доводить людей до нищенства отказать не желаетъ. Слава тебѣ родъ людской, ибо безобразишь ты землю отъ банкира до нищаго!»

Было Чаеву и стыдно и больно до того—хотѣлось остановиться и зло сказать:

— Идіоты! Просите за упокой душъ не мертвыхъ, а живыхъ. Отпѣвайте заживо себя и все человѣчество своими дикими гнусными голосами.

Съ темными глазами, угрюмую остроту и тяжесть которыхъ человѣкъ вѣрять только землѣ, Чаевъ шелъ къ могилѣ жены. Увянула и сгинула по дорогѣ на кладбище, какъ роза затоптанная ногами, та его необычайная кротость, съ которой онъ вышелъ изъ дому, та свѣтлая, мягкая печаль, когда человѣкъ можетъ плакать легкими, возвышающими его и облегчающими слезами.

Не поднимая на ходу головы онъ шелъ почти до самаго конца кладбища не замѣчая, какимъ тонкимъ очарованіемъ пронизанъ этотъ пріютъ смерти.

Въ одномъ только мѣстѣ онъ кинулъ взглядъ въ сторону: молодая женщина сидѣла и плакала надъ свѣжей могилой.

И уже далеко отошелъ онъ отъ этой могилы, а внутри его все еще зло звенѣло:

«Рюнить баба? Рюнь, рюнь!..»

Долго стоялъ онъ передъ крестомъ своей жены и такъ странно ему было видѣть на этомъ крестѣ свою фамилію: казалось, что онъ—это уже не онъ—одной этой надписью здѣсь онъ похоронилъ себя.

Когда у него ноги устали—онъ не рѣшился сѣсть на могилу жены и опустился на могилу рядомъ.

Но сейчасъ же пересѣлъ на свою съ укоризненной мыслью:

«Дорогую пощадилъ, а на чужую не постѣсялся. Вездѣ и всюду нашъ эгоизмъ!»

Долго онъ сидѣлъ съ наклоненной къ землѣ головой, съ темными, ничего не видящими глазами.

Опять точила его тоскливая боль, бѣшеное непримиреніе, что то, что подъ крестомъ, подъ тонкимъ слоемъ земли „никогда невозвратно, никогда!“

Эти слова звучали въ немъ, какъ безконечный стонъ и плачь, говоря ему о скорби человѣческой жизни.

Чего онъ отъ жизни хотѣлъ? Въ сравненіи съ другими очень немногаго; всѣ соблазны міра шли мимо него, ибо та капля чистаго, возвышеннаго счастья, которую онъ имѣлъ въ лицѣ женщины невязалась съ этими соблазнами, а звала на свой путь—на путь къ прекрасному, къ возвеличенію человѣка! Но злой и преступный ходъ жизни давить прежде всего то, что ему враждебно. Ничтожество жирно питается на землѣ человѣческимъ ничтожествомъ, а все, что выше его—обречено на гибель. Затравилъ этотъ проклятый ходъ жизни его жену и вотъ ея утрата рушить всю его жизнь. Унего отняли каплю его личнаго счастья—и вотъ та огромная тяжесть жизни, которую онъ несъ при женѣ легко и бодро—теперь раздавила его.

Чаеву казалось, что это кладбище — кладбище нетлѣнныхъ. Онъ силился представить себѣ видъ разложенія труповъ — и не могъ.

Какъ живая мерещилась ему его жена — не та, которую онъ клалъ въ гробъ, а та, когда она была здорова, — и безумная мысль настойчиво осаждала его подавленный мозгъ:

«Всего только полтора — два аршина земли... если-бы...»

Но онъ изъ всѣхъ силъ противился этому страшному поработавшему чувству, которое способно руками разрыть могилу, сорвать крышку съ гроба для того, что бы хотя на мигъ взглянуть.

И когда это чувство онъ подавилъ — ближе и роднѣе онъ ощутилъ покойную. Чудилось ему, что между нимъ и ей возникла какая тихая, невидимая, живая связь, которая не передается словами, но въ которой все, точно душа льнетъ къ душѣ и языкомъ глубины человѣческихъ чувствъ говорить о мирѣ и примиреніи.

„Всѣ живемъ и всѣ умремъ, — кротко думалъ онъ: — Сколько я проживу — самое большее, если исключить всякія роковыя случайности, десять — пятнадцать лѣтъ. Что такое это передъ вѣчностью? Мигъ! И неразумнѣе-ли его прожить безъ тоски, безъ боли о томъ, чего уже не вернешь, какъ бы ты этого не желалъ?“

Чаевъ поднялъ голову, взглянулъ по сторонамъ и тихо покачалъ головой: кладбище выглядѣло сказочнымъ уголкомъ.

Всюду распускающаяся зелень, ликующій хоръ порхающихъ птицъ, ярко-бѣлые стволы березъ и солнце, то солнце, которое бываетъ такъ обаятельно только ранней весной съ тѣмъ нѣжно-прозрачнымъ, звонкимъ воздухомъ, гдѣ идетъ неуловимая игра синева-огнистыхъ бликовъ съ звуками.

И это обиліе свѣта и красокъ творило изъ мѣста скорби какую то тайну мудраго единства жизни и смерти, точно два добрыхъ духа — Жизнь и Смерть сошлись здѣсь и вѣрили, что слѣпое, несчастное человѣчество научится когда нибудь легко жить и легко умирать.

И сколько Чаевъ ни смотрѣлъ по сторонамъ — ни единой скорбной мысли, ни единого скорбнаго чувства не рождалось въ немъ. Даже ветхія и печально поникнувшіе отъ времени убогіе деревянные кресты и тѣ говорили о чемъ-то безконечно милomъ и трогательномъ.

Чаевъ былъ доволенъ: тѣмъ, что выжидалъ поѣздки на кладбище нѣсколько мѣсяцевъ.

Острое недоумѣніе какой-то смутной недоговоренности оставилъ въ немъ бѣлый саванъ снѣга, когда онъ хоронилъ жену. И пока снѣгъ лежалъ на землѣ — каждый день былъ для него порывомъ навѣстить покойную, но онъ выдержалъ себя до конца. Упорно ему думалось, что навѣстить нужно въ свѣтлый весенній день и тогда... Что тогда? Этого онъ хорошо не зналъ. Казалось одно, что только въ весеній день у него исчез-

нетъ зимняя недоговоренность и замѣнится яснымъ отчетомъ. Въ чемъ?—Этого тоже себѣ не представлялъ, но чувствовалъ, что этотъ отчетъ будетъ чѣмъ то важнымъ, рѣшающимъ.

И теперь онъ понялъ, что не обманулся.

Онъ долго сидѣлъ на могилѣ жены; сидѣлъ до иллюзій, когда ему чудилось, что такая въ него входитъ благоговѣйная тишина, когда можно незамѣтно для себя Богу душу отдать.

И мысль въ немъ звучала, какъ отрывки тихой, далекой музыки:

„Благословенъ остатокъ дней и благословенъ конецъ! Хорошо бы умереть, вотъ сейчасъ же, здѣсь на могилѣ, но хорошо и еще пожить. Жить и безболѣнно, безтрепетно, съ свѣтлымъ чувствомъ въ себѣ ожидать конца. Порокъ, простая человѣческая жадность и слѣпота есть наша боязнь смерти, наше неутолимое „еще бы пожить!“

Пошелъ Чаевъ съ кладбища, когда оно начало шумѣть и рѣзать глаза потоками пышныхъ нарядовъ.

Слишкомъ криклива была эта толпа своими нарядами и праздничнымъ настроеніемъ въ этой тишинѣ: такъ же свѣтило солнце, такъ же буйно развѣтывалась зелень, а Чаеву казалось, что тамъ, гдѣ глухая и смѣшная, мелко тщеславная и жестокая толпа не умѣющая чувствовать повсюду щедро разбросанныхъ щедротъ Бога, тамъ меркнуть свѣтъ и краски природы.

Выйдя съ кладбища, Чаевъ бодро зашагалъ по городу. Долго тянулась окраина города съ жалко-убогихъ домишекъ, съ тоскливо-темными окнами, но когда наступилъ центръ—видъ роскошныхъ дворцовъ будилъ въ Чаевѣ чувство, какое испытываютъ выздоравливающіе.

„Жить! Жить!“ — оглушительнымъ крикомъ проносилось въ немъ и отъ этихъ могучихъ словъ тотъ внутренній горизонтъ Чаева, который во время его упадка духа сузился до мыслей и чувствъ только о себѣ, вдругъ раздвинулся въ безконечность.

Жизнь всего сущаго, казавшаяся до этого дня такой далекой и ненужной, вновь подошла къ нему вплотную и обвила его всѣми своими радостями и болью.

Жадно онъ смотрѣлъ на городъ, слушалъ красный звонъ его колоколовъ и, думая, сколько людей въ этомъ городѣ, сердца которыхъ сочатся кровью подъ этотъ звонъ, томился бѣшеннымъ приступомъ мести и разрушенія.

Ему мерещились картины народнаго гнѣва, когда камня на камнѣ не оставляется тамъ, гдѣ слишкомъ пышно распустились черные цвѣты въ лицѣ политическихъ мошенниковъ и наглыхъ, зажирѣвшихъ мѣщанъ, гдѣ бѣднякъ ограбленъ и осмѣянъ до того, что давно забылъ думать о себѣ, какъ о человѣкѣ, гдѣ трудъ умаленъ, какъ безчестіе, а праздный паразитизмъ живетъ съ гордо-поднятой головой, и онъ давалъ себѣ

общаніе жить и работать только во имя этого дня.

Минутами на Чаева находило сомнѣніе, что этого грязнаго, торжествующаго надъ жизнью потока никому и никогда не остановить, ибо этотъ потокъ отравилъ души рабовъ и рабовладѣльцевъ до того, что ихъ ничѣмъ уже не исцѣлить: это вѣкъ мертвыхъ, догнивающихъ душъ, гдѣ все живетъ иллюзіей и ложью, преступленіемъ и насиліемъ!

Но стоило Чаеву взглянуть на небо и опять тишина и миръ, бодрость и вѣра охватывали его.

Небо слалъ ему незримые цвѣты.

Чувствовалъ Чаевъ, что память о дорогихъ утратахъ въ жизни будетъ съ этого дня цвѣсти въ его душѣ той свѣтлой печалью, которая никогда ни омрачится безплодными взрывами тоски; что никогда у него уже не повторится это безсиліе, когда человѣкъ самъ же топчетъ свою волю, грезить о смерти ежедневно только для того, чтобы упиться больной мыслью о суетѣ-суетѣ человѣческаго существованія.

Домой Чаеву итти не хотѣлось. Онъ присѣлъ на бульварѣ около памятника Пушкина и, наблюдая, какъ мимо него густо идетъ шумная, праздничная толпа, жадно-жадно вглядывался въ человѣческія лица.

Такъ онъ просидѣлъ, пока не стемнѣло. Тогда онъ пошелъ домой и засѣлъ за работу надъ

давно забытыми рукописями. Проработалъ до поздней ночи, а передъ тѣмъ, какъ лечь спать, набросалъ въ свой дневникъ:

„Привѣтствую тебя большая мудрость, которая пришла ко мнѣ послѣ столькихъ испытаній: отнынѣ я ничѣмъ не буду поражаться, ничѣмъ восторгаться, никогда не буду унывать, а тѣмъ паче, отчаиваться! Сегодня я не чувствовалъ себя, какъ и впредь не буду чувствовать, въ огромномъ городѣ чужимъ, одинокимъ, безнадежно потеряннымъ, хотя и былъ въ немъ одинокъ, какъ перстъ: знаю я, что такихъ, какъ я, въ городѣ много и эта невидимая связь будить во мнѣ ту веселую ярость, которая думаетъ за себя хорошо посмѣяться... Жаль, конечно, что жизнь человѣка такъ коротка, но все же—лучше поздно, чѣмъ никогда, понять, что долгъ человѣка—это до конца итти противъ злыхъ силъ жизни.

Какъ вспомнишь, до чего я былъ забить—жуть беретъ.

Вся человѣческая подлость и глупость чудились мнѣ въ одномъ образѣ. Идешь по улицѣ и кажется, что пятится передъ тобой доомерзѣнія мизерный, съ хищнымъ, сухо-застывшимъ лицомъ, съ колючими, какъ иглы, глазами, съ дьявольски насмѣшливой улыбкой на тонкихъ и холодныхъ какъ ледъ, искривленныхъ губахъ человѣчекъ и смѣется: „Видишь, какъ я противенъ, малъ, ничтоженъ, а между тѣмъ—я неуловимъ и необъятенъ! Я—властелинъ надъ жизнью. Я царь надъ

подлостью и глупостью, а подлость и глупость развѣ въ человѣчествѣ измѣримы и исчерпаемы? Ха-ха-ха! Кто поклоняется мнѣ, тотъ — глупецъ можетъ быть умнымъ, взысканнымъ всѣми почестями жизни; кто противъ меня—умный будетъ глупцомъ и нищимъ, онлеваннымъ и презираемымъ всѣми!“

Да, въ жизни безъ жизни, въ мірѣ безъ мира души люди гдѣ-то далеко—далеко—въ свѣтломъ туманѣ ранняго дѣтства учатся изживать великую радость бытія: *благодарную ясность* взгляда на міръ Божій, безъ которой одни безконечно нагльютъ, другіе—безконечно принижаются.

И когда я думалъ объ этомъ—было странно видѣть, что надъ такимъ человѣчествомъ такое небо! Кроткое, голубое, залитое ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ оно благословляло землю, ту землю, вся исторія которой сплошной и безпредѣльный цинизмъ человѣчества надъ человекомъ.

Мнѣ хотѣлось хохотать надъ лже-христіанами, вѣрящими въ спасительную силу смиренія, утверждающими, что надо покорно подставлять голову подъ удары несправедливости; хохотать надъ тупостью и слабостью, которая никогда не осмѣливается поднять гордо головы къ небу и подумать, что единственный завѣтъ этого чудеснаго неба человеку, пока человекъ живъ на землѣ,—это: „тебѣ отомщеніе, и азъ воздай!“

Посвящаю М. Г. Я..

БОЛЬНИЧНЫЙ ДЕНЬ.

Еще только шестой часъ утра, а два ряда правильно разставленныхъ коекъ уже оживляются.

Молодежь просыпается неохотно, лѣнливо; подниметь голову, посмотреть на окна, прислушается: блѣдный, робкій свѣтъ уличнаго освѣщенія слабо серебритъ окна, изрѣдка звякають звонки трамваевъ.

И опять прячутъ головы подъ одѣяло: можно еще немного поваляться.

Старики поднимаются со вздохами облегченія. Съ вечера они улеглись на покой вмѣстѣ съ тараканами, но это не мѣшаетъ имъ говорить:

— Слава Богу! дождались и утра. Ночь-то тянется-тянется, конца не видать.

Начинается тяга въ уборную: идутъ умываться.

Молодежь по утрамъ жестока къ старцамъ: лежить и нѣжится. Приходится какому-нибудь сѣдому, сгорбленному мужу, который и самъ то еле видитъ, вести уже советѣмъ слѣпныхъ мужей. Стоитъ поводырь и терпѣливо ждетъ, когда можно тронуться: за поясъ его халата обѣими руками прицѣпится одинъ, за этого точно такъ же другой, за другого третій, за третьяго четвертый.

Дѣло съ глазами пустяковое, минутное, а вотъ поди-ка безъ глазъ: натыкаются другъ на друга, беспомощно и боязливо бороздятъ руками воздухъ, качаютъ головами:

— Охъ, Господи!

Наконецъ-то, трогаются. Молодежь зубоскалить:

— Третій звонокъ!

Печальное и трогательное шествіе: старья, жалкія дѣти!

Согбенныя спины, руки цѣпляющіяся за кушаки халатовъ, то, какъ они идутъ, все ясно говорить, что никогда эти люди глубже не понимали, какъ необходимо: „Любите другъ-друга!“ И они теперь любятъ по настоящему: какъ бы не оторваться, не спутаться? Чувствуется, что каждый на ходу только тѣмъ и занятъ, какъ бы не толкнуть сосѣда впереди и не дать наткнуться на себя сосѣду сзади.

Лысыя головы трясутся, наклонены впередъ такъ скорбно, покорно: знаютъ бѣдныя, старья дѣти, какъ они теперь беспомощны. Съ какой стороны не явись обидчикъ — не увидятъ. Значить, нечего и головой вертѣть: склони выю — бей, если сердце не дрогнетъ!

Палата освѣщена одной лампой подѣ густо-матовымъ колпакомъ. Бѣлыя, высокія стѣны отъ такого свѣта играютъ зловѣщей синевой трупъ. И глумятся надъ старенькими: тѣни отъ шествія на стѣнахъ чудовищныя — точно медленно подвигается какая-то страшная живая каряга.

Является няня Авдотья. Въ рукѣ большой, мѣдный чайникъ съ кипяткомъ; несетъ его съ видомъ, — даже въ станѣ перегнулась, хотя тяжесть не столько ужъ велика, — какъ будто-бы совершаетъ непосильный подвигъ.

Свирѣпая женщина лѣтъ подѣ пятьдесятъ, съ тонкими, ядовито поджатыми губами, со злымъ раздраженіемъ въ глазахъ и, мягкой, неслышной походкой.

Молодежь вскакиваетъ, поспѣшно набрасываетъ на себя халаты и мчится умываться.

Хоть не всѣ Авдотью бояться, но всѣмъ непріятно видѣть и слышать, какъ она покачиваетъ головой и изречетъ:

— Это что такое? Лежать?... а?

Она никогда не кричитъ, тонъ у нея всегда ровный, но таковъ, точно большаго преступленія не можетъ быть.

Возвращаются изъ уборной старцы. Ползутъ старенькія уже за молодежью одинъ по одному и радуются:

— Ишь ты, молодые глаза-то поскорѣ ведутъ. Начинается чаепитіе.

Авдотья за своимъ столикомъ въ углу палаты сидитъ въ такой внушительной позѣ: боязно подойти.

Первую чашку наливаетъ себѣ. И не какъ ни-будь, а съ любовью, съ почтительностью къ своей особѣ.

Слѣпыхъ у ней по ея глубокому убѣжденію никогда не бываетъ:

— Притворяются. Небось мимо рта ложки не пронесутъ.

А по этому она никогда больнымъ на столики кружки съ чаемъ не подаетъ.

Разносятъ слѣпымъ чай молодежь. А она только снисходитъ до того, что бы налить. Не по кружкѣ, не по двѣ, а когда ихъ на ея столикъ цѣлый рядъ—со всей палаты.

Разносчики стоятъ, ждутъ и смотрятъ на ея чашку: раньше чайника въ руки не возьметъ, пока не отопьетъ сама.

А пьетъ чинно, важно, не спѣша, какъ солидные люди. И выраженіе въ это время на лицѣ—ядовитѣе, словами не выразишь:

— Ничего. Подождете.

Отпила. Наливаетъ прежде себѣ и, конечно, съ той же любовью, почтительностью, даже съ невольной умильной улыбкой, но первая чашка для больного—и превращеніе: вся страшно-живое воплощеніе темной злобы.

Тутъ настолько холодная, застарѣлая ненависть, которая мнитъ себя великой добродѣтелью. Чтобы Авдотья недѣлала изъ своихъ прямыхъ обязанностей, все у ней въ ярко выраженномъ видѣ выходитъ:

— Только мое доброе сердце...

Сразу ее и не поймешь: ошеломляетъ. Кажется, что соглашаясь служить няней—она дѣлаетъ ве-

ликую милость, приносить большую жертву и сердится, что этого не цѣнятъ, какъ слѣдуетъ. Чай пьется невесело. Изрѣдка кто-нибудь изъ молодежи перебросится словомъ—другимъ: вяло, робко.

А старики и совсѣмъ помалкиваютъ. Научены уже горькимъ опытомъ, что какой разговоръ не заведутъ, Авдотья вмѣшается и всѣхъ, кто говорить неугодно ей, отпоетъ:

— Молчи, если ужъ Богъ убилъ!

Слышать это, когда они и въ самомъ дѣлѣ убиты, старикамъ не подъ силу.

Даже Егорушка, восьмилѣтній бутузъ, большой плутъ, любитель поболтать, въ темахъ для разговора никогда не затрудняется, даже и онъ держитъ языкъ за зубами. Чуетъ маленькимъ сердечкомъ въ бабѣ что-то неладное, посмотреть то на нее, то на больныхъ и, видя, что всѣ Авдотьи порабиваютъ, преисполняются страхомъ, иногда граничащимъ съ недоумѣніемъ и почтительностью.

Одинъ только человѣкъ не трепещетъ передъ Авдотьей—это загнанный нуждой и болѣзнями литераторъ. Ему лѣтъ около 30-ти.

Вечеромъ онъ ложится позже всѣхъ; по утрамъ въ палатѣ холодно и онъ никогда не встаетъ съ постели, не выпивъ чашки чаю.

Высунетъ изъ подъ одѣяла голову и спрашиваетъ своего сосѣда съ лѣвой стороны:

— Маня, а мнѣ приволокли?

Маня собственно и не Маня, а Дениска—17 лѣт-

ній мальчуганъ, настолько хорошенькій, что многимъ дѣвицамъ не угнаться. Нѣжный цвѣтъ лица, румянецъ хотъ вырѣжь, каріе, умильные глазки съ поволокой, даже и голосъ—мягкій, женственный, а когда Дениску молодежь начнетъ мять, тутъ ужъ нѣтъ сомнѣнія, что Дениска появился на свѣтъ Божій не въ полномъ смыслѣ. Маней только потому, что здѣсь замѣшаны злые шуточки природы: взвизгиваетъ и жеманничаетъ точъ въ точъ, какъ деревенскія кокетливыя дѣвки, когда ихъ парни тискаютъ.

Дениска на литератора „за Маню“ сердится: очень его ужъ иногда молодежь одолеваетъ. А служить все-таки охотно: чашка чаю уже на столѣ. Нельзя, конечно, и не пококотничать: сидится изъ ласково улыбающагося лица сотворить нѣчто вродѣ презрительнаго равнодушія и пѣвуче тянетъ:

— Мнѣ? Лежебокъ какой. Долженъ я тебѣ чай подавать? Слугу какого нашель.

Литераторъ съ улыбкой выпиваетъ чашку, встаетъ съ койки, суетъ ноги въ туфли, набрасываетъ на плечи халатъ, забираетъ полотенце и идетъ въ уборную.

Едва онъ выходитъ изъ палаты, Авдотья косится на его койку:

— Это што такое? Всѣ люди поднялись, а онъ хотъ бы што. Во лбу глаза-то. Хуже его ни одного больного никогда не было. Всѣ хороши, но этотъ чище всѣхъ!

И смотреть на всѣхъ больныхъ: не поддержать ли кто?

Оказывается нѣтъ. Всѣ молчатъ. Блѣднѣетъ баба отъ злости. А тутъ еще Денисъ,—знаетъ, шельмецъ, когда подъязвить!—стоитъ съ чашкой литератора и невинно говоритъ:

— Няня, налей-ка ему чайку-то.

— Подождетъ. Что онъ за баринъ такой, что не въ очередь ему буду наливать. Разъ попалъ сюда, да надѣлъ арестантскій халатъ,—будь ты хотъ полковникъ, а честь тебѣ со всѣми равна. А онъ, кто такой? Вѣдь, этого не знаемъ. Много ихъ такихъ съ хитровки сюда являются.

Помолчитъ. Ужъ ей трудно дышать. Передохнетъ и выветъ у Дениски чашку:

— А тебѣ не слѣдуетъ къ нему лѣзть. Пусть самъ во время встаетъ и ходитъ себѣ за чаемъ. А опоздалъ—побудь-ка безъ чаю: другой разъ не проспять. Что онъ тебя подрядилъ ухаживать за нимъ?

Денисъ возвращается къ своей койкѣ:

— Подрядить—не подряжалъ, а почему же хорошему человѣку не уважить.

Авдотью всю передернетъ.

— Хорошъ!.. Это што такое? Нашель „хорошаго“, нечего сказать. Должно быть, много у тебя въ головѣ... Вонъ онъ хорошій-то: вылѣзъ изъ подъ одѣяла, какъ свинья, и ушелъ.

Тутъ Авдотья признаетъ, что у ней есть слѣпые:

— Вонъ, старики, невидущіе люди, да и тѣ— встанеть съ постели и убереть за собой. А этотъ... убирай-ка вотъ за нимъ!

Дениска поправляетъ подушки, стелетъ одѣяло и поджигаетъ:

— Мы уберемъ. Хорошему человѣку почему не уважить. А онъ правду говоритъ: няньку, говоритъ, вы избаловали, ничего она изъ того, что она должна дѣлать, не дѣлаетъ вамъ.

Нянька уже не въ силахъ говорить. Качаетъ головой и ѣсть Дениску такимъ взглядомъ: чтобы она сдѣлала этому мальчишкѣ, если бы имѣла неограниченную власть?

Слышится приближеніе литератора. Авдотья наливаетъ его чашку. Не въ очередь. Чайникъ тоже виноватъ: отчаянно гремитъ его ручка.

Говорить Денискѣ шипящимъ шепотомъ:

— Бери. Неси хорошему человѣку...

Денисъ идетъ, но передъ столомъ походка робкая: какъ ни храбрится, а есть страхъ передъ бабой. Всѣ молчатъ. Головы больныхъ, особенно у плохо видящихъ и слѣпцовъ, понурены низко, скорбно.

Возвращается литераторъ и принимается за свою чашку чаю. Смотритъ на больныхъ: знаетъ уже, что въ его отсутствіе больнымъ за него пришлось пережить нѣсколько тяжелыхъ минутъ.

Жаль ему этихъ покорныхъ, пришибленныхъ жизнью людей. И хотя у самого нѣтъ ни малѣйшаго желанія болтать—заводить какой-нибудь разговоръ.

— Какъ старики спали? Что видѣли во снѣ? Старики всегда видятъ сны.

Больные чуть-чуть оживляются. Когда литераторъ заговорилъ—они посмѣѣе.

Авдотья недовольна—косой взглядъ на литератора и общее замѣчаніе:

— Ну, вы не очень-то прохлаждайтесь. Вамъ только дѣловъ-то!

Какъ ни сдерживается, но выходитъ такъ грубо, злобно, что даже у литератора пробѣжить по тѣлу непріятная дрожь; иногда онъ промолчитъ, иногда отпарируетъ:

— На всѣхъ парахъ, няня, гоните. А къ чему—неизвѣстно. Дайте людямъ чаю спокойно попить.

Авдотья молчитъ.

Больные съ чаемъ спѣшатъ. Особенно старики: то уныло сидѣли въ ожиданіи, пока имъ няня соблаговолитъ налить, теперь обжигаются. Опить чай. По положенію: по двѣ чашки на человѣка. Больше не полагается. На это у Авдотьи свои соображенія: рѣже будутъ въ уборную ходить и полъ въ палатѣ чище. Моетъ и вытираетъ Авдотья чашки; и хотъ моетъ и вытираетъ плохо, но гремѣть у ней онѣ на славу.

Громъ этихъ чашекъ имѣетъ для больныхъ свой языкъ: жмутся и чувствуютъ больные насколько они здѣсь нежелательны.

Литератору, конечно, достается больше всѣхъ.

Надумала Авдотья ввести порядокъ, чтобы больные за чистотой чайной посуды слѣдили сами—

и люди было покорились: дня три мыли и вытирали.

Но литераторъ поднялъ бунтъ:

— Это не дѣло больныхъ. Вы, няня, не имѣете права сваливать своихъ обязанностей на больныхъ.

Авдотья поджала губы:

— Ну, ужъ мнѣ это лучше знать. Чего вамъ тутъ дѣлать: за что-нибудь вы должны же казенный хлѣбъ ѣсть.

— А вы за что получаете казенныя деньги?

— За что — тебя не спрашиваютъ. Какой нашелся!

Литераторъ пообѣщалъ, что онъ запроситъ врача: обязаны-ли больные слѣдить за чистотой посуды? До запроса Авдотья не допустила, но загремѣли съ тѣхъ поръ въ ея рукахъ чашки.

Вытерта и убрана посуда въ столъ. Больнымъ изъ палаты надо уходить: няня будетъ наводить порядокъ въ палатѣ. Она почему-то очень не любить, чтобы кто-нибудь въ это время тутъ оставался. Исключенію подлежатъ только тѣ, кому накануне сдѣлана операція.

Выбираются больные изъ палаты въ столовую. У Егорушки съ этой поры начинается трудовой день: тянетъ на буксиръ одного или двухъ старцевъ. Держатся дряхлыя руки за плечи малыша — малышъ серьезенъ, ведетъ съ важнымъ сознаниемъ, что онъ дѣлаетъ — большое дѣло.

Страшно грохаютъ табуретки, столы, рѣзкимъ

рывкомъ сдвигаются койки, неистово стучить по полу щетка: казенное добро расплачивается передъ Авдотьей за то, что въ ея палатѣ всегда такіе неугодные ей больные. Горе больному, который послѣ операціи вынужденъ въ это время лежать здѣсь. Чего только онъ не наслушается.

Всѣ негодяи. Всѣ дѣлаютъ ей, Авдотѣ, на зло, всѣ въ уборной нагадить до того, что она не можетъ убирать: тошнить. Всѣ нищие, бродяги съ Хитрова рынка: заботься о нихъ, служи имъ, а когда выписываются, никто гривенника на чай не дастъ.

Горе такому больному: послѣ этого онъ не только въ уборной гадить, но и по палатѣ-то боится пройти.

Горе такому больному: когда онъ будетъ выписываться и, не желая попасть въ число бродягъ съ Хитрова рынка, дастъ Авдотѣ на чай, онъ убѣдится, что она недовольна гораздо большимъ, чѣмъ гривенникъ. Приметь съ видомъ, точно она ничего не принимаетъ, а если ей дадутъ мѣдяками — и совсѣмъ не приметъ. Двугривенный серебромъ возьметъ, мѣдяками, даже и больше — нѣтъ: такой металлъ ее оскорбляетъ!

Въ столовой свѣтло: горятъ три лампы. Оживленно: тутъ пьютъ чай еще изъ двухъ палатъ:

средней и церковной. Палата Авдотьи называется „катарачной“. По больничному порядку больные изъ катарачной тоже должны пить чай въ столовой,—на этотъ счетъ Авдотѣ уже дѣлали врачи замѣчаніе, но ей это почему-то не нравится и она продолжаетъ поить чаемъ въ своей палатѣ.

Няня Луша носится изъ столовой въ свою палату—церковную,—съ чашками чая.

Катарачные ей замѣчаютъ:

— Балуешь ты своихъ больныхъ, няня.

— Ужъ очень молоденькіе у меня. Нельзя имъ не услужить. Люблю молоденькихъ!

Отъ молоденькихъ въ ея палатѣ всегда тихо, какъ въ могилѣ, да и пахнетъ могилой: глухіе и слѣпые лѣтъ отъ 70 и старше. Рѣдко бываютъ моложе.

Съ завистью посматриваютъ катарачные на Лушу: намъ бы такую!

Лушѣ лѣтъ за 27. Крѣпкая, круглая отъ полноты, подвижная, жизнью и радушіемъ вѣетъ отъ всей ея фигуры и лица.

Начинаютъ ее просить:

— Няня, ты перепросилась бы въ нашу палату. У насъ полегче.

— А въ мою кого?

— На твое мѣсто наша.

Луша отмахивается руками:

— Ни за что! Да она ихъ всѣхъ, какъ мухъ поморить. У васъ молодежь, да и та боится. А со стариками, что будетъ?

Конченъ чай и въ столовой. Идетъ уборка въ средней и церковной палатахъ.

Въ средней—няней племянница Авдотьи Анна, дѣвица лѣтъ 22. Она тушитъ въ столовой лампы.

— Нюша,—просятъ больные,—погодила бы тушить-то. Ужъ очень здѣсь безъ огня-то того...

Нюша ни слова: только на моментъ вздернетъ носъ—онъ на ея лицѣ самое дерзкое, самое выразительное.

Ропшутъ старики:

— Яблоко отъ яблони недалеко откатывается.

Но, должно быть, племянница только еще „цвѣточекъ“. До больныхъ она тоже далеко не сердечна, но такого трепета, какъ ея тетка, она внушить не въ силахъ. Она на больныхъ по временамъ кричитъ, они вступаютъ въ перебранку, потомъ мирятся и говорятъ, что съ ней еще „жить можно!“

Чувствуютъ люди, что въ ея нападкахъ больше глупости, самодурства, чѣмъ зла. Дѣлаютъ, пожалуй и, не безъ основанія, предположенія, что тутъ „не безъ наставленій тети“. Но въ общемъ о „цвѣточкѣ“ много не говорятъ, но за то о „ягодкѣ“ толкуютъ. Одни съ недоумѣніемъ:

— Вѣкъ прожилъ, а такой бабы не видалъ. Какіе есть люди? а?

Другіе со страхомъ:

— Говорятъ: баба? Вотъ тебѣ и баба: любой мужикъ струсить! Потому: зломъ она дышитъ. Вотъ что. Она тебя не только словомъ обожжетъ, а однимъ взглядомъ. Аспидъ! Дьяволъ, а не баба!

Многое тутъ говорится. И даже даются совѣты: писемъ черезъ Авдотью не посылать. На такое письмо не жди отвѣта: марку прикарманить, а письмо изорветъ. Что въ палатѣ при уборкѣ она не терпитъ больныхъ потому: не любить свидѣтелей.

Жалуются, что пропадаетъ сахаръ, чай, деньги.

— Много не украдетъ. А если есть у тебя рубля два-три—двугряшъ или побольше—свистнетъ. Иной разъ и не догадаешься: подумаешь, что самъ на что-нибудь потратилъ и забылъ.

И опять совѣты: денегъ въ палатѣ не оставляй, а носи при себѣ.

Говорять, потомъ проносится: „шш-шш!.. — и всѣ замолкаютъ.

Мягкими, неслышными шагами Авдотья плыветъ черезъ столовую въ коридоръ.

На лицѣ гордость: ей подъ 50, а она еще молодыхъ затыкаетъ—убралась раньше всѣхъ!

То, что она начала уборку раньше Луши и Анны—это она изъ виду упускаетъ.

На больныхъ посмотреть подозрительно: ужъ знаетъ, что-нибудь о ея подвигахъ?

Прошла и опять разговоры о ней, но уже со страхомъ, жуткимъ шопотомъ.

Литераторъ гдѣ-нибудь въ углу: наблюдаетъ. Желтые, безобразные халаты, понуренныя фигуры съ невнятнымъ шопотомъ на устахъ—чувство неприязни и страха возникаетъ у литератора отъ этой группы, которая въ полутемнотѣ напомина-

етъ ему одну сцену изъ Метерлинка. Онъ думаетъ, что это не люди, а тѣни людей. Но гдѣ же люди? Чудится ему, что люди гдѣ-то впереди, но гдѣ же впереди, когда многіе изъ этихъ людей почти уже на краю могилы?

Шушуются тѣни. Изрѣдка вырвется молодой голосъ:

— Надо жаловаться на нее старшему врачу...

И сейчасъ же затихнетъ. Такъ, что самъ говорящій сознаетъ, что у него вырвался пустой, ненужный и опасный звукъ.

Если бы старшій врачъ узналъ Авдотью во всемъ ея величїи, онъ, можетъ быть, и смѣстилъ бы ее. Но никогда ему никто изъ больныхъ про Авдотью ничего не говорилъ. Его всѣ боятся. Ему лѣтъ подъ 70. Онъ сухъ. Холоденъ. Ежедневно обходить всѣ палаты больницы, но смотреть на больныхъ странно: сквозь нихъ, точно передъ нимъ вещь, мѣшающая ему что-то разглядѣть въ пространствѣ. Усталость-ли тутъ, или безразличіе отъ долгаго соприкосновенія съ больными—трудно понять. Но за то онъ очень зорекъ къ внѣшнему порядку. Никогда не поинтересуется тѣмъ, какъ кормятъ больныхъ, въ какой атмосферѣ, создаваемой служащими персоналомъ, имъ приходится лечиться и, грозитъ нянямъ штрафами, если замѣтитъ, что больной лежитъ на койкѣ въ халатѣ.

Больные недоумѣваютъ:

— Сидѣть въ халатѣ на койкѣ можно, а лежать нельзя? Чудно!

Всѣми силами стараются выполнять это требованіе—и все-таки попадаютъся.

Шушукуются тѣни. Потомъ постепенно всѣ замолкаютъ. Дрожать. Зябко кутаются въ халаты. Съ завистью посматриваютъ на больныхъ средней палаты: они не боятся своей няни и, во время уборки, лежатъ на койкахъ подъ одѣялами. Имъ теперь не холодно. Мерзнетъ въ столовой одна только катарачная палата.

Вентилюетъ Авдотья свою палату черезъ-чуръ: волковъ морозъ.

Давно закрыты фортки въ церковной палатѣ, жалѣетъ Луша своихъ молоденькихъ; за ней закрываетъ въ своей и Анна, а у Авдотьи все еще двѣ фортки настежь, хотя открыла ихъ раньше всѣхъ.

Мерзнутъ катарачныя, но ни у кого нѣтъ смѣлости дерзнуть: закрыть фортки, или хоть напомнить объ этомъ Авдотѣ.

Литераторъ долго ждетъ—зябнетъ самъ, но ждетъ: а не проявитъ-ли кто-нибудь изъ нихъ такого мужества. Безплодно. Развѣ иногда какой-нибудь старецъ начнетъ коченѣть и взмолится:

— Михайла, иди, Христа-ради, закрой ты тамъ...

Литераторъ идетъ и смотритъ на градусники: у Лукерьи 11, у Анны 10, у Авдотьи 8 или 7. А не явится она еще долго: не закрой фортокъ—сойдетъ до 0.

Спѣшать катарачныя изъ столовой въ свою палату, прячутся съ головой подъ одѣяла и щелкаютъ зубами.

Является истопникъ, смотритъ на градусникъ и сыплетъ по адресу Авдотьи забористую брань: онъ съ ногъ сбивается, одинъ на всю больницу, гдѣ всего 37 печей, а эта „чортова баба“ студитъ на зло. Такъ-ли она студила, когда обязанность топить лежала на нянькахъ?

И подождать бы онъ ее, да некогда. Ну, да погоди: онъ ей еще покажетъ!

Напихалъ истопникъ дровъ, затопилъ и бѣжитъ въ другія палаты.

Является Авдотья. Причесалась. Вымылась. Бѣлый чепецъ на головѣ. Дѣлъ до прихода врача никакихъ.

Косится на окна. Если нѣтъ литератора въ палатѣ—попадетъ всѣмъ на орѣхи:

— Закрыли? Поторопились? Непремѣнно старшему врачу скажу. Это што такое? Надо или нѣтъ освѣжить, чтобы вашей вонью не разило? Съ кого спросать это?

Но если литераторъ тутъ — смолчить иногда Авдотья, за то онъ припомнить.

— Вы помните, что у меня отъ вашего „освѣженія“ въ прошломъ году было: на-завтра назначили на выписку, а у меня къ вечеру температура до 40. Хорошо, что все обошлось простой лихорадкой. А вѣдь, могло-бы быть что-нибудь и похуже. И развѣ одинъ я: со сколькими ужъ это

бывало? Врачи лечуть, а вы имъ больныхъ портите.

Авдотья молчитъ. Непоколебимо увѣрена, что „освѣженіе“ важнѣе человѣческой жизни, кромѣ собственной: сама въ это время сидѣла въ тепломъ ванномъ отдѣленіи. А если въ палатѣ еще холодно—ей никто не помѣшаетъ вновь уйти туда-же.

Дениска на минуту набирается смѣлости:

— Что, няня, вѣрно, то вѣрно. Истопникъ вонъ говоритъ, что когда няньки въ своихъ палатахъ топили, тогда ты фортками такъ не студила. Видно, свой горбъ-то больше всего жалѣешь!

Передъ Дениской Авдотья уже не смолчитъ.

— Заткни ротъ-то! Кто-нибудь пусть поговоритъ, а ты заткни,—вырывается у ней такимъ зловѣщимъ тономъ, что Дениска ничего лучше не находитъ, какъ испариться изъ палаты.

Уходитъ онъ. За нимъ остальная молодежь. Даже Егорушка и тотъ бѣжитъ.

Въ катарачной—мучительная тишина. Слышно, какъ молодежь гогочетъ въ коридорѣ, доносятся отдѣльныя слова и фразы изъ средней палаты. Старики уныло вздыхаютъ. Поговорили-бы они о томъ—о семь; вели-бы свои добродушно-дряхлая бесѣды, если бы здѣсь не эта баба.

Авдотья сидитъ на своей койкѣ—у стѣны,—пунктъ, откуда видно всѣхъ. Тонкія губы до того поджаты: губъ нѣтъ. Глаза медленно, съ застывшей холодной ненавистью, переходятъ съ

одного лица на другое. Ея лицо,—умерли на немъ всѣ движенія человѣческой души, кромѣ злобы и скуки.

Злитъ Авдотью эта тишина. Видно, что ей и самой хочется поговорить, но она сдерживается. Во-первыхъ, чтобы не ронять своего авторитета, во-вторыхъ, уже по опыту знаетъ, что если и снизойдетъ до того, чтобы о чемъ-нибудь заговорить—бесѣда не наладится. Никто ея мнѣній не раздѣлитъ, всѣ будутъ молчать.

Она сидитъ и, по истинѣ съ адскимъ терпѣніемъ ждетъ: а все-таки, не затѣется-ли?

Острота тишины растетъ. Той тишины, когда нельзя молчать.

Авдотья по своему глубоко страдаетъ, но она выдержитъ. Своими злорадными взглядами, упорно ищущими глазъ другихъ, она вынуждаетъ раскрыть уста даже у слѣпцовъ: лежить или сидитъ старецъ, свѣта Божьяго невидитъ, но чувствуетъ что-то нехорошее, отъ чего нужно оградиться.

Такъ, очевидно, иногда у кого-нибудь вырвется:

— О, Господи! Помилуй мя грѣшнаго...

Авдотья даже этого не пропуститъ. Маска скуки и злобы дрогнетъ презрѣніемъ, оживится ядовитой улыбкой.

— Возмолился? Это што такое? Съ молоду-то, чай, объ этомъ не думалъ, а когда Богъ убилъ, тогда „О, Господи!“ Народъ...

Промолчатъ больные. Но еще острѣе обострится тишина: звукъ человѣческаго голоса уже необхо-

димъ. Начинають говорить. Безсвязно. Орывочно. Ибо нельзя не говорить: иначе эта тишина можетъ вырвать крики бѣшенства и безумія.

Няня не дремлетъ. Подаетъ реплики.

Ничего новаго. Все тоже, что и всегда: больно, грубо, низменно. Человѣкъ съ двухъ-трехъ словъ уничтожается, втаптывается въ грязь до той степени, когда не въ силахъ отвѣчать: не позволяеть собственное достоинство.

Авдотья въ крайнемъ бѣшенствѣ — красныя пятна на напряженно поблѣднѣвшемъ лицѣ: съ ней не желаютъ говорить?!

Литераторъ начинаетъ чувствовать себя неладно. Кружится голова. Тонъ, которымъ онъ говоритъ,—грань, когда человѣкъ изо всѣхъ силъ крѣпится сохранить самообладаніе.

— Что вамъ, няня, нужно? Чего вы хотите отъ людей? Если вы не можете переносить больныхъ—не служите. Найдите себѣ какое-нибудь другое дѣло.

— Больные,—отзывается Авдотья:—Я сама побольнѣ такихъ больныхъ. Больные? Вонъ ше-то какія на казенныхъ хлѣбахъ наѣдаютъ.

— Согласенъ и съ тѣмъ, что вы больны. Объ этомъ ваша племянница говорить на всю больницу...

Авдотья отмалчивается: не находится, что возразить.

Вѣрно, она часто прихварываетъ. Иногда не является на день, на два. Однажды даже недѣли

три отлежала въ какой-то больницѣ—съ этихъ поръ ея племянница Анна на вопросъ, чѣмъ была больна тетка, убѣжденно отвѣчаетъ: „Чѣмъ? Извѣстно: отъ зла!“

Авдотья молчитъ. Она побита. Страшно въ это время ея лицо — лицо мученицы, которая воображаетъ, что въ тяжести несомато ея креста повинна даже родная кровь; но еще страшнѣе губы: прямая, едва замѣтная, живущая судорожной дрожью, линія.

На эту линію даже жадный до наблюденій литераторъ не можетъ долго смотрѣть. Отворачивается съ чувствомъ непріязни, отвращенія и иногда говоритъ:

— Эхъ, няня-няня. Оттого вы больны, что вамъ не даютъ высказать противъ людей всю свою ненависть. И никогда не выскажете. У васъ ее такой запасъ—до могилы хватить, да и въ нее унесете.

Авдотья хлопаетъ глазами. Признакъ, когда она силится понять и не понимаетъ. Въ другое время вѣки ея глазъ почти неподвижны.

Потомъ съ видомъ мученицы—опомнитесь-де, молъ, что вы говорите?!—покачаетъ головой и скажетъ:

— Это што такое?

Жутко старикамъ отъ этой злой, неукротимой силы и хочется отдохнуть на чемънибудь свѣтломъ.

Справляются о времени. Потомъ, ктонибудь бросить:

— Что-то барыня долго не идетъ.

— Придетъ, милая. Такая о насъ не забудетъ! Няня не утерпитъ:

— Это што такое? Ужъ очень вы о ней... Гребетъ за васъ денежки, вотъ и помнить.

Старики точно и не слышали: ладятъ свое, какъ добра барыня, какъ внимательна, какъ заботится о своихъ больныхъ.

Кривляются, дергаются губы няни. Острый ножъ для нее, когда когонибудь хвалятъ, а барыню въ особенности. На лицѣ гадкая-гадкая улыбка.

— Тоже... нашли ангела... изъ подъ мельницы! Если бы все-то рассказать...

Дѣлаетъ паузу. Смакуетъ. „Все“ Авдотья рассказываетъ, должно быть, нянямъ. Лукерья часто говоритъ, что если бы барыня знала, что о ней несетъ Авдотья, — Авдотьи давно бы здѣсь не было.

— Если бы все то рассказать, — насладившись, продолжаетъ няня: — знала я ее дѣвушкой... Или вотъ умиралъ въ прошломъ году докторъ... Ужъ на что бы лучше: его ученица. Она къ нему и явись... Боже ты мой, что тутъ было... А ужъ нельзя сказать: былъ человѣкъ, царствіе ему небесное. (Набожно крестится). Такъ, что онъ дѣлалъ? Топалъ ногами, кричалъ: Кто ты такая? Вонъ...

Няня недоговариваетъ, но циничное слово понятно всѣмъ.

Всѣ молчать молчаніемъ: грязное къ чистому не пристанетъ. Литераторъ смотритъ на няню: Гадина. Какая Гадина!

Онъ помнить, что, когда былъ живъ „хорошій человѣкъ“ — не было для няни худшаго человѣка, чѣмъ онъ: потому что, она была подъ его вѣдѣніемъ.

Умеръ онъ — заступила его мѣсто барыня, или, какъ ее зоветъ няня „докторица“, плохой человѣкъ сталъ хорошимъ, а хуже докторицы — она самый недобрый человѣкъ для няни изъ всего врачебнаго персонала больницы.

Уходитъ литераторъ изъ палаты. Бродитъ по коридору, по столовой, часто поглядываетъ на часы: ждетъ барыню.

Вотъ является фельдшеръ. Маленькая фигурка съ надменно-откинутой назадъ головой, съ узкими, невидимыми, но юркими глазами.

— Ассистентъ явился, — думаетъ съ улыбкой литераторъ, наблюдая, какъ этотъ маленькій человѣкъ чувствуетъ себя въ палатахъ безъ врачей: при нихъ онъ сокращается, но безъ нихъ — вѣроятно съ такимъ видомъ никогда не шествовалъ по больницѣ и самъ старшій врачъ.

До больныхъ фельдшеръ не особенно человѣколюбивъ. Исполняетъ машинообразно все, что ему прикажетъ врачъ; часто получаетъ нагоняи

за невыполненныя приказанія и робко извиняется: забылъ!

Но за то, гдѣ нужно показать и постоять за авторитетъ администраціи, хотя это въ большинствѣ случаевъ бываетъ и не у мѣста, маленькій человѣкъ великолѣпенъ: голосъ поднимается до мощнаго баса!

Больные, конечно, его порабливаютъ, недолюбливаютъ и, молчать.

Въ схваткахъ съ няньками онъ менѣе счастливъ.

Видитъ „заботливый“ глазъ упущенія и покрикиваетъ во всю: онъ здѣсь первая спица въ колесницѣ! Идетъ включительно до внушеній, что если такъ относиться къ своимъ обязанностямъ, то не нужно и служить.

Няни его не боятся, но не грубятъ: покричить, покричить—таковъ же будетъ.

Кромѣ Авдотьи. Эта ужъ не уступитъ ему ни одного слова. Бѣсятся до розовыхъ пятенъ на напряженно поблѣднѣвшемъ лицѣ, напеминаетъ, конечно, другими словами: врачу — исцѣлися самъ.

Онъ пасуетъ. А она ходитъ весь день съ гордостью: „Отчитала! Не лѣзь. Я не кто нибудь, я старшая няня. Жить 15 лѣтъ и допустить, чтобы какой нибудь фершалишка помыкалъ? Ну, нѣтъ; погодишь!“

Девять часовъ утра.

Въ дни операцій женщина-врачъ является и раньше.

По палатамъ проносится вѣсть:

— Барыня идетъ.

Всѣ подбадриваются. Оживляются. Въ катарачной—облегченно вздыхаютъ.

Походка у барыни—походка вѣчно спѣшащаго человѣка: половина фигуры наклонена впередъ.

Литераторъ смотритъ и думаетъ:

— Да, эта женщина не думаетъ о красивыхъ позахъ. Некогда. Надо дѣло дѣлать,—вотъ что гнетъ половину прекрасной фигуры.

Съ ея появленіемъ въ палатахъ точно прибавляется больше свѣта, радости, тепла. Желтые, замызганные халаты—и тѣ даже веселѣе кажутся. Всѣ больные, которые хоть немного видятъ, привѣтствуютъ барыню почтительными поклонами—всѣмъ она отвѣчаетъ глубоко—радушнымъ наклономъ головы и тихимъ движеніемъ губъ: чувствуетъ женщина неподдѣльность чувствъ и, съ сознаниемъ, что выше этой награды ничего не можетъ быть, чутко слѣдитъ, чтобы никто не былъ обиженъ ея вниманіемъ.

Дежурная няня подноситъ ей халатъ. Она одѣваетъ и смотритъ на больныхъ: большимъ—большимъ раздумьемъ—неугасимая забота, какъ свѣтлая свѣча, свѣтится въ ея глазахъ.

Егорушка считаетъ своимъ долгомъ явиться на

лицо. Стоитъ бутузъ передъ барыней, чуть-чуть повыше ея колѣнъ и, смѣло чеканить:

— Здластуй, балыня!

Иногда она сразу и не пойметъ: откуда такой звукъ? Смотритъ съ недоумѣніемъ по сторонамъ.

Но Егорушка не таковъ: скоро не смутится. Ему во что бы то ни стало надо услышать голосъ барыни. Вторично свидѣтельствуемъ свое почтеніе:

— Здластуй, балыня!

Она его замѣчаетъ. Улыбается:

— Здравствуй, Егорушка, здравствуй!

Егорушка уходитъ: удовлетворенъ безъ мѣры! Рожица серьезна на диво: съ какойнибудь неумѣстной шуткой, пустымъ словомъ—не подходитъ. Принесло маленькое сердце дань изъ своихъ лучшихъ чувствъ и уходитъ счастливое, упиваясь сознаніемъ, что и ему платятъ тѣмъ же.

Авдотья стоитъ у входа въ свою палату и возвѣщаетъ своимъ жертвамъ:

— Больные, выходите.

Надобности въ этомъ возвѣщеніи нѣтъ: всѣ знаютъ, что барыня пришла, многіе уже и вышли.

Но... надо же Авдотѣ показать, что бы „докторница“ слышала, что она своихъ обязанностей не забываетъ.

Голосокъ у ней въ это время райскій. Барыня иногда точно этого и не замѣчаетъ. Иногда не удержится и взглянетъ: если бы Авдотья была

поумнѣе, она поняла бы, что никогда не вернуть ей симпатій докторицы.

Въ сопровожденіи нянекъ и фельдшера барыня идетъ дѣлать обходъ тѣхъ оперированныхъ, которые еще должны лежать.

Остальные изъ всѣхъ трехъ палатъ собираются въ среднюю.

Конченъ обходъ.

Передъ окномъ табуретка. Становится барыня за эту табуретку, съ правой стороны фельдшеръ и няня, столъ съ медикаментами—на двѣ-на три секунды остановить взглядъ на шеренгѣ въ желтыхъ халатахъ.

Молодежи мало: на шесть-семь старцевъ одинъ. Зорокъ глазъ барыни: больныхъ въ общемъ челоуѣкъ до 30, а она сразу замѣтитъ:

— Авдотья, а почему нѣтъ такого-то?

Молодежь легкомыслена: забудетъ какогонибудь старца въ палатѣ. А иногда и жестока: оставитъ затѣмъ, чтобы насладиться, когда Авдотья влетитъ нагоняй.

Авдотья не сразу тронется съ мѣста: пока покосится на молодежь—почему, молъ, не вывели?—а Дениска уже мчится въ палату.

Знаетъ барыня эти взгляды, до мелочей изучила и, рѣзко звучить ея голосъ:

— Сколько разъ я вамъ говорила: не больные здѣсь для вашихъ услугъ, а вы для больныхъ! Ваша обязанность водить слѣпыхъ!

Авдотья идетъ. На Дениску зыкнетъ, несчаст-

наго, забытаго слѣпца грубо схватить за рукавъ и шипить:

— Это што такое? Всѣ вышли, а ты еще спишь? Ты спишь, а тамъ за тебя выговоры получай.

Но при выходѣ изъ палаты, когда она уже на глазахъ „докторницы“, Авдотья мѣняетъ тонъ:

— Не сюда, не сюда, дѣдушка. Иди за мной. Это што такое: ты сюда, а онъ туда.

Всѣми силами старается показать передъ врачемъ добрую душу.

Докторница взглянетъ ей на лицо: на немъ злоба, что ей все таки приходится подчиняться; посмотритъ на то, какъ она волочетъ больного: съ такой ненавистью и отвращеніемъ держится няня концами пальцевъ за рукавъ халата, точно—это падала, отравляющая ей жизнь,—посмотритъ докторица и, голова устало наклонится на моментъ внизъ, лицо поблѣднѣетъ: кажется, что сейчасъ потеряетъ самообладаніе.

Нѣтъ: выдержать. Черпаетъ силу въ своемъ дѣлѣ: принимается за осмотръ.

Егорушкѣ почетъ. Знаетъ, шельмецъ, что любить его барыня за то, что на операціяхъ держитъ себя рыцаремъ, не пугается, не кричитъ; развѣ иногда, если ужъ неможготу, скажетъ: „Ой, тосно, балыня!“

Знаетъ это, шельмецъ, и лѣзетъ на осмотръ всегда первымъ.

Какъ на операціяхъ, такъ и на осмотрѣ Егорушка держитъ себя молодцомъ: куда прикажутъ

глазами смотрѣть,—ужъ не запнется. Отпустить его барыня съ улыбкой: довольна бутузомъ. За Егорушкой почетъ наиболѣе дряхлымъ старцамъ.

Мягко звучитъ голосъ женщины-врача:

— Пожалуйте.

Лукерья усаживаетъ больного на табуретъ, придерживаетъ ему голову сзади.

Тономъ не приказанія, а просьбы звучатъ слова:

— Направо. Налѣво. Вверхъ. Внизъ. На меня.

Со стариками бѣда. Пока-то онъ на табуретъ сядетъ, пока-то наладится двигать глазами.

Много такихъ, которые совершенно не могутъ дать обстоятельнаго изслѣдованія теченія болѣзни. Его просятъ смотрѣть вверхъ, онъ упорно пучитъ глаза внизъ, ему говорятъ „направо“, онъ—налѣво.

Терпѣніемъ вибрируетъ голосъ барыни:

— Дѣдушка, ну, вверхъ! Смотрите на потолокъ. Неужели вы не можете? Мнѣ такъ не видно вашего глаза.

Или:

— Дѣдушка, направо. Направо, я васъ прошу. Неужели вы не знаете, гдѣ правая сторона?

Иногда бьется долго. Прибѣгнетъ къ помощи фельдшера:

— Скажите ему.

Фельдшеръ вѣжательно—строгимъ баскомъ покрикиваетъ и щелкаетъ пальцами:

— Вверхъ. Смотри вверхъ! Не туда смотришь!

И сейчасъ-же поправится: женщина-врачъ обращается ко всѣмъ „на вы“.

— Вверхъ. Смотрите вверхъ. Смотрите туда, гдѣ я щелкаю. Слышите?

Иногда и „щелканье“ не помогаетъ. Барыня въ отчаяніи—отворачивается къ окну и устало у ней вырывается:

— Я такъ не могу. Я брошу его осматривать.

Но пройдетъ полминуты, минута—вновь набралась силъ. Просить ласково. Чуть не умоляетъ. Знаетъ, что, если лаской не поможешь, грубымъ окрикомъ совсѣмъ запугаешь.

Больные негодуютъ—стоятъ и шепчутся:

— Вотъ, чортовъ пень.

— Дуракъ.

— Да бросить бы его. Чего она съ нимъ бьется.

Надъ такимъ „пнемъ“ потомъ издѣваются. Внушаютъ ему, что онъ не одинъ. Учатъ, какъ надо смотрѣть.

Авдотья стоитъ и злорадно улыбается: изъ такихъ „пней“ она черпаетъ убѣжденіе, что недаромъ она ненавидитъ больныхъ, а во вторыхъ—рада, что „докторница“ мучается.

Но добьется барыня своего: осмотритъ больного.

Отпустить, облегченно вздохнетъ и, слѣдовъ усталости, приподнятыхъ нервъ, какъ не бывало.

Авдотья стоитъ въ сторонѣ. Занята Анна, за-

нята Луша, а она—старшая нянька больницы,—въ сторонѣ. Старшей она себя считаетъ не потому, что существуетъ такое отличіе, а потому, что живетъ—больше всѣхъ.

Въ глубинѣ души у ней давно сложилась уверенность, что, какъ старшая няня, она и не должна ничего дѣлать: ея дѣло—уже приказывать бы, наблюдать. И раньше она такъ и поступала: стоитъ гдѣ нибудь въ сторонкѣ, сама ни до чего не касается, но зато, если другія няньки что нибудь по ея мнѣнію сдѣлали не такъ, смотритъ имъ въ глаза весьма выразительно: „эка, дура!“—и качаетъ презрительно головой.

Но „докторница“ такую роль не одобряла; потребовала дѣло и отъ „старшей няни“. И, долгую, должно быть, борьбу пришлось вести женщинѣ,—врачу, чтобы дойти до мысли: лучше отказаться отъ услугъ такой няни, чѣмъ ихъ видѣть.

Она стала дѣлать видъ, что Авдотья ей не нужна; старалась обходиться услугами двухъ нянь и фельдшера.

Авдотья поняла и въ ея сознаніи произошла перемѣна: какъ гнушаться ея услугами, услугами старшей няни?! Стоитъ она въ сторонѣ—лицо искажено злобой, красныя пятна то выступаютъ, то исчезаютъ на смертельно-блѣдной кожѣ, губы—страшная, едва замѣтная линія, глаза когда барыня наклонена надъ больнымъ, съ ненавистью впииваются въ нее.

Подниметъ барыня голову—взглядъ ея на Ав-

дотью—взглядъ на пустое мѣсто; Авдотья опуститъ свои глаза внизъ, лицо: она мученица! Чѣмъ она заслужила такое отношеніе?

Такъ пройдетъ полчаса, иногда даже болѣе.

Не выдержитъ-ли Авдотья этого позорнаго положенія, или струситъ, какъ бы ея опасенія не оправдались: „Что жъ она меня такимъ манеромъ выжить думаетъ? 15 лѣтъ служу, сколькихъ докторовъ перевидала, а эта, —безъ году недѣлю здѣсь— и что дѣлаетъ?“—не выдержитъ и старается влѣзть въ общую работу.

Воспользуется случаемъ, когда Луша своихъ „молоденькихъ“, уже побывавшихъ на осмотрѣ, потянетъ въ свою палату—и встанетъ на ея мѣсто. Луша буксиритъ старцевъ съ веселымъ видомъ. Ее не тяготятъ эти старые слѣпые и глухіе, нигдѣ она о нихъ не забываетъ: на осмотрѣ старается пропихнуть поскорѣе.

Аннѣ въ сущности все равно, кто позже, кто поскорѣе, но усердіе Луши ей не нравится и она ее шпигуетъ замѣчаніями:

— Чего ты не въ очередь пихаешь своихъ?

Луша отмалчивается; знаетъ свое: старичковъ нужно освободить поскорѣе! Молодежь постоитъ, а ея „молоденькимъ“ это не легко.

Отвела Луша своихъ старцевъ, встаетъ на мѣсто Авдотьи и смотритъ, какъ она за нее управляется. Старшая няня свирѣпствуетъ. Старцу помогаетъ сѣсть на табуретъ — чуть не свалить. Голову начнетъ держать—держитъ такъ, точно вотъ вотъ

будетъ вертѣть на сторону. Упаси Богъ, если очередной больной чуть замедлитъ.

Барыня крѣпится-крѣпится да не выдержитъ. Сыплются на Авдотью замѣчанія:

— Нельзя-ли сажать потише!

— Зачѣмъ вы больному голову давите?

— Не рвите... Не рвите такъ грубо за рукава халатовъ!

Авдотья прежде огрызается:

— Я и не рву. Какъ же ихъ еще сажать-то?

И качаетъ головой: за что на нее нападаютъ?

Въ глазахъ барыни начинаютъ вспыхивать острые огоньки; смотритъ она на Авдотью, когда дѣлаетъ ей выговоры, уже въ упоръ: голосъ начинается звенѣть. Авдотья пасуетъ: отмалчивается. Но если она въ силахъ держать языкъ за зубами, то совершенно не въ ея власти обуздать свою злобу: нѣтъ-нѣтъ, когонибудь да и рванетъ.

Видитъ барыня, что такъ спокойно работать нельзя: устраняетъ Авдотью, Луша становится на ея мѣсто.

Стоитъ Авдотья. Дѣло спокойное. Подъ стать старшей няни. Когда то она чувствовала себя довольной въ этой роли: изрѣдка подать кусочекъ марли, пропитанной іодоформомъ. Тогда пріятно было такъ стоять, всѣ чувствовали въ этомъ почетъ, а теперь—лица всѣхъ больныхъ расцвѣли, довольны безъ мѣры, радуется фельдшеръ, лукаво посматриваетъ Луша и, даже въ глазахъ

собственной племянницы читается: такъ тебя и надо!

Стоить Авдотья. Стоитъ съ видомъ мученицы. Фигура, лица—вся застыла въ злобѣ, въ ненависти, слегка движутся одни только невидимыя губы.

Анна послѣ осмотра будетъ всѣхъ увѣрять:

— До крови раскусала!

Зато барыня спокойна. Безъ Авдотьи дѣло ладится.

Шеренга желтыхъ халатовъ таетъ безъ услугъ „старшей няни“ быстрѣе.

До литератора очередь еще долга. Въ сторонѣ кучка молодежи, тоже въ ожиданіи очереди—онъ стоитъ за ними и наблюдаетъ за барыней.

Она стройна и на рѣдкость красива. При первомъ взглядѣ—ослѣпляетъ.

Она работаетъ молча и сосредоточенно, но лицо и глаза говорить, отражаютъ ходъ мыслей и чувствъ.

Вотъ дрогнулъ кончикъ изящнаго носа, гордый, обаятельно затѣненный волосами лобъ, чуть наморщился, нахмурились темныя брови, глаза вспыхнули—синіе-синіе и глубокіе, какъ море: все это значитъ, что теченіе болѣзни осложняется, надо надъ этимъ хорошенько подумать.

Сѣлъ на табуретъ другой больной.

Этотъ радуется. Хмурь съ лица исчезла. Прекрасные лучистые глаза ясны, какъ лазурь неба.

Видитъ литераторъ, какъ чутки къ боли пальцы

барыни, когда она касается глазъ; припоминаетъ—въ какихъ отвратительно-гнойныхъ болѣзняхъ подъ конецъ осмотра копаются эти пальцы съ любовью, со страданіемъ и думаетъ, что эта женщина проживетъ не напрасно:

— Она дѣлаетъ дѣло. Огромное, великое дѣло, Это не то, что говорящіе безъ умолку о благе человѣчества „барыньки“.

Подъ конецъ осмотра барыня устаетъ. Вдругъ ея фигура выпрямляется, голова чуть-чуть откинута назадъ; въ такомъ положеніи пробудетъ съ минуту. Смотритъ на больныхъ: тутъ не только великое сознаніе отвѣтственности, тутъ уже нѣчто большее: величавый экстазъ творчества.

У литератора дрожь восторга.

Вотъ доходитъ очередь и до него.

Изящнымъ, ласковымъ жестомъ барыня указываетъ ему на табуретъ и, какъ музыка, входитъ въ литератора звукъ:

— Пожалуйте.

Онъ приближается и садится осторожно и почтительно. Она не знаетъ его истинной профессіи. Въ исторіи болѣзни подъ рубрикой „родъ занятій“ онъ записался ремесленникомъ: „токарь“.

Своими глубокими, прекрасно-лучистыми глазами она заглядываетъ въ его больной глазъ и, когда говоритъ: „Пожалуйста, направо. Налѣво. Вверхъ. Внизъ“—тонъ у нея другой, чѣмъ обыкновенно. Звучитъ суше, серьезнѣе.

Съ иными дѣдушками иначе обращаться и

нельзя, какъ съ малыми дѣтьми. Обласкай,—чего надо и добьешься; будь чуть посерьезнѣе, подѣловитѣе, растеряется, смутится старецъ и нужнаго отъ него не вывѣдаешь.

Съ литераторомъ у барыни иная статья. Видитъ она въ немъ человѣка сознательнаго. Этотъ понимаетъ, что „ублажать“ всѣхъ при массѣ работы и времени не хватить.

Когда конченъ осмотръ—барыня заключаетъ:

— Великолѣпно! Очень хорошо у васъ идетъ. Говоритъ это она и дѣдушкамъ, но имъ больше для успокоенія, съ литераторомъ она дѣлится улучшеніемъ въ болѣзни тѣмъ тономъ радости и довѣрія, что этотъ человѣкъ можетъ уразумѣть, что значить удовлетвореніе въ любимомъ дѣлѣ.

Литераторъ чувствуетъ это и думаетъ, что, если бы тутъ никого не было, онъ у этой женщины поцѣловалъ бы руку: молча! Поцѣловалъ бы и пошелъ. Какъ эстетъ, онъ полагаетъ, что истинное поклоненіе и благодарность должны воздаваться въ тишинѣ и тайнѣ.

Иные изъ прозрѣвшихъ старцевъ дѣлаютъ это проще: становятся передъ барыней на колѣни и при всѣхъ благодарятъ и за любовь и за ласку, и за помощь. За литераторомъ еще десятка два больныхъ. Онъ идетъ въ свою палату, но и оттуда, выбравъ такой укромный уголокъ, гдѣ бы его барыня не могла видѣть, наблюдаетъ за ней.

Наконецъ, приемъ конченъ. Барыня моментально

улетучивается въ амбулаторію: тамъ еще больше дѣла. За ней исчезаетъ и фельдшеръ.

Литераторъ тоскливо вздыхаетъ: ушла! И кочится на больничную обстановку: все ему кажется здѣсь безъ этой женщины нестерпимо хмуро и сѣро.

Лукерья и Анна убираютъ на свое мѣсто инструменты, лекарства. Авдотья отъ пережитой злобы, какъ говорится, съ креста снята: смертельно блѣдная и на ногахъ еле-еле держится. Чтобы помочь нянямъ—ей ужъ не до этого: идетъ отлеживаться въ отведенное для нянекъ помѣщеніе. Въ церковной палатѣ мертвая тишина. Иные молоденькіе спятъ, иные уже и забыли, гдѣ они, что съ ними?

И это бываетъ.

Въ средней и катарачной толкуютъ: кого и чѣмъ сегодня барыня порадовала и огорчила.

У нѣкоторыхъ до того умиленные и восторженные лица, точно они видятъ свѣтлое видѣніе. Для особенно вѣрующихъ барыня послѣ Бога второе лицо, а для тѣхъ, которые въ вѣрѣ слабы, она божество:

— Вся жизнь въ ея рукахъ: вылечить—поживешь, нѣтъ—и головы не приложишь, какъ будешь на свѣтѣ маяться.

Жизнь сурова. Заставляетъ учиться, знать.

Многихъ изъ этихъ людей жизнь заставила притти въ больницу съ такими опредѣленіями глазного врача: „озерокъ, зенки“.

Тутъ они не только учатся правильно называть зрачокъ—полотеры, мужички, никогда до этого не видавшіе столичнаго города, дворники и пастихи, рабочіе сыплятъ терминами: „катаракта, трахома, іерить, редакторія, эципировка“. Слушаетъ литераторъ. Встаютъ передъ нимъ фабрики, деревни, проселочныя дороги, столичные города и уѣздные закоулки—по всей Руси ежегодно сотни людей будутъ благословлять образъ прекрасной женщины.

Слушаетъ литераторъ и думаетъ, что это не эфемерная слава знаменитаго пѣвца, артиста.

За разговорами о барынѣ время у больныхъ летитъ. Въ столовой гремятъ ложками, тарелками.

Въ средней и церковной палатѣ довольны:

— Ну, вотъ и обѣда дождались!

Въ катарачной и покушать уже хотять, да не радуются:

— Эхъ, Господи! Опять грызть будетъ. Какая ужъ тутъ ѣда. Кусокъ въ горлѣ становится, когда она язвить.

Идетъ паломничество изъ трехъ палатъ въ столовую. Лукерья наиболѣе „молоденькимъ“ не прочь подать обѣдъ и въ палату, но они хотять непременно обѣдать „вмѣстѣ съ нянюшкой“.

Скрипятъ старыя развалины, того и гляди, какъ бы грѣхъ не случился: упадетъ и разсыплется я. Но, однако, двигаются:

— Веселѣе съ ней.

Шумно усаживаются за столъ больные Анны.

Катарачные тише воды, ниже травы. Молодежь, правда, пробуетъ храбриться, но робко и искоса. не забываетъ посматривать на свою няню. Старики жалки и смѣшны: такъ усаживаются на скамьи за столъ, точно хотять, чтобы ихъ не видѣли и не слышали,—это при слѣпотѣ-то!..

Авдотья у стола, какъ монументъ: ждетъ, когда Анна и Лукерья принесутъ съ кухни щи и кашу. По правилу и она должна ходить, но она считаетъ, что свое время отходила.

Являются „младшія“ няни. Одна вновь бѣжитъ на кухню, другая разливаетъ на оба стола. Слышать катарачные, какъ тамъ просятъ:

— Мнѣ, няня, побольше. Прибавь-ка чуточку!

Другіе недовольны:

— Очень много. Не съѣмъ!

У Авдотьи такихъ поблажекъ не водится. Она сама знаетъ—сколько кому дать.

При полномъ молчаніи всѣхъ своихъ больныхъ она прежде грубо побросаетъ на тарелки по куску мяса.

Не видятъ старцы ни кусковъ, ни Авдотьи, но то, какъ шлепаются эти куски, заставляетъ ихъ вздрагивать, сжиматься.

Потомъ начинаетъ разливать. Ни у кого не поднимается рука протянуть ей тарелку. Протянешь—виновать:

— Чего лѣзешь? Не знаю, когда дать?

И ждешь—тоже:

— Заснулъ? Это што такое. Дай только Богъ терпѣнія!

Молодежь приносить себя въ жертву старикамъ: усаживается поближе къ Авдотѣ, старцы въ дальнемъ концѣ, къ углу ближе, гдѣ довольно темно.

Волей-неволей приходится молодежи по командѣ Авдотьи подавать ей тарелки, передавать ихъ по очереди на конецъ стола.

Молодой фабричный рабочій—Курановъ, 17 лѣтній Саянка, Дениска—изъ всѣхъ силъ стараются угодить своей нянѣ—и не могутъ:

— Развѣ такъ подаютъ? Человѣкъ... Какъ будешь жизнь-то жить?

— А ты? ей ты? Что разлилъ! Глазъ-то нѣтъ. Свинья! Подтирай за ними. Въ хлѣбѣ вамъ быть, а не съ людьми.

Разлиываетъ она тоже рывкомъ да кидкомъ и, если иногда плеснетъ мимо тарелки—это тоже пойдетъ въ счетъ пролитаго „свиньями“.

Молчать. Всѣ молчать. Егорушку не скоро и замѣтишь: сжался между стариками, голова изъ подъ уровня стола торчитъ лишь волосами. У Егорушки лицо запуганное, недоумѣвающее: если онъ боится Авдотьи—такъ онъ маленькій, а почему взрослые?

И должно быть, Авдотья ему рисуется такимъ грознымъ и всемогущимъ существомъ, противъ котораго бороться и думать нечего—его возможно только умиловить.

Знаетъ Егорушка, какъ жадна нянька на пищу больнымъ; знаетъ, что въ его тарелкѣ будетъ щами покрыто лишь дно,—этого ему недостаточно, но что за бѣда, какъ истинный мужичекъ онъ послѣ обѣда пожуетъ хлѣбушка, и, когда доходить очередь до него, онъ пускается на хитрость—просить нѣжно и умоляюще:

— Няня, мнѣ супу совсѣмъ-совсѣмъ немнозечко! Такъ чуть-чуть!

— У Авдотьи на лицѣ легкое движеніе—сухая-сухая и ядовитая гримаса:

— Не учи. Безъ тебя знаю, сколько надо. Влей тебѣ и побольше—очистишь.

Разлиты щи. Принимаются катарачные ѣсть.

Является литераторъ. Его тарелка около Авдотьи и, съ самаго начала обѣда является для нее наиболѣе ненавистнымъ предметомъ.

Иногда помолчать. Иногда и не вытерпѣть:

— Это што такое? Какое распущеніе. Жди его.

Литераторъ нервнѣе, угрюмѣе. Не ходилъ бы онъ на такіе обѣды и совсѣмъ, если бы у него было на что питаться помимо больничнаго содержанія.

Онъ садится съ мыслью не взвинчивать себя: вѣдь, все равно ничего не измѣнишь. Но невольно видитъ и замѣчаетъ все то, что видятъ и замѣчаютъ всѣ.

Вотъ миска съ мясомъ: на десять человѣкъ. Авдотья выложила только половину, а остальное—сама покушаетъ сколько можетъ, а остатокъ пойдетъ замужней дочери. Всѣ видятъ, какъ эта

дочь является къ маменькѣ и уходитъ нагруженная уломъ. Тутъ мясо отнятое у больныхъ за обѣдами—отъ каждой порціи по кусочку; тутъ цѣлыя порціи—это отъ тѣхъ, кому дѣлалась операція. Въ этотъ день присвоить порцію и самъ Богъ велѣлъ—всѣ няньки такъ дѣлаютъ: больному ѣсть не полагается. Но Авдотья находитъ, что оперированному не надо ѣсть мяса и на другой и на третій день. Если больной покладистый, дѣлаешь видъ, что вѣрить ей, что мясо еще не время ѣсть, она обхаживаетъ его на порціи ласково: „Для твоей же пользы говорю. Помѣй хоть ѣшь, да тебѣ же, вѣдь, худо-то будетъ.“ Но если попадется изъ такихъ, который желаетъ кушать свою порцію мяса не только на третій, но и на второй день—много злобы выльется на голову такого смѣльчака.

Въ пользу дочери же Авдотья ловить у оперированныхъ и порціи ситнаго.

Литераторъ смотритъ на миску съ мясомъ. Авдотья вдругъ спохватывается: прячетъ миску въ шкафъ для бѣлья, который стоитъ тутъ же въ столовой. Кто бы другой посмотрѣлъ—она бы и глазомъ не повела; а этого боится: пожалуй, и донесетъ. Эта боязнь заставляетъ ее и мяса ему больше дать, и щей и каши—старается умиловить точно такъ же, какъ ее Егорушка.

Но, должно быть, литераторъ очень ужъ не благодарный человѣкъ: всѣхъ этихъ преимуществъ онъ точно не замѣчаетъ, а за ней слѣдить.

Не можетъ она за обѣдомъ равнодушно выносить его взглядовъ.

Съ появленіемъ литератора катарачные чувствуютъ себя немного пободрѣе; знаютъ, что она при немъ помягче, а если зарвется, онъ осадитъ. Литератору жаль этихъ мучениковъ: пришиблены до крайности. Начинаетъ шутить съ Дениской, Санькой, Егорушкой. Натравить ихъ другъ-на-друга, вклеить въ это тріо и Куранова. Бранится молодежь довольно энергично, зло. Егорушка великолѣпнень: пышетъ такимъ гнѣвомъ, что трудно удержаться отъ смѣха. То у него кто-то хлѣбъ стащилъ, то въ тарелку корку хлѣба бросили. Визжитъ на всю столовую:

— Да вѣдь,—это-же плямое безобразіе!

Это уже онъ выудилъ изъ лексикона литератора. Ругается молодежь, но глаза говорятъ иное: эти тяжелыя минуты закрѣпляютъ ихъ дружбу.

Благодарно улыбаются старцы: спасибо Михаилу! Всѣ, включительно до маленькаго бутуза, понимаютъ, что этотъ шумъ устраивается съ цѣлью: чтобы не давило молчаніе, не такъ больно рѣзала Авдотья.

Она качаетъ головой:

— Это што такое? Какъ въ кабакѣ. А если старшій врачъ навернется,—кто будетъ въ отвѣтъ?

Литераторъ наматываетъ ей на усъ:

— За это отвѣчать не придется, а за что-нибудь другое, когда-нибудь и попросятъ къ отвѣту.

Позеленѣтъ няня, но промолчить: она выше всякихъ подозрѣній!

Лукерья и Анна столбами у своихъ столовъ не торчатъ: въ свободную минуту присаживаются къ больнымъ.

Авдотья никогда себя до этого не допускаетъ.

Литераторъ думаетъ, что не въ этомъ-ли разгадка того, что она упорно поить своихъ больныхъ чаемъ не въ столовой, а въ палатѣ. Тамъ у ней отдѣльный столъ, здѣсь она будетъ вынуждена сѣсть на одну скамью съ больными: стоя пить чай не совсѣмъ удобно, да и тянется онъ много больше обѣда.

Думаетъ литераторъ и пытается:

— Вы, няня, присѣли-бы. Въ ногахъ, говорятъ, правды нѣтъ. Вонъ Лукерья и Анна куда моложе васъ—а зря не утруждаютъ себя. Чего вы стоите, когда къ этому нѣтъ надобности.

Авдотья молчитъ. Только лицо чуть дрогнетъ сухой и ядовитой гримасой, да жадно блуждаютъ глаза, кого бы ей осадить? Поводовъ у ней къ этому не мало.

Кто раньше сѣлъ тарелку щей и, потянувшись за кашей—держаетъ на это только молодѣжь, осмѣлѣвшая при литераторѣ, — нельзя Авдотѣ обойтись безъ внушеній:

— Поторопился. Какъ на пожаръ. Что, очереди не знаешь? Жди! Видно, ѣсть то мужичекъ, а работать-то мальчикъ.

Старики не забываются: сѣсть старецъ щи и ждать, когда наступитъ очередь каши.

Авдотья и этого не проглядитъ:

— Хорошъ старичокъ: кушать-то молодого угонить. Это што такое?

Качаетъ головой съ видомъ наивысшаго удивленія.

И это качаніе головы и непередаваемо-злая иронія въ тонѣ—убійственно дѣйствуетъ на самую крѣпкую натуру.

Какая-то чудовищно-злая власть, которая способна принизить человѣка до того, что ему стыдно за то, что онъ долженъ ѣсть.

Литераторъ иногда промолчить, иногда теряетъ самообладаніе. Голосъ напряженъ, звенитъ:

— Вы не очень-то, милостивая государыня! Сколько разъ я вамъ говорилъ—и опять говорю: я буду жаловаться врачу. Всѣ мы люди, а не безплотные ангелы. Всѣ должны ѣсть. И не вамъ упрекать людей: ѣдите вы больше, чѣмъ больные. Ыдите за счетъ больныхъ. Стыдитесь!

У Авдотьи—красныя пятна. И злобно—недоумѣвающіе глаза:

— А я тебѣ тоже сколько разъ говорила: я тебя не трогаю,—не трогай и ты меня. Чего тебѣ отъ меня надо? Да и что я такое сдѣлала? Слова сказать нельзя. Какіе анералы, подумаешь.

Помолчить—и уже съ видомъ мученицы и съ крестнымъ знаменіемъ.

— Вотъ передъ Богомъ говорю: тыщи боль-

ныхъ видала, а такъ ни одинъ не обижалъ, неизмывался.

Обѣдъ отравленъ окончательно.

Вновь всѣ подавлены, растеряны.

Авдотья чувствуетъ себя побѣдительницей и добиваетъ:

— Жуютъ... Это што такое? Ужъ этотъ не человѣкъ, не работникъ, который такъ ѣсть. Долго я буду дожидаться?

Молодежь спѣшить. Старцы низко нагибаются надъ тарелками. Иной слѣпецъ изъ боязни не налить на столъ—вымочить не только усы и бороду, но вымараетъ въ щажъ и повязку надъ глазомъ.

Къ усамъ и бородѣ Авдотья равнодушна; качаетъ лишь головой и ядовито улыбается, но повязку—не стерпеть:

— Это што такое? Хуже свињи. Ёсть, а повязка въ тарелкѣ.

Молчить литераторъ. Виножникъ не помышляетъ объ оправданіяхъ, что онъ не видитъ—тономъ забитаго, запуганнаго человѣка умоляюще просить:

— Нянюшка, прости! И самъ не знаю, какъ вышло. Поторопился, вотъ и бѣда.

— Поторопился? Что же у тебя рожа-то изъ дубовой коры? Не чувствуешь, что обливаешься?

За щами вторая попытка: каша—размазня.

За 15 лѣтъ пребыванія на мѣстѣ няни—Авдотья не научилась сдѣлать самой простой перевязки;

когда больному прикажутъ измѣрить температуру, она кого нибудь изъ нянекъ или изъ больныхъ спрашиваетъ; „Сколько?“

Тайна термометра для нее непостижима.

За то въ томъ, какъ надѣлать больныхъ кашей безъ масла, въ этомъ Авдотью превзойти трудно.

Смотрятъ съ завистью на посуду съ кашей Дениска, Санька, Курановъ—смотреть и обливаются.

Вкусно пахнетъ масломъ. На всѣхъ его хватить, чтобы сдобрить размазню, еслибы не Адотья: все масло сгонить къ стѣнкамъ посуды, окружить его вокругъ размазни кольцомъ, чтобы не расплывалась туда, куда ему плыть не слѣдуетъ.

Перемѣшавъ такимъ образомъ изъ середины кастрюли она начинаетъ надѣлать: быстро и грубо, шлепается на тарелки размазня. Нѣтъ въ это время у „старшей няни“ того медленнаго, не спѣшащаго величія, съ какимъ разливаются щи. Щи никуда не стекутъ, предательское масло, какъ разъ подведетъ!

Гонить изо всѣхъ силъ молодежь:

— Ну, давай тарелки! Чего спите?

Молодежь подаетъ. Покорно. Обезкураженная наглостью.

Литераторъ смотритъ съ ненавистью на Авдотью и съ сожалѣніемъ на больныхъ.

Они жуютъ размазню съ отвращеніемъ: безъ

масла, она горчитъ. Они не прочь бы отказаться отъ такой каши и попросить еще щей.

Пользуясь минутой, когда Авдотья съ довольнымъ видомъ тащить прятать въ шкафъ посуду съ кашей—они шепчутся:

— Какъ умѣть дѣлать: масломъ даже и не пахнетъ.

— А щей то сколько осталось? Съѣлъ бы лучше щецъ, чѣмъ это.

Литераторъ заглядываетъ въ посуду со щами: иногда не розлито и половины.

И предлагаетъ:

— Чего же вы молчите? Щей дала вамъ по двѣ ложки, размазни по ложкѣ. Масло хоть сама сожреть, а щи то, вѣдь, въ помойное ведро пойдутъ. Хотите, я сейчасъ приведу старшаго врача?

Всѣ молчатъ. Развѣ только иногда какой нибудь старецъ скажетъ:

— Богъ съ ней. Богу отвѣтитъ. А отъ врача—шуму много будетъ, а пользы—какъ бы еще хуже не было. Богъ съ ней!

Литераторъ уходитъ въ палату. Авдотья подходитъ къ столу и косится на тарелку литератора:

— Баринъ. Размазни не можетъ кушать. Стало быть, еще не голоденъ. А какъ же „мы-то“ ѣдимъ? Больному что: онъ лежитъ, ничего не дѣлаетъ, ему изъ дому все тащутъ. А мы работаемъ. Намъ никто ничего не принесетъ. До обѣда то такъ натопаешься, что и этой размазнѣ рада!

Этимъ „мы“ Авдотья добиваетъ людей окончательно.

Всѣ дѣлаютъ видъ, что Авдотья въ недостаткѣ пищи не причемъ.

Обвиняютъ экономку и эконома:

— Въ карманъ себѣ тянуть.

И вспоминаютъ врача, который уже умеръ: вотъ былъ человѣкъ! Въ недѣлю два-три раза обязательно приходилъ пробовать пищу. Чуть чего нехватаетъ, или что плохо—сейчасъ экономку къ отвѣту. Тогда всего было много: и говядины, и щей, и каши—маслянѣй не надо!

Больные припоминаютъ врача, которому няня, когда рѣчь идетъ о барынѣ, осыпая себя крестнымъ знаменіемъ, желаетъ „Царствія Небеснаго“, какъ хорошему человѣку.

Но тутъ о барынѣ рѣчь молчить, а посему Авдотьи ядовитая улыбка и перемѣна мнѣнія:

— Это што такое? Тоже... нашли человѣка! Мнѣ лучше его знать, чѣмъ вамъ. Не въ свое дѣло онъ лѣзъ, вотъ что. Его дѣло палата съ больными, а не кухня. А онъ вездѣ свой носъ соваль.

Приподнимается у Авдотьи рука, складывается въ крестное знаменіе, но не для благого пожеланія:

— Прости меня Господи! Крутъ былъ покойникъ, не тѣмъ будь помянутъ. Обижалъ сильно!

Разговоры прерываются. Одни молча, черезъ силу, доѣдаютъ кашу. Не доѣшъ—Авдотья не упуститъ случая накинуться:

— Это што такое? То жалуются: все имъ мало.

А сами не сожрутъ и того, что дали. Глаза у васъ жадные!

Другіе доѣли и ждуть, когда можно будетъ выйти изъ-за стола.

Наконецъ, конченъ обѣдъ. Идутъ катарачные въ свою палату. Идутъ униженные, оскорбленные до той глубины, гдѣ нѣтъ ни гнѣва, ни злобы, а есть только безконечный стыдъ и отвращеніе. Идутъ и говорятъ:

— Если бы деньги въ карманѣ...

— Мало что... Не только бы говядину, да ситный—бери все, что полагается больному, только не рѣжь, не измывайся, не аспидничай.

Плохо бѣднякамъ.

Авдотья неистово гремитъ посудой и громить „свиной“: и налили, и накрошили, и жадны—куска чернаго хлѣба не оставляютъ!

Въ „черномъ хлѣбѣ“ всѣ няньки заинтересованы: собираютъ куски и продаютъ. Авдотья при своемъ умѣньи „рвать кусокъ изо рта“ пользуется, конечно, отъ этой статьи больше всѣхъ.

Попутно старшая няня отпускаетъ словечки и по адресу младшихъ нянь—Лукерьи и Анны: какое распушеніе—у нихъ еще обѣдъ не конченъ!

Няни точно не слышатъ. Зато больные невольно посматриваютъ на Авдотью и шепчутся:

— Вотъ баба...—Не дай Богъ!

— Какъ ужъ они ее терпятъ? Чего только не переносятъ?

— Не дай Богъ такую няню. Хуже лихого татарина.

Литераторъ послѣ обѣда бродитъ по всѣмъ угламъ угрюмый, подавленный: мѣста себѣ нигдѣ не найдетъ. Въ средней палатѣ стариковъ нѣтъ, юной молодежи тоже почти не бываетъ—большой частью люди лѣтъ подъ 40.

Тутъ послѣ обѣда любятъ соснуть. Иные просто поваляются. На катарачныхъ смотреть съ пріятнымъ сознаніемъ:

— У насъ спокойнѣй. Покой намъ наша нянька даетъ.

Въ церковной палатѣ Лукерья укладываетъ своихъ молоденькихъ „баушки-баю“.

И халатъ скинетъ, и подушку поправитъ, и подъ одеяло уложитъ.

Молоденькіе отъ нее прямо въ экстазѣ.

Свѣта Божьяго старыя хрычи не видятъ, а признанія сыплютъ такія, какими, вѣроятно, никогда не дарили своихъ избранницъ въ молодости:

— Лушенька, красавица! Ангелъ ты нашъ! Да до гробовой доски не забуду!

Лукерья отшучивается:

— Спите. Нечего стонать-то! Спите, а я вамъ пѣсенку на сонъ спою.

Молоденькіе, правда, уснутъ; имъ это надо, но надо же дать нянюшкѣ, кромѣ словъ, что нибудь и посущественнѣе. Тотъ яблочекъ, другой апель-

синчикъ, третій конфетъ. И не взять нельзя: самъ не ѣлъ—ей береги!

Литераторъ иногда поугааетъ молоденькихъ:

— Говорятъ, что старшій врачъ нянекъ хочетъ перемѣстить: Лукерью къ намъ, а Авдотью въ вашу палату.

Старцы пугаются.

— Упаси Богъ!

И не успокоятся до тѣхъ поръ, пока Луша не убѣдитъ, что это шутки.

Тогда они сердятся: стары они, чтобы надъ ними шутить.

Идетъ литераторъ въ коридоръ. Курить тамъ до одурѣнія.

Являются Дениска, Санька, Курановъ и просятъ его:

— Пойдемъ. Виноградовъ въ шашки будетъ играть.

Мочи нѣтъ отъ стариковъ: охаютъ, да вздыхаютъ.

Идетъ литераторъ въ свою палату и садится съ пожилымъ фабричнымъ рабочимъ—Виноградовымъ за шашки.

Садится съ условіемъ: не бояться Авдотьи. Шашки развлеченіе—развлеченіе для всѣхъ. Одни слушаютъ молча, другіе подають голоса:

— Что, Виноградовъ, забываетъ онъ тебя?

Виноградовъ играетъ недурно, гордится тѣмъ что на фабрикѣ онъ первый игрокъ, но литератора осилить не можетъ. А литераторъ еще поджигаетъ:

— Ну, что, другъ: куда пойдешь, кому скажешь? Положеніе такое: подумаешь.

Виноградовъ входитъ въ азартъ.

— Пойду. А куда—тебя не спрошусь. Ты не думай... ты, чай, полагаешь, что запрешь?

— Ужъ это какъ пить дать. За шашкой-то, пожалуй, и не погонюся, а дамку припереть постараюсь.

„Съ дамками“ у Виноградова случался грѣхъ, но онъ въ немъ чистосердечно не въ силахъ покаяться—приходить въ ярость.

— Дамку?! Погодишь. Не на такого напалъ. Ты шашку то хоть запри, а съ дамкой-то подожди, пока у тебя будутъ внуки.

— Да вѣдь, запираешь? Чего отказываешься?

Виноградовъ фыркаетъ съ величайшимъ презрѣніемъ:

— Запираешь? Нарошно я тебѣ поддавался, а ты думаешь и въ самомъ дѣлѣ. Очень ужъ ты уменъ!

Около играющихъ уже кольцо. Свои собрались всѣ, кромѣ слѣпыхъ, половина средней палаты явилась.

Смѣхъ. Сужденія о ходахъ. Люди отрываются отъ своихъ нерадостныхъ думъ. Но не надолго. Авдотья не зѣваетъ. Едва въ палату вошла и уже шипитъ:

— Мети, убирай, заботься о чистотѣ, а тутъ не только свои, чужіе ходятъ полъ возить.

Больные изъ средней палаты хотя и оробѣли,

но жаль имъ оторваться отъ игры: стоятъ, точно не слышали.

— Вы, что же желаете, чтобы я старшаго врача привела?—спрашиваетъ Авдотья.

При имени старшаго врача „чужіе“ уходятъ въ свою палату. Виноградовъ не только забываетъ данное обѣщаніе не бояться Авдотьи, но утрачиваетъ весь азартъ и лжетъ:

— Довольно. Глаза что-то устали.

Всѣ въ катарачной на своихъ койкахъ. Авдотья сидитъ на своей,—ушла бы, да боится, какъ бы не собрались опять.

Вся она—усталая, страшная злобная одурь. Эта одурь обрекаетъ ее на одиночество.

Лукерья и Анна сидятъ иногда въ столовой. О чемъ онѣ тамъ болтаютъ? Можетъ быть, сладко сплетничаютъ? Ядовитѣе Авдотьи никто не сумѣетъ этого сдѣлать. И пошла бы она къ нимъ, если бы онѣ ее не чуждались, а она на нихъ не такъ злобилась: на племянницу за то, что она не хочетъ плясать подъ ея дудку, а на Лукерью—непереносимо для сознанія старшей няни, что явилась какая-то бабенка, живетъ безъ году недѣлю, а дары деньгами и прочимъ получаетъ столько, сколько старшей нянѣ и не снится.

Сидитъ злая баба и чаще всего взглядываетъ на литератора. Онъ больше всѣхъ ей на дорогѣ. До него была для развлеченія больныхъ форменная шашечница: съ ящикомъ, съ точеными костяшками,—пожертвовалъ одинъ больной. Выпи-

сался этотъ добрый человѣкъ—и шашечница ау!

Больные поскучали-поскучали да и рѣшились: сдѣлали себѣ изъ бумаги. Авдотья нашлась: на глазахъ у всѣхъ ее въ клочки. Послѣ этого на шашечницу никто уже не отваживался. Явился литераторъ—появилась шашечница—убогая, жалкая, намазанная чернилами по сѣрой бумагѣ, съ шашками изъ грязнаго картона.

Смотритъ баба на литератора: не будь бы его—подошла бы она и показала бы, какъ слѣдуетъ уничтожать такіа доморощенные издѣлія!

Тоскливо вздыхаютъ старики. Соснули бы они, да что-то мѣшаетъ. Одинъ лѣтъ подъ 70, страдаетъ въ это время мучительнѣе всѣхъ.

У него безусое и безбородое птичье лицо, тонкая гусяная шея, застывшіе въ какой-то напряженной остротѣ глаза: кажется, что онъ долженъ видѣть необыкновенно зорко, но онъ ничего не видитъ.

Слезы медленно катятся у него по впалымъ щекамъ и говорить онъ жутко, ни къ кому не обращаясь:

— Хотя бы немножко мнѣ видѣть. Ужъ не до работы, а такъ бы—чуть-чуть различать отъ окошка къ окошку. Жилъ и пословицу помнилъ: отъ сумы, да отъ тюрьмы не отрекайся. Вотъ только объ одномъ, что съ сумой-то придется ходить съ поводыремъ, объ этомъ не думалъ—не гадалъ. Господи, барыня: прозрѣй ты меня хоть чуть-чуть!

Всѣ молчатъ. Всѣ тяжело подавлены: не одному слѣпота угрожаетъ и сума съ поводыремъ мерещится.

Авдотья смотритъ на этого старика и что-то вродѣ дикой, сатанинской радости бродитъ по ея лицу.

А литераторъ смотритъ на нее и недоумѣваетъ: что она за человѣкъ? Какъ такой чудовищный бичъ можетъ находиться при такой обстановкѣ?

Припоминается ему барыня: борьба этого свѣтлаго сознанія съ этой неукротимой силой злобы. Чего тутъ нѣтъ? Больному дѣлаютъ мучительные уколы, чтобы онъ потѣлъ — Авдотья „забываетъ“ дать ему на ночь бѣлье на смѣну. Человѣку сдѣлаютъ операцію и внушаютъ, что ему нельзя вставать, онъ долженъ лежать — онъ будетъ вставать и ходить въ уборную: старшая няня не выносить около коекъ своихъ больныхъ горшковъ. Потомъ ее заставили ставить... но горшки стояли безъ употребленія: Авдотья знаетъ, какъ и что сказать, послѣ чего больной пользоваться горшкомъ не пожелаетъ.

Въ иныхъ случаяхъ она считала себя компетентнѣе барыни. Если больному рѣшено удалить глазъ, за нѣсколько дней до операціи она не будетъ пускать назначенныхъ капель:

— Къ чему же капли-то тратить, когда его вынуть? А еще докторица!

Соображаетъ литераторъ, что этого онъ вдоволь насмотрѣлся за двѣ за три недѣли, но сколько

же знаетъ подвиговъ Авдотьи барыня, никогда не забывающая спрашивать больныхъ, — исполнено ли няней то, что нужно — и все-таки Авдотья на своемъ мѣстѣ!

Въ закулисной жизни больницы кто-то сильнѣе барыни за Авдотью.

Молва нянекъ гласитъ, что за старшую няню старшій врачъ:

— Любитъ ее за языкъ!

Смотритъ литераторъ и недоумѣваетъ: какъ старшій врачъ, которому, вѣроятно, барыня уже не разъ приносила жалобы, можетъ держать такую прислугу?

Тоскливо вздыхаютъ старики и просятъ:

— Егорушка, сведи-ка, милый, за нуждой.

Тутъ не столько нужды, сколько желанія отдохнуть отъ бдительнаго ока няни въ корридорѣ.

Водитъ Егорушка стариковъ. Не дремлетъ Авдотья: то по полу шаркаютъ, то на ходу салфетку со стола стронули.

Инымъ больнымъ приходится прибѣгать къ услугамъ няни. Долго жмутся, оттягиваютъ, никогда не выполняютъ того числа, которое приказано барыней, но, въ концѣ-концовъ мысль, что болѣзнь-то не шутка, что если такъ вести леченіе, значитъ не вылечиться, понуждаетъ больныхъ къ робкой просьбѣ:

— Няня, капелекъ бы мнѣ въ глазъ пустить?

Авдотья пускаетъ. Рѣдко попадетъ въ нужное мѣсто — въ глазъ; пустить не капли, а грубо бро-

ситъ струю капель въ носъ, въ бровь, зальетъ всю щеку—и иди.

Не смѣй говорить, что въ глазъ-то и не попало; она знаетъ, какъ пускать и куда пускать: старшую няню учить нечего!

Идетъ больной, утирается—и возмущенъ и обиженъ; если изъ новенькихъ, будетъ больнымъ жаловаться:

— Ппустила? Хуже, чѣмъ плюнула!

Литераторъ смотритъ на такое „пусканіе“ и уже зло улыбается. Зло на себя, на Авдотью, на всѣхъ больныхъ. Ему назначены капли 15 разъ въ день, онъ не выполняетъ иногда и половины.

Къ Авдотьѣ не обращается. Ищетъ Лукерью, Анну—нѣтъ ихъ, значить, безъ капель. И барыня объ этомъ не говоритъ: все равно лучше не будеть, такъ не стоитъ поднимать канители. Дениска на своей койкѣ изнываетъ.

При работѣ въ винномъ складѣ онъ какъ то неосторожно сбивалъ крышку съ ящика—гвоздь отлетѣлъ ему въ глазъ. Прежде Дениску барыня утѣшала, что глазъ, можетъ быть, и, уцѣлѣетъ, потомъ пришла къ заключенію, что глазъ черезъ нѣсколько времени придется удалить.

Когда въ палатѣ нѣтъ Авдотьи—Дениска о своей неосторожности забываетъ, но при ней не можетъ себѣ простить—лежитъ и нѣтъ-нѣтъ, да и скажетъ:

— Еще думалъ: помягче надо сбивать. Какъ бы бѣды не нажить. А самъ бью изо всѣхъ силъ. Такъ оно и вышло. Эхъ, пустая моя голова!

Такія признанія Авдотьѣ пріятны—злорадно улыбается, а иногда и подтвердитъ:

— Это по всему видать.

Дениска смотритъ на литератора—отъ боли и недоумѣнія у него круглые глаза: какъ можетъ Авдотья такъ говорить, когда у него такое горе?

Литераторъ улыбается и, преднамѣренно спокойно, точно Авдотьи здѣсь нѣтъ, даетъ Денискѣ совѣтъ:

— Не пучь глазъ, Маня. Сколько разъ я тебѣ говорилъ: жалуйся барыня.

Авдотья въ ярости. Кажется, что вотъ-вотъ она будетъ орать во всю силу легкихъ—такихъ огромныхъ усилий стоитъ ей самообладаніе.

Но она сдерживается, Должно быть, ненависть диктуетъ ей, что крикъ не такъ страшенъ, какъ ея выработанный годами тихій сдвленный тонъ.

— Ты другихъ не учи, не смущай,—говоритъ она, избѣгая взгляда литератора.—Жалуйся самъ, а тамъ увидимъ, что будетъ.

Литераторъ молчитъ. Снимаетъ халатъ и ложится подъ одѣяло, приглашая и другихъ:

— Старики, на покой!

Черезъ пять минутъ всѣ катарачные точно спятъ.

Авдотья видитъ въ этомъ демонстрацію: одни лежать къ ней задомъ, другіе лицомъ, но лицъ не видно: съ головой закутались въ одѣяло.

Никогда она не бываетъ ужаснѣе, чѣмъ въ это время. Когда она видитъ человѣческія лица,—от-

раженіе на нихъ того, что ея слова заставляютъ такъ или иначе страдать людей — это приносить ей нѣкоторое удовлетвореніе, облегченіе, иногда радость.

Она говорить. Изъ всѣхъ силъ старается — пусть ктонибудь сказалъ бы ей дерзость, вступилъ бы съ нею въ пререканія, но только не это молчаніе, не неподвижность спинъ и головъ.

Ничего новаго у Авдотьи. Все тѣ же грубыя выраженія, сведенія человѣка на степень ниже свињи.

Болѣе наглыхъ, болѣе жадныхъ, чѣмъ въ ея палатѣ, нѣтъ ни у одной няньки. Другимъ нянькамъ за уходъ, за заботы и подарки „на чай“, а ей: — хоть бы въ глаза кто плюнулъ! Хитровка-на хитровкѣ!

Одинъ только у ней за всю ея бытность былъ:

— Это можно сказать: человѣкъ. Не голъ-перекатная! Не вшивый паршивецъ: имѣетъ пятиэтажный домъ въ Москвѣ. На такого не пожалуешься. Нечего Бога гнѣвить: ни одного дня безъ подарка не обходился!

Ни что на неподвижность спинъ не дѣйствуетъ: ни хитровка-на хитровкѣ, ни счастливецъ пятиэтажнаго дома!

Авдотья замолкаетъ. Она устала. Красныя пятна были и исчезли — у ней ужасное лицо: лицо трупа.

И сидѣть она уже въ своей палатѣ не въ силахъ: встаетъ и уходить, еле держится на ногахъ.

Это значить, что она пошла, какъ говорить ея племянница „отлеживаться“, въ помѣщеніе для нянекъ.

Съ уходомъ Авдотьи неподвижныя тѣла начинаютъ мѣнять позы. Старики вдругъ обнаруживаютъ склонность подремать и просятъ молодежь не шумѣть.

Молодежь не прочь и сама соснуть — но не спится ни ей, ни старикамъ.

Усталые, тоскливые вздохи падаютъ въ тишину и рѣдкія фразы, значеніе которыхъ понятно только этимъ людямъ въ этой палатѣ.

— Сейчасъ бѣда, а что будетъ, когда Михайла выпишется?

— Что говорить: съ лихвой наверстаешь.

— Господи, и такъ день за годъ, а если тебя на каждомъ шагу шпыняютъ, никакихъ ужъ силъ нѣтъ.

Слѣпой старецъ съ птичьимъ лицомъ и гусиной шеей убѣжденно даетъ совѣтъ:

— Къ силамъ небеснымъ надо взывать. Она тебя злобой ѣстъ, а ты проси: „Матерь Божія, умягчи ее сердце!“ Вѣрно, братцы, говорю. Такую, окромя, ничемъ не возьмешь. Души у ней нѣтъ. Умерла. Въ злобѣ похоронила душу-то. За такихъ молятся и молитвой только отъ такихъ охранишься.

Всѣ молчатъ. Стары старики, а настолько смиренія и вѣры въ молитву не имѣютъ: отмахиваются руками.

Молодежи жутко, но она храбрится.

— За такую вѣдьму-то,—говоритъ Курановъ и показываетъ кулаки:—нарвись мнѣ такая не здѣсь, а на свободѣ—я ее этой молитвой или выучилъ бы, или на тотъ свѣтъ дорогу показалъ.

Вновь тишина и томительное ожиданіе.

Старики опять пробуютъ дремать, но черезъ каждые пять минутъ просыпаются:

— А чай еще не скоро?

Молодежь ходитъ смотрѣть на часы.

Никто уже не думаетъ ни о томъ, что сегодня было, что ждетъ завтра—всѣ захвачены ожиданіемъ.

Сухой, холодный, до томительности скудный разнообразіемъ больничный укладъ жизни прежде давить человѣка, потомъ одуряетъ: всѣ ждутъ чая, всѣмъ кажется, что послѣ него что-то случится, отчего будетъ легче.

Три часа дня. Послѣобѣденный чай.

Авдотья проявляетъ себя и здѣсь: къ утреннему чаю подниметъ своихъ больныхъ раньше другихъ палатъ; теперь у Лукерьи и Анны уже пьютъ—она заставитъ катарачныхъ подождать.

Полакомились бы катарачные чайкомъ, отвели бы душу всласть, если бы на мѣстѣ Авдотьи была другая няня.

Но у нихъ—Авдотья. Едва она войдетъ въ палату—всѣ чувствуютъ, что это будетъ не чай, а все та же тоскливо—напряженная мука, минуты остраго униженія, что были за утреннимъ чаемъ за обѣдомъ, будутъ за ужиномъ.

Авдотья изъ нормы не выходитъ: двѣ кружки на человѣка. Развѣ только иногда литераторъ, чтобы показать дорогу другимъ, потребуетъ третью. Двѣ ему принесетъ Дениска, а за третьей идетъ самъ: молча поставитъ кружку на столъ и ждетъ. Иногда Авдотья молча нальетъ, иногда вынудитъ его сказать:

— Что же вы не понимаете, чего мнѣ надо?

Ядовито осклабится няня:

— Понимаю. А гдѣ воды возьму?

— На кухнѣ. Мало чайника—идите за другимъ. Чай пьемъ свой, воды для больныхъ больница не пожалѣетъ.

Она ему нальетъ. Другіе рискнуть на третью чашку не осмѣлятся, но Авдотья очевидно брится: а вдругъ?

И во избѣжаніе такой дерзости начинаетъ внушать:

— Поди-ка раскатись! Мнѣ воды не жалко, да на кухнѣ то ее нѣтъ. Тамъ считаютъ свое: лишняго полѣна не сожгутъ. Всѣ думаютъ, что это отъ няньки. Никто не знаетъ нашей жизни. Нянькѣ хуже больного: стакана кипятку не дадутъ.

Отпить чай. Хотя сама Авдотья еще не отпила.

Идутъ катарачные изъ палаты въ коридоръ,

видать, что въ столовой у Лукерьи и Анны чай еще далеко не конченъ.

Тутъ нянькамъ вода на кухнѣ не возбраняется: мало чайника, сходятъ за другимъ. Тутъ любители чаепитія пьютъ по-русски: до красноты и испарины.

Завидуютъ катарачные больнымъ Лукерьи и Анны: кажется имъ, что у такихъ нянекъ людямъ, какъ у Христа за пазухой.

Дениска пѣтушится больше всѣхъ:

— Никакъ нельзя: буду жаловаться барынѣ.

Послѣ обѣда мнѣ двухъ кружекъ мало. Что жъ я сырую воду долженъ пить? Теперь холера: тутъ еще здохнешь.

Санька ему не вѣрить:

— Давно собираешься. Про кашу тоже звонишь...

Дениска за одно обѣщаетъ сказать и про кашу.

Ежедневно онъ послѣ обѣда высматриваетъ, какъ обѣдаютъ няньки и долго потомъ облизывается:

— Мяса у нихъ — не поѣсть. Каша въ маслѣ плаваетъ: бери ложку и хлебай! Большая обида: намъ все это полагается, а они за насъ жрутъ. Непремѣнно барынѣ скажу!

Въ корридорѣ, куда сходятся курить и душу отвести больные изъ шести палатъ, катарачные ропшутъ, дымятъ и отплевываются больше всѣхъ.

Единственное мѣсто, гдѣ громко высказывается вся горечь, всѣ непорядки больницы.

Литераторъ бродить съ безучастнымъ видомъ. Лѣзутъ къ нему — отмахивается рукой:

— Не вижу толку въ этихъ разговорахъ. Кому вы жалуетесь — стѣнамъ?

Въ корридорѣ холодно. Потолкуются — потолкуются и невольно тянутся по своимъ палатамъ.

Чай отпить въ три. Ужинъ будетъ въ шесть — эти три часа даже наиболѣе терпѣливымъ людямъ кажутся вѣчностью.

Литераторъ скучаетъ отчаянно: холодно-злая гримаса тоскливой боли не сходитъ съ его лица.

Сыгралъ бы онъ съ Виноградовымъ въ шашки, но уже вечерѣетъ, — если играть — глаза отъ напряженія начинаютъ беспокоить.

Молодежь жметъ къ нему: авось онъ развеселитъ.

Старики и тѣ просятъ:

— Михайла, повеселилъ бы насъ.

— Чѣмъ? — угрюмо отзывается литераторъ.

— Да ужъ, если ты захочешь, найдешь чѣмъ. Видать тебя: ты человѣкъ бывалый.

Для больныхъ онъ загадка. Кто онъ, чѣмъ занимается — частенько пытаются узнать, — онъ отдѣливается неопредѣленностью:

— Человѣкъ, какъ и всѣ. А занимался — ходилъ и по письменной части, и горбомъ работалъ, а за-

болѣлъ—отъ моихъ трудовъ ничего: нищій, какъ и всѣ трудящіеся въ такихъ случаяхъ. Вотъ и все

Стариковъ литераторъ веселитъ въ это время не въ силахъ; посердить бы, пожалуй, но отъ этого себя сдерживаетъ.

Зато молодежи достанется.

Прежде примется за Саньку. Хорошенькая, розовенькая мордочка въ рамкѣ кудряшекъ, какъ у молодого барашка. И глупъ, какъ барашекъ.

Какъ почтительный сынъ, пишетъ отцу еже-недѣльно нѣжныя письма—длинные—длинные, а о чемъ—неизвѣстно.

Литераторъ однажды подсмотрѣлъ въ компаніи съ Дениской. Писалъ Санька письмо послѣ операціи. Имъ удалось прочесть только заключительныя строки: „Итакъ, глазъ мнѣ дорогой, милый папа, мнѣ вынули, того и тебѣ желаю!“.

Каждый день это злосчастное заключеніе приносить Санькѣ много непріятныхъ минутъ: то Дениска остритъ, то Курановъ и даже Егорушка.

Отъ нихъ отгрызется. Но когда литераторъ это заключеніе зло варьируетъ ежедневно на новые лады и возбуждаетъ общій хохотъ—Санька свирѣпѣетъ. Сыплетъ грубую, глупую, циничную брань не только на литератора и молодежь, но и на стариковъ.

Послѣ Саньки очередь за всей группой молодежи человѣкъ изъ восьми: перессорить ихъ и, когда у нихъ возгорится грызня, самъ въ сторонкѣ: наблюдаетъ и посмѣивается.

Надоѣсть и это. Остается послѣдній номеръ: Егорушка. Самый интересный.

— Гдѣ Егорушка?

Но Егорушку и искать не надо. Только этого и ждалъ. Идетъ къ литератору и самъ набивается:

— Сдѣлай мнѣ массажикъ!

— Ну, ложись на койку, — говоритъ литераторъ.

Егорушка не соглашается:

— Нѣтъ, ты положи.

Ежедневно литераторъ внушаетъ бутузу, что массажъ ему приказано дѣлать барыней, что это полезно для здоровья—Егорушка слушаетъ съ видомъ, что онъ вѣритъ, но въ глубинѣ плутуватыхъ глазъ свѣтится лукавое: не обманешь!

„Массажикъ“ для него очень выгоденъ. Хотя и самъ набивается на него, но въ послѣднюю минуту потребуетъ за него то яблоко, то у кого нибудь очень поправившуюся ему коробку изъ подъ конфетъ, то лубочную книжонку въ копѣйку, съ литератора сдеретъ непременно газету этого дня.

Когда потребованное имъ ему дадутъ,—литераторъ опять проситъ:

— Ну, ложись же.

Егорушка стоитъ на своемъ:

— Нѣтъ, ты положи. Какъ на операціи: тамъ меня кладутъ.

Кто нибудь изъ молодежи помогаетъ литератору растянуть Егорушку на постели.

Онъ визжитъ. Визжитъ съ наслаждениемъ и сознаниемъ: и ему удовольствіе и другимъ.

Старики улыбаются:

— Ахъ, подлецъ! Ахъ, и плутъ!

Егорушка лежитъ внизъ лицомъ, одной рукой держитъ то, что наторговалъ за массажъ, другой придерживаетъ спущенныя штанишки и поглядываетъ, какъ бы кто не подобрался, кого онъ совсѣмъ не желаетъ.

Литераторъ массируетъ ему спину, мягкія части. Егорушка въ восторгѣ: сіяетъ, какъ масляный блинъ, блаженно визжитъ и проситъ:

— Гузно, гузно поголячей! Жилу у меня больно много. Всѣ говорятъ: вонъ какое въ больницѣ наѣлъ.

Литераторъ дѣлаетъ погорячей.

Егорушка моментами ужъ и морщится:

— Позалуй, и довольно. Дюже голячо становится.

Литераторъ оставляетъ, но въ этотъ моментъ Дениска или Санька изловчатся и даютъ Егорушкѣ такого шлепка, что онъ коротко и пронзительно взвизгнетъ и замретъ: духъ захватило!

Искреннее возмущеніе сыплется на виновника со всѣхъ сторонъ.

Егорушка передохнулъ. Стоитъ на постели. Подвязываетъ штанишки.

Теперь онъ уже въ состояніи себя защитить.

Глаза горятъ, лицо пылаетъ — воплощенный гнѣвъ! Смотритъ на обидчика и, вдруть съ такой

силой, экспрессіей—всѣ покатаются со смѣху!—выпалить:

— Дулакъ! Ты не-умѣешь массажикъ дѣлать. Я балынѣ скажу. Вѣдь, это-же прямое безобразіе! Столазъ, дулакъ!

А минуты черезъ двѣ-три, когда острота жгучей боли исчезаетъ, у Егорушки исчезаетъ и гнѣвъ—онъ еще потираетъ злосчастное мѣсто, но говорить уже тономъ философа:

— Ничего, гузно у меня здоловое.

Смотритъ на то, что онъ получилъ за массажъ:

— Поломить—поломить, да такое-зе и будетъ. А это вотъ залаботалъ.

Подумаетъ съ минуту и потребуетъ съ виновника вознагражденіе за шлепокъ.

Тотъ изумленъ:

— Да откуда ты знаешь? Да у меня и нѣтъ этого.

Егорушку не собьешь:

— Есть. Я видѣлъ. Меня не обманешь! Не умѣешь массажикъ дѣлать—давай.

Бутузъ дальновиденъ. Знаетъ, что безъ шлепка Санька или Дениска не обойдутся, а поэтому выслѣдитъ, что у нихъ въ столикахъ хранится, принесенное родными, или купленное въ этотъ день.

Требованіе Егорушки поддерживается всей палатой. И какъ любитель шлепковъ не отбавляется, но его заставляютъ платиться яблоками, сеledкой, баранками, конфектами—тѣмъ, что имѣется въ наличности.

Получаетъ Егорушка съ любителя, идетъ къ своему столу, укладываетъ заработанное къ тому, что уже заработано. Чего у него нѣтъ: и книжки, и куча газетъ, куча коробокъ, даже дюжину оловянныхъ солдатъ гдѣ-то и у кого то заработалъ! укладываетъ и обнаруживаетъ большой практический умъ:

— Тепель массажикъ [до завтра! Поплюбуй-ка, удалъ кто—ну, и давай! Мнѣ надо. Моя делевня далеко. Ко мнѣ лодные не ходять. Ну, я и залабатываю самъ.

Съ гордостью любитъ лично прибрѣтеннымъ имъ достояніемъ.

— Когда домой приѣду—эва, што я пливезъ!

Больше развлеченій нѣтъ. Егорушка послѣдній номеръ.

Около четырехъ, а то и въ пятомъ часу—появится изъ амбулаторіи барыня. На минуту, на двѣ: снятъ халатъ.

Идетъ медленно. Половина фигуры еще больше наклонена впередъ. Лицо блѣдное, утомленное. Присущей ей величавой важности въ это время нѣтъ въ ней и слѣда; передъ больными другая женщина, — обаятельная усталостью своей: какъ тонкое обаяніе прекрасныхъ цвѣтовъ въ пору осенняго увяданія!

Ея появленіе точно лучъ солнца въ тьму.

Старики умиляются:

— Голубушка, устала!

Санька и Дениска мчатся узнавать отъ нянекъ:

сколько барыня приняла больныхъ въ амбулаторіи?

И всегда несутся съ цифрами: или около ста, иногда и болѣе.

Высчитываютъ старики, прибавляя къ амбулаторнымъ палатныхъ больныхъ, и умиляются:

— Вотъ эта работаетъ! Эта хлѣбъ даромъ не ѣстъ!

Вскорѣ является фельдшеръ. Кому капли пустить, уколы сдѣлать.

На полчаса или немного болѣе — суета, оживленіе. Уйдетъ фельдшеръ — уныніе охватываетъ катарачную и среднюю палату. Въ церковной омгильная тишина: *молоденькіе* живутъ, когда ихъ только побезпокоять; очутятся по милости Лукерьи на своихъ койкахъ и быстро впадутъ въ небытіе дряхлыхъ старцевъ. Горитъ у нихъ огонь или нѣтъ — имъ все равно: спать, а если не спать — не увидятъ. Зато страдаютъ отъ отсутствія свѣта остальные двѣ палаты.

Въ средней лампъ совсѣмъ нѣтъ — освѣщеніе падаетъ изъ столовой: слабое, робкое.

Въ катарачной — пугливо жмутся отъ вползающихъ въ окна темныхъ сумерекъ, тоскливо вздыхаютъ и нерѣшительно просятъ:

— Михайло, огонька бы. Его хоть и плохо видишь, а все же... что-то свѣтлѣется, бьетъ въ глаза: значитъ, молъ, огонь.

Не пусти литераторъ огня, будутъ мучиться, но никто не осмѣлится до прихода Авдотьи повернуть включателя.

Скупно и уныло даютъ свѣтъ двѣ лампы, подъ густо-матовыми колпаками.

Уныло сидятъ и уныло двигаются фигуры въ желтыхъ, безобразно болтающихся халатахъ. Скорбью и жутью вѣетъ отъ этихъ фигуръ и лицъ: какой то полуфантастическій, угрюмый міръ, который, кажется, застылъ въ одномъ желаніи,—если дать много свѣта, блестящихъ веселыхъ огней—они оживятся и закружатся въ безумномъ и страшномъ вихрѣ веселья.

Въ столовой загремѣли ложками, посудой.

— Ужинъ!—мчитъ въ свои палаты молодежь.

Старики прислушиваются и, точно не вѣрятъ своимъ ушамъ.

— Никакъ ужинъ?!

— Ужинъ!—подтверждаетъ молодежь.

Проснулись всѣ точно отъ тяжелаго сна, засуетились и начали пододвигаться къ ужину съ лицами: послѣ ужина что-то случится, отчего будетъ легче.

Въ ужинъ Авдотья даетъ жидкой пищи всѣмъ не болѣе, чѣмъ въ обѣдъ Егорушкѣ: только-только покрыто дно тарелки.

Если это супъ—онъ къ ужину холодная, уже начинающая киснуть бурда.

На это, конечно, никто уже не жалуется. Литераторъ придетъ послѣднимъ. Если очень голо-

день—съѣсть и бурду; если нѣтъ—посмотрить и уйдеть.

Много разъ онъ уже Авдотѣ говорилъ:

— Что вы на смѣхъ наливаете? Да тутъ курица ногъ не замочить.

Потомъ замолчалъ: усталъ говорить.

Авдотья почувствовала: въ этомъ она побѣдила! И начала разыгрывать комедіи.

Плеснетъ комунибудь сверхъ положеннаго ею количества лишнюю ложку супу—такъ грубо, что разъ испытавшій ея милость, не захочетъ вторично: „На, облопайся!“—и внушаетъ:

— На. По мнѣ хоть имъ облейтесь! Да что я могу подѣлать, когда мнѣ больше съ кухни не стпускаютъ. Это все идетъ отъ экономки!

Молчать больные.

Слышали и видѣли они, какъ эта экономка явилась однажды къ столу Авдотьи:

— Чего ты людямъ дала? Тебѣ чужого добра жалко. Сколько разъ я тебѣ на кухнѣ говорила: бери больше. Не на дѣтей берешь.

Молчать больные. Знаютъ они, что Авдотѣ чужого добра не жалко, но если это добро повинно въ томъ, что оно вызываетъ потребность ходить въ уборную, топтать у Авдотьи полъ—будь бы власть у злой бабы, заморила бы она всѣхъ на-смерть.

Сердобольная Лукерья иногда сжалится надъ катарачными.

— Больные, у меня супъ остался. Кому налить?

Тянутся тарелки молодежи:

— Мнѣ, няня. Мнѣ!

Егорушка пищитъ:

— И мнѣ, няня, немнозечко. И мнѣ!

Старики до того запуганы: не осмѣливаются.

Авдотѣ это очень не по сердцу. Качаетъ головой, глаза впились въ бѣднаго Егорушку:

— Такой пащенокъ... другую тарелку! Не облопается, прости Господи.

Показала бы она и Лукерѣ, какъ распускать ея катарачныхъ, какъ итти противъ нее — старшей няни, если бы... Лукерья помимо доброты, оказывается, имѣетъ еще такой острый, ядовитый язычекъ, который способенъ заставить замолчать старшую няню: больше Лукерья никто не знаетъ про подвиги Авдотьи!

Иногда Авдотья не выдержитъ: уйдетъ.

Значитъ больнымъ и каши вволю.

— Ъшь-не хочу! Лучше людямъ дамъ, чѣмъ въ ведро вывалить! — весело отпускаетъ Лукерья

Обрадуются катарачные: при этой можно поговорить!

И поговорятъ: и пожалуются ей, и комплиментовъ уйму наговорятъ.

Конченъ ужинъ. Авдотья убираетъ свой столъ.

Конечно, гремитъ неистово посудой и громить.

И налили, свинья, и накрошили, а жадны — куса хлѣба не оставляютъ!

Послѣ ужина сейчасъ же чай.

Больные настроены благодушно — даже у Авдотьи.

У Анны и Лукерьи блаженствуютъ во всю: пьютъ и животовъ своихъ не щадятъ.

Знаютъ катарачные, что сверхъ положенныхъ двухъ кружекъ Авдотья не полакомитъ ихъ третьей — меньше неприязни къ ней въ нихъ: и устали они отъ ея злобы, хочется забыть, отдохнуть, а потомъ — пройдетъ ночь и наступитъ *Завтра!*

Это завтра собственнымъ именемъ они не называютъ, но оно у всѣхъ на лицахъ, оно въ словахъ, передающихъ понятія о другомъ: говорятъ о своихъ болѣзняхъ, о домашнихъ дѣлахъ, о событіяхъ пережитыхъ за день въ больницѣ, деликатно обходя Авдотью, — во всемъ этомъ одинъ голый ужасъ, одна скорбь, но люди не видятъ этого во всей обнаженности только [потому, что существуетъ „завтра!“.

Оно обманывало этихъ людей всю жизнь и, даже адѣсь, въ больницѣ, откуда нѣкоторыя выйдутъ съ тѣмъ, что не будутъ видѣть пути „отъ окошка къ окошку“ — даже этимъ это завтра сулитъ какія то надежды, скрываетъ отъ нихъ всю жуть грядущаго, несетъ Великое примиреніе!

Слѣпецъ съ птичьимъ лицомъ, плачущій днемъ, которому сказано, что на возвратъ его зрѣнія нѣтъ надежды, — у него желтая вода, — смотритъ

остро-остро, точно видѣть то, чего не видятъ другіе, и, тепло, благодарно говорить:

— Ну, вотъ и день прожить. Слава Богу!

Даже разложившаяся отъ злобы душа Авдотьи жаждетъ благодати „завтра“. Она не косится на больныхъ, безъ ехидства прислушивается къ разговорамъ больныхъ — на ея лицѣ нѣчто вродѣ человѣческой улыбки: какое то отдаленное-отдаленное напоминаніе, что и этому лицу природа дала даръ отражать въ улыбкѣ сокровища души.

Не обрываетъ: не такъ прошелъ, ступилъ, сдвинулъ салфетку. Развѣ иногда только съ мягкой укоризной покачаетъ головой.

Пожалуй и сама поговорить: безъ обычныхъ оскорбительныхъ колкостей, со снисходительнымъ уваженіемъ къ собесѣднику.

Доходитъ даже до того: снесетъ какому нибудь старцу кружку съ чаемъ.

Можетъ быть, она не прочь и всѣмъ дать чаю вволю, но ее, должно быть, останавливаетъ сообщеніе, что единичнымъ отступленіемъ отъ правила, нарушается правило: въ другой разъ, пожалуй, потребуютъ и всѣ!

Чай тянется около часу.

Незлобивыя души—за вечерній чай и старики и молодежь благодарятъ:

— Спасибо, нянюшка!

Бываетъ это иногда и утромъ—тогда она промолчить, „очень, молъ, мнѣ нужны ваши благо-

дарности!“, теперь въ свою очередь пожелаетъ:

— На здоровье!

Послѣ чаю старики совершаютъ путешествіе въ уборную, возвращаются, усердно молятся и ложатся спать.

Литераторъ съ улыбкой спрашиваетъ:

— Какъ, старики, себя чувствуете?

— Какъ? Прожить день и слава Богу, а завтра, что онъ Всевышній пошлетъ, то и будетъ.

Видитъ литераторъ, что въ ожиданіи милостей отъ Бога, старцы забыли и простили все, что изжили въ жизни горькаго; многого, конечно, изъ воспоминанья совсѣмъ не вытравятъ, но легки имъ ихъ горести и бѣды, ибо остроту ихъ они оставили въ молитвахъ и упованіяхъ.

Видитъ и страстно ему хочется имѣть такую слѣпую вѣру въ Бога, въ его Вѣчное завтра.

Свалить этотъ чудовищный, кошмарный камень—жизнь съ души и повѣрить: „Мнѣ отомщеніе, и Азъ Воздамъ!“

Свалить, если не совсѣмъ, такъ хоть на моментъ: въ немъ маленькій отдыхъ, маленькое облегченіе!

Но пройдетъ минута, другая и, нотка состраданія звучить у него въ головѣ къ этимъ покорнымъ рабамъ завтра, когда онъ говорить:

— Спокойной ночи, старики. Будемъ уповать на завтра: можетъ быть, оно и явитъ намъ какое нибудь чудо.

— Извѣстно,—отвѣчаетъ слѣпой съ птичьимъ

лицомъ:—День плохо прожилъ, на другой надѣйся: авось, получше! Иначе и жить нельзя: съ ума сойдешь.

Литераторъ угрюмо соглашается:

— Совершенно вѣрно: сойдешь.

Передъ сномъ старцы чувствуютъ потребность напутствовать себя на ночь свѣтлымъ, милымъ: говорить о баринѣ.

Послѣ Бога въ „завтра“ она вплетается вторымъ существомъ.

Перебираютъ о ней то, что уже каждымъ говорилось десятки разъ, но все еще не утратило своего обаянія.

Одинъ изъ старцевъ съ особенной любовью докладываетъ:

— Уголубливать она очень умѣетъ. Было это у меня на операциі. Просить она: „дѣдушка одну минутчку; только еще одну минутчку, милый дѣдушка, потерпи!“ Терплю. А самъ думаю: много-же этихъ минуточекъ то. Больно не втерпѣжъ. Вотъ—вотъ закричишь, а она опять заговариваетъ. Такъ ни разу и не крикнулъ. Вѣкъ буду помнить, что по доброму-то если—рѣжь человѣка на куски и стерпи. Ангель—барыня?

Другой мужичекъ признается:

— Нда, что и говорить: лучше иной матери родной! Такую не забудешь.

Молодежь жадно слушаетъ и, въ свою очередь, торопится сообщить, чѣмъ и когда барыня заявила себя съ хорошей стороны.

Егорushка тоже отдаетъ свою дань—нахмурить брови, надуетъ щеки, отчего его рожица необыкновенно солидна, и тонъ—противъ такого авторитета уже ничего не скажешь:

— О балынѣ нечего толковать: холосая балыня! Сколо у меня каталакта наклеится—опять мнѣ колобку конфетъ. И всегда говорить: не кличи, а то конфетъ не дамъ!

Потомъ помолчить. И должно быть, изъ Егорushки выйдетъ порядочный рыцарь—немного обиженно, онъ улыбается и заканчиваетъ:

— Я и безъ конфетъ не стану кличать. Да... Лазъ плюсятъ: не кличи—ну и не кличи!

Я балыню люблю!

Одинъ за другимъ засыпаютъ старики.

Егорushка передъ сномъ любить понѣжиться и насладиться своимъ житьемъ-бытьемъ въ больницѣ—она его не тяготитъ.

Дома ему много хуже:

— Нѣтъ говядины, нѣтъ ситнаго, да и лемнемъ бьютъ.

Онъ не любитъ гадать о томъ, когда его выпишутъ, и не любитъ слушать, когда ему больные наговариваютъ, что его скоро вылечутъ и отправятъ домой.

Хмуритъ брови, уткнется въ полъ глазами и утѣшается:

— Не выпишутъ! У меня сколо опять каталакта наклеится.

Ему уже сдѣлано пять операций, предстоитъ

последняя, а онъ убѣжденъ, что впереди операций много:

— У меня каталакта наклеивается на глаза казую недѣлю. Какъ-же меня можно выписывать?

А когда его настолько сильно разубѣдятъ, что онъ начнетъ сомнѣваться въ безконечности „наклейки каталактовъ“—у него уже готовъ другой планъ:

— А я все таки домой не пойду! Скажетъ балыня: Еголуска, на выписку надо. А я: не пойду! Оставь меня балыня. Дома у меня плямое безоблазіе! Не мозетъ Еголуска зить дома. Лемнемъ бьютъ и полицій нѣтъ.

Не напугаютъ Егорушку и тѣмъ, что ему тогда негдѣ будетъ спать,—койку отнять и отдать другому больному, отнять и порціи—онъ и тутъ находится:

— А я буду съ кѣмъ нибудь спать.

— Никто тебя не приметъ.

— Ну, подъ койкой буду спать. А полиціи—тотъ немного дастъ, длугой—вотъ я и сытъ.

Лежить Егорушка наслаждаясь безпечальностью больничнаго житья—и его «завтра» настраиваетъ на радужный ладъ—вѣрить, что его не выпишутъ и строить планы:

— Много всякаго добра у меня. Все массажкомъ залаботалъ. Когда блатъ изъ делевни плѣдетъ—отослю все добро съ нимъ. У меня еще будетъ.

Вотъ уже у него сладко смыкаются глаза—тутъ

онъ почему-то впадаетъ въ религіозный ражъ,—смотреть благоговѣнно въ потолокъ и невѣдомо кому внушаетъ:

— Мы ничего не знаемъ, а Богъ все знаетъ.

Мы глѣсники, большіе глѣсники—поэтому мы ничего не знаемъ. Не надо глѣсить!

Уснулъ и Егорушка.

Молодежь сбилась въ столовой—играетъ въ дураки и въ свои козыри.

Азартъ невѣроятный, чудовищный, возможный только въ больницахъ и тюрьмахъ.

Карты замызганы до того, что ихъ страшно взять въ руки. Игроковъ это нисколько не смущаетъ: свирѣпо муслять во рту пальцы и, все-таки приходить въ отчаяніе: карта скользить, неотдирается отъ другой!

Изъ трехъ лампъ горитъ только одна. Когда горятъ всѣ три—на столовую освѣщенія достаточно: весело, свѣтло, обширность и высота говорятъ о томъ, что это нѣкогда бывшая большая зала, какого нибудь важнаго титулованнаго лица. Въмѣсто когда то порхающихъ, изящныхъ женщинъ, выхоленныхъ мужчинъ—теперь странныя и жуткія фигуры.

Полусвѣтъ и полумракъ, какъ въ тѣхъ темныхъ кельяхъ, часовняхъ, гдѣ едва теплится одна лампада.

Азартъ—безъ шума. Льется непрерываемо одинъ только звукъ—быстрый шипящій шепотъ.

Двигаются, дергаются и кривятся губы. Рѣз-

кими движеніями подаются впередъ, откидываются назадъ, извиваются и кривляются тѣла. Лица, то утопаютъ въ тѣни, — съ жаднымъ, напряженно-нестественнымъ вниманіемъ стараются разглядѣть карты, — то отрываются отъ картъ и дикими гримасами живетъ лицо, отражающее радость, злобу, гнѣвъ, отчаянія и смѣхъ беззвучный.

Кончили игру: какая-то безобразно-чудовищная, желтѣющая свалка фантастическихъ существъ, со свирѣпыми жестами, грубыми толчками, съ прорывающими изъ шопота возгласами упоенія побѣдой и отчаяніемъ пораженія. — Карты лежатъ на столѣ и 8 или 10 человѣкъ тѣсно, толкая въ пылу азарта другъ друга, сбились надъ ними и разбираютъ: почему проиграна игра, или почему выиграна.

Разбираютъ столько, сколько не шла сама игра. Кончили — начали другую.

Идетъ въ уборную какой-нибудь слѣпецъ. Идетъ и сбился. Каждый день онъ изучаетъ, гдѣ и куда долженъ быть поворотъ, сколько шаговъ въ его палатѣ отъ его койки до выхода, потомъ въ столовой, потомъ въ коридорѣ до уборной.

Обширность столовой глумится надъ слѣплыми больше всѣхъ другихъ помѣщеній: маленькое уклоненіе отъ изучаемаго пути — и человѣкъ безпомощенъ.

То ходить отъ стола къ столу, то натывается на стѣны, упирается въ углы, а нужной двери нѣтъ и нѣтъ.

Это самое жуткое, самое страшное, когда человѣкъ плутаетъ съ отчаянно вытянутыми впередъ руками, какъ чего-то ищущее привидѣніе.

Вотъ оно остановилось. Голова высоко поднята вверхъ, лицо — то скорбный, то суровый, то мятущійся ликъ, какъ на темныхъ старинныхъ иконахъ.

Игроки безучастны: не до этого! Иногда даже смѣются.

Вамолится слѣпенькій, если слышитъ шопотъ игроковъ:

— Братцы, проведите. Сбился: куда надо не пройдешь, и въ палату не воротишься. О, Господи! Тогда его проведутъ.

Является дежурная няня и гонитъ игроковъ по мѣстамъ.

Идутъ въ свои палаты, но взглянуть на койки и, въ тоскливомъ страхѣ бѣгутъ въ коридоръ.

— Съ ума сойдешь лечь съ этихъ поръ, — говоритъ Дениска: — Днемъ все ничего. А тутъ, какъ съ девяти-десяти часовъ уложишься — не спится и чего только въ башку не лѣзетъ. Безъ глазу — какое житье! Приѣзжай-ка въ деревню: самая послѣдняя дѣвка, — ты на нее раньше и смотрѣть то не хотѣлъ, наплюетъ на тебя: кривой!

Хмурится Дениска. У Саньки въ единственномъ глазу слезы. У остальныхъ еще глаза цѣлы, но надъ каждымъ угроза лишиться одного, а пожалуй, и обоихъ.

Угрюмо молчать.

Пытаются опять играть въ карты. Но въ коридорѣ холодно: азартъ стынетъ. Бросаютъ карты и... согрѣваются барыней!

Они дрожатъ, но говорить о ней долго. Все то же, что говорилось десятки и сотни разъ.

Лучше барыни не можетъ быть человѣка—только вотъ одно:

— Походка у ней некрасивая.

Такія милыя лица у этой темной молодежи изъ глухихъ деревень и фабрикъ; такъ страстно они желаютъ, что бы у барыни не было этой некрасивой походки!

Магическая сила барыня: поговорять о ней и спокойнѣе на душѣ у молодежи, уже безъ страха идутъ по своимъ мѣстамъ.

Литераторъ въ своей палатѣ сидитъ у окна. Денисъ, Санька, Курановъ вернувшись изъ коридора жмутся къ нему.

Смотрятъ на движеніе трамваевъ, на безконечный переливъ пѣшеходовъ по улицѣ, и вадыхаютъ завистливо.

Потомъ у Дениски вырывается:

— Эхъ, хотъ на минуточку бы тамъ побыть!

Литераторъ устало улыбается:

— Завидно, Маня?

— Понятно. Люди гуляютъ, а ты тутъ кисни.

— Далеко, Маня, не такъ. Многіе изъ этихъ гуляющихъ съ завистью посматриваютъ на наши окна: мы въ теплѣ, хотъ и плохо, но насъ кормятъ,

а тамъ много голодныхъ и на почъ угла нѣтъ. Иной такъ всю ночь и гуляетъ: лѣтомъ гдѣнибудь ткнулся и спалъ бы, а теперь, Маня, зима! Попробуй-ка, въ такомъ положеніи погулай,—тогда кое что и узнаешь.

Для Дениски, Саньки, Куранова—литераторъ авторитетъ. Завтра же они будутъ кому-нибудь съ глубокомысленнымъ видомъ повторять то, что слышали отъ него сегодня, но теперь имъ жалко отрѣшиться отъ иллюзіи, что тамъ за окнами то же не у всѣхъ веселье и счастье.

Они уходятъ къ другому окну.

Смотрятъ оттуда на улицу и изрѣдка тихо шушукуются. Часы бьютъ 11—они рѣшаютъ, что пора на покой. Идутъ къ литератору.

— Пойдемъ спать.

Онъ отмахивается рукой. Помолчатъ.

— А какъ ты думаешь,—спрашиваетъ Дениска:—Гдѣ теперь барыня?

Санька высказывается:

— Навѣрно, не спитъ. Тоже, поди, гдѣ нибудь гуляетъ по такимъ улицамъ. Огня-то сколько: какъ днем! При такомъ огнѣ наша барыня—ухъ, какъ красива!

Литераторъ даетъ совѣтъ:

— А вы завтра барыню спросите: гуляетъ-ли она по вечерамъ по такимъ улицамъ?

Мальчишки смѣшливо мотаютъ головой: „то же, сказалъ!“—и идутъ къ своимъ койкамъ.

Въ палатахъ тишина. Только гулъ движенія

трамваевъ, рѣзко звякающіе звонки, глухо врываются въ окна.

У литератора не лицо, а маска безсильнаго отчаянія: давняя печать усталости крѣпко наложена—дай все, чего онъ хочетъ—не дрогнетъ оно счастьемъ; наступить моментъ послѣдній гибели—не исказится оно страхомъ.

Его давить скука—давить до оупѣнія, до бѣшенства.

Онъ чувствуетъ, что если ни о чемъ не думать, съ нимъ можетъ случиться плохое: дикій хохотъ внутри мучаетъ его тѣмъ, что онъ не даетъ ему выхода.

Нужно въ этой тишинѣ хохотать и говорить: претворять мысли въ слова и слушать, какъ онѣ звучатъ въ тишинѣ. Такъ много этихъ мыслей: рождались и рождаются, но не высказываются, а хранятся въ тайникахъ мозга.

Онъ думаетъ, что человѣчество обьято вышнимъ родомъ безумія: одну сотую своего генія оно высказываетъ, 99 уноситъ въ могилу.

И онъ унесетъ. Унесетъ изъ боязни, что тупомынные безумцы назовутъ его безумцемъ.

Чувствуетъ литераторъ, что если ни о чемъ не думать,—отдаться только этому бурному, обаятельному желанію хохотать и претворять не высказанныя мысли въ слова,—съ нимъ случится плохое и, напряженіемъ всѣхъ силъ старается перевести свою мысль на то, отчего онъ страдаетъ: на скуку.

Онъ припоминаетъ больничный день съ самаго утра и упорно, тупо твердитъ себѣ, что и завтра и послѣ завтра будетъ все тоже,—все тоже, что и сегодня и вчера.

Будутъ маленькія, незамѣтныя перемѣны: когонибудь выпишутъ, на его мѣсто въ этотъ же день явится другой—такой же робкій, тусклый, человѣкъ безъ лица, какъ у того, который выписался.

Тамъ внѣ больничныхъ стѣнъ—они не такъ похожи другъ—на друга, у иныхъ свое, рѣзкое отъ другихъ лицъ—придутъ сюда, сбросятъ въ ванной вмѣстѣ съ своимъ платьемъ себя, надѣнутъ желтые, замызганные халаты, будутъ трепетать передъ наглою нянькой, подъ сухимъ и холоднымъ взглядомъ старшаго врача: всѣ будутъ покорно жаждаютъ исцѣленія—ради этого всѣ сразу подведутъ себя подъ общій ранжиръ безличныхъ больничныхъ лицъ.

Что же еще?

Будутъ пріемные дни. У рѣдкаго мужичка изъ какойнибудь глухой и отдаленной деревни не найдется въ этомъ городѣ землячка: придетъ къ нему этотъ землячекъ.

Всѣхъ навѣстятъ родные, знакомые, а его не навѣститъ никто. Развѣ изрѣдка въ недѣлю—въ двѣ разъ зайдетъ одна женщина, посидитъ пять-десять минутъ, зѣвнетъ и исчезнетъ. У него останется въ памяти ея лицо—скужающее, наси-

лучшее себя на это посѣщеніе и чувство: у него никого не было!

Онъ будетъ лежать пріемные часы на своей койкѣ, будетъ слушать, какъ тепло толкуютъ землячки, какъ рады посѣщеніямъ родныхъ и знакомыхъ больные и, чувствовать, что у него гордые, ничего не просящіе глаза, а внутри щиплющая боль, что ему некого ждать, что къ нему никто не придетъ.

Потомъ... потомъ и его выпишутъ. Сюда онъ пришелъ глубокой осенью въ осеннемъ пальто; теперь зима—онъ уйдетъ въ немъ, безъ кофѣйки въ карманѣ.

Что же еще?

Если онъ не погибнетъ по выходѣ изъ больницы—будутъ сырые подвалы, голодовки, муки: нужда не спутникъ творчества, голодный мозгъ не творецъ.

Въ прошломъ году онъ лежалъ однимъ глазомъ, теперь другимъ, не далеко, вѣроятно, время, когда придется попасть съ обоими—слѣпымъ. Стоить-ли?!

Стынетъ лицо литератора. Все больше и больше въ маску той усталости, когда нѣтъ уже силъ думать о своей гибели, когда гибель встрѣчается вздохомъ облегченія, улыбкой радости.

Тогда онъ идетъ на свою койку. Раздѣвается и смотритъ на ряды коекъ: въ жуткой неподвижности и тишинѣ лежатъ тѣла, точно трупы.

Онъ радъ за нихъ, что они такъ наивно вѣрятъ въ чудо завтра.

Онъ ложится. Хочется на чемъ нибудь отдохнуть.

Мысль о себѣ нестерпима. Ему кажется, что весь онъ изъ чего-то страшно чуткаго, звонкаго страшнаго, болѣзненнаго: чуть дотронься—боль зазвенитъ, болью прорѣжетъ все тѣло.

Нельзя думать о себѣ: онъ цѣпляется за барыню.

Миръ и благословенная сладкая тишина воцаряется въ большой душѣ литератора. Нѣтъ его—его прошлаго, настоящаго, будущаго,—есть одна только прекрасная женщина, о которой онъ грезить безъ мысли, безъ словъ: грезить однимъ только ея образомъ.

Уличное освѣщеніе ложится на стѣны палаты сонными тѣнями.

Смыкающимися глазами литераторъ силится смотрѣть на эти тѣни, но мягко и грузно падаютъ вѣки и уже не поднимаются. Онъ засыпаетъ—болѣзненнымъ нездоровымъ сномъ,—медленно, съ ощущеніями безконечнаго паденія куда-то.

И чудится ему, что вмѣстѣ съ нимъ падаютъ стѣны—бѣлыя стѣны, застывшія, какъ и онъ, въ сонныхъ грезахъ о барынѣ.

ВОЛНА.

СЦЕНЫ ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дозволено цензурою къ представленію 27 ноября 1908 года
за № 700.

Дѣйствующія лица.

Харцызовъ, Иванъ Семеновичъ, 35 лѣтъ. Богатый фабрикантъ. Ростомъ малъ, худъ. Одѣвается по послѣдней модѣ. Въ немъ всегда что-то противно-жалкое, исключая тѣхъ моментовъ, когда вопросъ идетъ о деньгахъ: въ такихъ случаяхъ онъ наглъ, самоувѣренъ.

Барвара, его жена, 28 лѣтъ, бывшая учительница. Выше средняго роста, брюнетка, очень красива, стройна. Одѣвается просто.

Аглая, сирота, дальняя родственница Харцызовыхъ, 22 лѣтъ.

Демида, дядя Барвары. Лѣтъ подъ 60. Средній ростъ, худощавъ, всѣ движенія такъ ловки, точно онъ юноша; всегда наблюдаетъ за всѣмъ и всѣми.

Ольга, сестра Харцызова, вдова 31 года. Пышная, красивая блондинка, грустное лицо.

Владимиръ, братъ Харцызова, 29 лѣтъ. Брюнетъ; лицо женственно-красивое. Взглядъ — странный: точно ищетъ на что бы опереться. Движенія, жесты, то небрежно изящны, то словно развинчены.

Ивинъ, бывшій учитель гимназіи 48 лѣтъ. Плотная, массивная фигура; на головѣ огромная всклокоченная копна темныхъ волосъ, что придаетъ ему угрюмый, дикій видъ. Въ фигурѣ и въ лицѣ есть что-то тяжелое, пришибленное. Одѣтъ небрежно.

Трубинъ, инженеръ, служащій на фабрику Харцызова, 36 лѣтъ. Смугль, черноволосъ. Гибкая сильная фигура. Говоритъ рѣзко, самоувѣренно. Одѣтъ, какъ рабочій: синяя блуза, широкій кожаный поясъ, простые сапоги.

Лѣсницкій, управляющій фабрикой Харцызова. Вдовъ, 40 лѣтъ. Сытъ, выхолентъ. Носитъ бороду.

Золинъ, студентъ-медикъ, практикующій при фабричной больницѣ, 24 лѣтъ. Крѣпкая, коренастая фигура, простое открытое лицо.

Поля, горничная, 26 лѣтъ.

Кучеръ, дворникъ, женская прислуга, рабочіе.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Двухъ-этажный каменный домъ съ балкономъ, выходящій переднимъ фасадомъ въ садъ, а одной боковой стѣной—къ зрителю. Передъ домомъ—широкая площадка. На ней—бассейнъ съ бьющимъ фонтаномъ; вокругъ бассейна—клумбы съ цвѣтами. По правую сторону бассейна, противъ балкона, подъ тѣнью липъ и березъ—столъ, стулья, кресла. За площадкой—аллея ведущая въ глубь сада. Площадка по вечерамъ освѣщается электрическимъ фонаремъ. Конецъ мая, 11 час. утра. На столѣ сервированъ чай. Варвара, сидя около стола, разсѣянно поглядываетъ на цвѣты. Владиміръ бродитъ вокругъ бассейна. Изъ дома вырываются аккорды рояля.

Владиміръ. (Какъ бы самъ съ собой) У кого-нибудь сейчасъ есть жизнь... Не такая, какъ у насъ, а настоящая жизнь. Да... Что здѣсь видишь? Словомъ,—фабрику, казармы рабочихъ. Это—какой-то чортовъ уголь, въ которомъ отъ тоски можно дойти до умопомѣшательства. (Пауза). Словомъ, надо поѣхать за границу.

Варвара. (Въ раздумьѣ). Да вы ужъ, кажется, года три собираетесь, да все какъ-то не можете собраться.

Владиміръ. Въ этомъ году непременно уѣду.

Аглая. (Выходитъ на балконъ и облокотившись на перила). Варя! Я сегодня познакомилась съ твоимъ дядей. Живой старикъ!

Варвара. Да, это въ немъ есть.

Аглая. Я даже удивилась: явился къ намъ около шести часовъ утра и говорилъ, что шелъ всю ночь, а соснулъ часа два, всталъ и попросилъ меня показать ему домъ, фабрику, казармы для рабочихъ.

Варвара. Онъ—любопытенъ.

Аглая. Очень. Все спрашивалъ меня: какъ, молъ, вы здѣсь, живете? А когда я рассказывала, что мы не живемъ, а только скучаемъ, смѣялся и говорилъ:—„Вы погодите! Я васъ всѣхъ расшевелю!“

Владиміръ. Что то сомнительно. Словомъ, мы всѣ вмѣсто жизни посѣяли здѣсь (съ безглагольнымъ чувствомъ показывая на домъ) что-то жалкое, противное. А пословица говорить: „что посѣешь, то и пожнешь.“

Аглая (нервно). Что у васъ за манера каркать? Если сами не вѣрите, что жизнь уже ничего хорошаго не обѣщаетъ, не мѣшайте вѣрить другимъ.

Владиміръ. Кто вамъ мѣшаетъ? Словомъ, вѣрьте съ Богомъ, я только высказалъ свое мнѣніе. А оно имѣетъ основаніе: люди мы, кажется, не считая моего брата, всѣ здѣсь сознательные: много читаемъ, думаемъ, и все-таки почему-то не можемъ додуматься до того, что-бы составлять

изъ себя группу людей, живущихъ дружно и разумно.

Аглая. (Насмѣшливо). Додумайтесь до этого и, пожалуйста, научите насъ.

Владиміръ. Нервничаете вы. Сыграйте-ка лучше что-нибудь. Я люблю слушать васъ.

Аглая. Почему именно меня?

Владиміръ. Вы своей игрой почему-то всегда оживляете мои воспоминанія о студенческихъ годахъ. Сыграйте!

Аглая. Нѣтъ желанія.

Владиміръ. Да? (останавливается и въ раздумьѣ) „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы.“—Люблю я это стихотвореніе. Что-то чистое, юное, хорошее вспоминается... Словомъ,—вспоминается то, что никогда не вернется... (возбужденно) „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы... были розы... Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!“

Аглая (со смѣхомъ). А хорошо вы декламируете.

Владиміръ. Не смѣйтесь. Не смѣйтесь. Я это стихотвореніе глубоко чувствую и понимаю.

Аглая (многозначительно). О, еще-бы!

Владиміръ (смотреть на Аглаю и въ раздумьѣ). Что это значить? (махая рукой). А впрочемъ, мнѣ все равно. У меня сейчасъ ни радости, ни печали... Словомъ,—ничего, исключая какого-то мертвящаго душу покоя... Почему? Не знаю. Вѣдь, вотъ по временамъ мнѣ хочется бури, ужасовъ, жизни... Словомъ,—хочется чувствовать, что я

живу, а не остаюсь за бортомъ. Да... А между тѣмъ...

Аглая. Варя, а Золинъ еще не былъ?

Варвара. Нѣтъ.

Владиміръ (рѣзко). Аглая. Я, кажется, съ вами говорилъ, а не со стѣной. Словомъ, — обрывать человѣка такъ — невѣжливо. Надо его выслушать.

Аглая (со скучающимъ видомъ). Къ чему мнѣ васъ слушать? Я и безъ этого всегда знаю, что вы въ концѣ концовъ скажете.

Владиміръ. Нѣтъ, не знаете. Напримѣръ, я... Словомъ, — я сейчасъ ничего не чувствую... А...

Аглая (нервно). Неправда! Этого никогда не бываетъ...

Владиміръ (съ недоумѣніемъ). Чего? этого?

Аглая. А вотъ, что-бы у человѣка въ какую-либо минуту не было никакого чувства. Можетъ быть, — радость, печаль, грусть, горе, но полного отсутствія чувствъ я не понимаю.

Владиміръ. Гдѣ вамъ понять. Вы ничего подобнаго тому, что пережилъ я, никогда не переживали.

Аглая (съ ироніей). Это — истина. Но если-бы представилась возможность пережить тоже, что и вамъ, я бы не пережила, такъ какъ этого не хочу.

Владиміръ. Не спорю: можетъ-быть, вамъ когда-нибудь и было тяжело, но не настолько, что-бы вы утратили способность радоваться и

печалиться. (Нервно). Словомъ, — что тамъ? Вы меня никогда не поймете! Вы всегда, что вамъ не понятно, отрицаете такъ: (дразнить) „Этого никогда не бываетъ! Этого никогда не бываетъ!“

Аглая (умиленно спокойно). А вы не раздражайтесь.

Владиміръ (повышая тонъ). Вы меня не дразните. Да... Словомъ, — я шутить собой не позволю!

Варвара (наливаетъ чай — къ Владиміру). Вотъ что: пейте-ка лучше чай.

Владиміръ (грубо). А если я не хочу?

Варвара. Чего же вы хотите? Ссориться?

Владиміръ. Что это за жизнь? Словомъ, — кругомъ ни одного сочувствующаго тебѣ человѣка. Поневолѣ отъ такой жизни будешь пить.

Варвара. И пейте.

Владиміръ. Вы этого хотите?

Варвара. Не хочу. Но если вы въ трезвомъ состояніи способны только на то, что-бы портить настроеніе другимъ, тогда лучше пейте.

Владиміръ. Нечего сказать: совѣтъ хорошъ! Эхъ... (ядовито) эхъ... Словомъ, — кругомъ ни одной сочувствующей души. Ну, и чортъ съ ними. (Уходитъ въ домъ).

Аглая (въ грустномъ раздумѣ). Да... Съ тѣхъ поръ, какъ я кончила гимназію и пріѣхала сюда, прошло три года. Въ эти три года жизнь показала мнѣ себя вполне, и я теперь думаю о ней иначе, чѣмъ думала на гимназической скамьѣ. (Ходитъ по балкону). Я чувствую, что жизнь мнѣ

здѣсь становится въ тягость. Здѣсь можно задохнуться. Одинъ Владиміръ чего стоитъ... Трезвый придирается на каждомъ шагу; полупьяный — ноетъ и безконечно объясняется мнѣ въ любви; а когда совсѣмъ пьянъ, нагло требуетъ отъ меня взаимности.

Варвара. Не упоминай ты никогда именемъ Золина. Это его раздражаетъ.

Аглая. Не могу. Раньше я старалась обходить всякія непріятности, а теперь... Если знаешь, что чѣмъ-нибудь человѣка разозлишь или сдѣлаешь ему больно, то такъ и порываетъ на это. (Исчезаетъ и сходить къ Варварѣ). Знаешь, Варя: я за послѣднее время начинаю бояться Владиміра. Ходить за мной всюду, какъ тѣнь...

Варвара. Да, остерегаться его слѣдуетъ. Онъ, мнѣ кажется, въ нѣкоторые моменты на все способенъ.

(Изъ дома приходитъ Ольга, Варвара и Аглая со скучающимъ и лѣнивымъ видомъ обмѣниваются съ ней поцѣлуями. Усаживаются къ столу. Варвара наливаетъ чай. Пьютъ).

Ольга (позѣывая). Скучища! (оживляясь). Да... вчера я была на именинахъ у исправника. Было много гостей. Много пили, но болѣе всѣхъ, какъ и всегда, отличился Ивинъ.

Аглая (разсѣянно). Чѣмъ?

Ольга. За десятирхъ пилъ.

Варвара. Жаль человѣка.

Ольга. И какъ ему не стыдно? Тянутъ ему со

всѣхъ сторонъ рюмки съ различными винами и со смѣхомъ: „Пейте! Пейте! Сегодня мы васъ до чортиковъ накатимъ!“ А онъ пьетъ одну за другой и поетъ: „Ну, ужъ гдѣ... этой водой-то? Да у меня отъ нея ни одинъ глазъ не замутится“. (съ грустью задумывается).

Аглая. Чѣмъ-же эта исторія кончилась?

Ольга. Тѣмъ, что выпилъ онъ не знай сколько и, на удивленіе всѣмъ пошелъ на своихъ ногахъ. (Изъ аллеи появляются Ивинъ и Золинъ. Здороваются съ женщинами).

Ивинъ. (къ Золину слезливымъ тономъ). Здоровая у меня, я тебѣ говорю, натура!.. Лошадиная натура! Не могу я упиться до состоянія, что бы мнѣ видѣлись райскія кущи...

Ольга. (раздраженно) Бросьте вы этотъ тонъ! Когда вы имъ говорите, люди незнающіе васъ могутъ подумать, что вы самый несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

Ивинъ. А я въ самомъ дѣлѣ таковъ и есть. (Къ всѣмъ) Знаете, господа, я несчастенъ тѣмъ, что не могу напиться до потери сознанія.

Ольга. По-просту — до свинства.

Ивинъ. Хотя-бы и такъ. (Садится къ столу).

Варвара. (налила Золину стаканъ и къ Ивину) Чаю хотите?

Ивинъ. Нѣтъ.

Ольга. (къ Ивину) Какъ это отвратительно! За послѣдніе два года вы сдѣлались въ полномъ смыслѣ пьяницей.

Ивинъ. Пьяницей? Хе-хе-хе. Стара штука! (встаетъ и подступая къ Ольгѣ) То, что я пьяница, это вы понимаете; а это вы можете понять: когда у человѣка—скудные впечатлѣнія до тоски, до отвращенія дѣйствительность, чѣмъ онъ долженъ жить? Ну-ка скажите!

Ольга. Почему я знаю.

Ивинъ. Ага! Не знаете. А какъ-же вы рѣшаетесь осуждать?

Аглая. А вы, Ивинъ, знаете?

Ивинъ. (отходить отъ Ольги и начиная прохаживаться около бассейна) Я знаю. Я пью и знаю. Кто это изъ писателей сказалъ, не помню: человѣкъ, у котораго въ жизни нѣтъ жизни, долженъ жить миражами. — Вѣрно сказано. У меня, господа, былъ нѣкогда пріятель. Бывало, пошлость, грязь, вообще, вся житейская мерзость шибко пришибетъ его,—онъ и запыетъ. Да какъ запыетъ!..

Ольга. (съ ироней) Неужели хуже васъ?

Ивинъ. На мѣсяцъ, на два. А когда кончить, мнѣ и говорить: „Что хочешь обо мнѣ думай, а я все-таки во время запоя жилъ. Понимаешь: жилъ и видѣлъ иной міръ, иныхъ людей“. Ну и начинаютъ рассказывать. Слушаешь его и голова, бывало, кружится. Страстно, страстно, хоть во снѣ или въ умопомраченіи хочется видѣть хоть частицу его пьяныхъ галлюцинацій. Да... Пойметъ онъ это и—шельмецъ! — примется меня убѣждать: „Давай, братъ, запьемъ. Поживемъ въ мірѣ грезъ. Вѣдь, здѣсь на землѣ, если мы съ тобой даже, молъ,

милліонъ лѣтъ проживемъ, но этого не увидимъ“.

Ольга. Какая чушь.

Варвара. Ну, вы, конечно, того... никогда не отказывались?

Ивинъ. Къ чему отказываться? Не отказывался никогда. Да только у меня ни чорта не выходило. Пьешь, пьешь, и все думаешь: вотъ осѣнить! И допьешься до того,—свалишься и дрыхнешь, какъ скотина, дня два.

Золинъ. Потомъ?

Ивинъ. Что потомъ? Потомъ проснешься, припомнишь и—ничего! Хоть бы сонъ какой видѣлъ или хоть чертей!—и этого нѣтъ! Эхъ-ма! (махнетъ безнадежно рукой) Лошадиная у меня натура! Слона скорѣе можно спонить.

(Изъ дому выходятъ Харцызовъ и Лѣсницкій. Оба полупьяны. Харцызовъ молча отвѣшиваетъ всѣмъ общій поклонъ и садится. Лѣсницкій здороваясь, съ преувеличенной любезностью всѣмъ говоритъ „Доброе утро“. Садится. Варвара наливаетъ имъ чай. Золинъ и Аглая встаютъ и уходятъ въ глубь сада.)

Харцызовъ. (къ Лѣсницкому) Такъ мы съ вами того вопроса не кончили.

Лѣсницкій. Онъ конченъ. А если вы не поняли—то повторяю: постоянной любви ни у кого не бываетъ.

Харцызовъ. (съ жаромъ) Есть! Докажу!

Лѣсницкій. Не докажете. У мужчинъ къ женщинамъ есть не любовь, а только временная привязанность... Нѣкоторые принимаютъ это за любовь. Но такой авторитетъ, какъ Шопенгауэръ,

говорить: „Женщины настолько разнообразны, что любить одну изъ нихъ постоянно нельзя“.

Ольга. (идко) И вы съ этимъ, конечно, вполне согласны?

Лѣсницкій. Согласенъ. Но...

Варвара. (рѣзко) Прошу безъ всякихъ „но“. Высказались—и довольно!

Харцызовъ. (къ Лѣсницкому) Продолжайте, почтеннѣйшій.

Лѣсницкій. И продолжаю. (къ всѣмъ съ циничной усмѣшкой) Такой любви, какая у большинства, я не знаю; моя любовь, — это красота сладострастія! И если-бы я высказалъ вполне эту красоту сладострастія—мѣщане назвали-бы это извращенностью чувства.

Харцызовъ. (снисходительно) Высказывайтесь, почтеннѣйшій. Хотя все, что вы скажете, я и безъ васъ знаю.

Ольга. (просто) Не ври, братецъ. Умно иногда говорить онъ (киваетъ на Лѣсницкаго головой) или нѣтъ—я не знаю. А то, что ты понимаешь не больше меня—знаю. Къ чему врать, что ты все знаешь?

Харцызовъ. (злобно) Прошу безъ замѣчаній! Я съ вами не говорю, почтеннѣйшая сестрица. (Къ Лѣсницкому снисходительно) Продолжайте, почтеннѣйшій. (Гордо) Мы съ вами—здѣсь только мы съ вами солидарны.

Лѣсницкій. (съ поклономъ) Благодарю, Иванъ Семенычъ. Но сейчасъ объ этомъ говорить не будемъ. Понять это сразу трудно. Здѣсь нужна

постепенность; нуженъ цѣлый послѣдовательный искусъ... Безъ него самыя высокія и красивыя формы сладострастія—инымъ могутъ показаться чересчуръ сильными, а иныхъ — и совсѣмъ оттолкнуть.

Харцызовъ. (сомодовольно) А меня напимѣръ? (Варвара угрюмо морщится. Иванъ и Ольга улыбаются).

Лѣсницкій. Васъ? (съ усмѣшкой) Васъ—не думаю. Насчетъ чего другого—вы недалеко ушли, но въ области половой этики — гораздо дальше тѣхъ бѣдняковъ, у которыхъ формы любви все тѣже, что были у Адама съ Евой.

Варвара. (быстро встаетъ—тихо) Боже мой... (къ Лѣсницкому) Наглецъ!

Харцызовъ. Варя! Ну, къ чему это? Такъ оскорблять? (къ Лѣсницкому) Голубчикъ! Вы не обижайтесь.

Лѣсницкій. (спокойно) Нисколько. Жизнь—вещь нешуточная и научить все глотать.

Харцызовъ. Въ сущности, моя жена не такая злая... Это она такъ... ради шутки... (самодовольно) Она у меня—экс-цен-трична!

Варвара. (взглянувъ на мужа и на Лѣсницкаго) Пошло. Отвратительно. (Идетъ къ дому).

Харцызовъ. Варя! Но Варя! (Демидъ выходитъ изъ аллея. Онъ въ бѣлой холщевой рубашкѣ, подпоясанъ узенькимъ ремнемъ, въ штанахъ изъ сѣраго сукна и войлочныхъ туфляхъ).

Демидъ. (раскланываясь) Вамъ отъ меня, православные мои, если захотите принять, — любовь

да совѣтъ, а мнѣ старику, отъ васъ, если уважите,—почетъ да привѣтъ!

(Варвара возвращается къ столу. Лѣсницкій и Ивинъ смотрятъ на Демидъ съ недоумѣніемъ).

Демидъ. (къ Варварѣ) А ну, племянница, угости-ка меня чайкомъ.

Варвара. (наливая чай — къ Ивину) Это мой дядя.

Ивинъ. Да? (къ Демиду) Здорово, старина!

Демидъ. Здорово, православный мой.

Ивинъ. „Православный“ (задумывается) Ты, дѣдъ, по святымъ мѣстамъ ходилъ?

Демидъ. Двадцать лѣтъ, православный мой.

Ивинъ. И ничего? Не усталъ еще?

Демидъ. Ну, вотъ. Что намъ дѣлается? Ходимъ по воздуху... пользительно и любопытно...

Лѣсницкій. Любопытно, говоришь? Стало быть, не мало кое-чего повидалъ.

Демидъ. (присаживаясь къ столу и принимаясь за чай) Да приходилось. Бывалъ вотъ я, на примѣръ, въ обоихъ Іерусалимахъ; бывалъ на Соловахъ, на Валаамѣ; и... вообще всѣ святые мѣста знаю!

Ивинъ. Ну?

Демидъ. И чудакъ люди: молятся всѣ одному Богу, а живутъ каждое мѣсто своими порядками, Казалось бы чего проще: святые мѣста,—ну и уставъ для всѣхъ одинъ... Куда! Всякъ гнетъ по своему.

Ивинъ. А почему-бы это такъ?

Демидъ. Навѣрно, потому что устава, должно

быть, такого, которымъ бы всѣ люди были довольны, нѣтъ. Ну, вотъ и ищутъ его.

Ивинъ. А ты, стариканъ, оказывается, интересенъ. (Демидъ не отвѣчая пьетъ чай) Не расскажешь ли намъ, дѣдъ еще чего-нибудь?

Демидъ. (глядитъ въ стаканъ) А что еще вамъ, православные мои, рассказывать? Покуда нечего. Вотъ когда поосмотрюсь здѣсь, тогда можетъ быть, чтонибудь и еще порасскажу... (Изъ дому выходитъ Владиміръ. Онъ слегка покачивается. По лицу видно, что выпилъ. Озирается по сторонамъ.)

Владиміръ. (бродитъ вокругъ бассейна и какъ-бы самъ съ собой) Скучно! Скучно здѣсь и невольно какъ-то всегда въ этой обстановкѣ задумываешься надъ своей жизнью. Что она? Словомъ,—она мнѣ представляется огромнымъ пустымъ пространствомъ, по которому я почему-то долженъ идти. Словомъ, мнѣ хочется отдохнуть... Но я иду, иду и мучительно думаю: куда я иду? зачѣмъ?—И не могу понять. Въ этомъ для меня... словомъ — ужасъ! (Пауза) Ивинъ, какъ это понять-бы?

Ивинъ. Что тутъ понимать? Ты одинъ изъ того множества людей, которые весь свой вѣкъ толкаются въ жизни безъ толку, безъ цѣли.

Владиміръ. Это я и безъ тебя давно знаю.

Ивинъ. А разъ знаешь, такъ и не спрашивай.

Владиміръ. „Не спрашивай“. Страшно. (подходитъ къ Лѣсницкому и съ брезгливой фамильярностью хлопая его по плечу) А скажите-ка мнѣ, почтеннѣйшій, женьться мнѣ или нѣтъ?

Лѣсницкій. Избави васъ отъ этого Богъ. Я однажды былъ женатъ и такъ учень, что другу и недругу закажу.

Ольга. (простоудшно) А какъ-же вы мнѣ какъ-то разъ говорили: бракъ, бракъ, бракъ...

Лѣсницкій. То тогда, а это теперь.

Харцызовъ. (къ Лѣсницкому) Стало-быть, солоно пришлось?

Лѣсницкій. Было. Все было. Работалъ, не падалъ силъ и здоровья, а только думалъ, что бы въ семьѣ ни въ чемъ недостатка не было. А что за это отъ жены получилъ — и вспоминать не стоить.

Харцызовъ. (глубокомысленно) Да, жены не считаютъ себя счастливыми и довольными оттого, что ихъ мужья на нихъ работаютъ.

Лѣсницкій. У нихъ на это есть такая логика: „Какое-же, молъ, тутъ счастье, что мужъ работаетъ на меня? Онъ обязанъ. На то, молъ, я и жена, чтобы онъ на меня работалъ и все мнѣ доставлялъ“.

(Харцызовъ встаетъ и ходитъ около стола. Владиміръ садится на его мѣсто).

Харцызовъ. Если-бы только этимъ ограничивалось, такъ это-бы ничего. Бываетъ хуже...

Лѣсницкій. Истину изволили сказать, Иванъ Семенычъ. И это „хуже“ бываетъ всегда такъ: мужъ отъ дѣлъ и заботъ вѣчно усталый, хмурый, а тутъ случайно наворачивается какой-нибудь

субъектъ... Занимательный онъ такой, веселый; избытокъ силъ такъ и кипитъ въ немъ...

Харцызовъ. (поглядывая на Варвару и ехидно) Такъ... такъ... Субъектъ вродѣ... нашего инженера Трубина...

Лѣсницкій. Я сказалъ: занимательный онъ...

Владиміръ. (усмѣхался) Ну-да. Понимаю. Словомъ, — сопоставить жена мужа съ субъектомъ и, субъектъ, конечно, окажется лучше.

Лѣсницкій. Еще-бы! Вѣдь онъ ни сѣтъ, ни жнетъ, а такъ, какъ пчела — налетитъ на цвѣтокъ, высосетъ весь сладкій ароматный сокъ и умчится дальше.

Варвара (къ Лѣсницкому). Почтеннѣйшій! И если-бы всѣ цвѣты были такъ просты и наивны, что позволяли-бы безъ разбору пользоваться собою всѣмъ пчеламъ, то, я увѣрена, что вы были бы изъ всѣхъ пчелъ самой жадной пчелой.

(Владиміръ, Ольга, Иванъ, неудержимо съ крикомъ „браво“ хохочутъ).

Харцызовъ (хватаясь за голову). Въ моемъ домѣ... при мнѣ... не стѣняются издѣваться надъ человѣкомъ, котораго я прошу бывать у меня.

Лѣсницкій (быстро вставая). Моя нога больше не переступитъ порога этого дома.

Варвара (къ Лѣсницкому). Этого давно всѣ хотятъ. И вы уже общались, кажется, разъ десять сюда не ходить, но всѣ свои обѣщанія должны быть забывали. Не забудьте хоть сегодняшняго обѣщанія.

Харцызовъ. (подступая къ женѣ). Какъ ты смѣешь...
Варвара. Прочь! (встаетъ). Жалкій!

Владиміръ (въ униссонъ). „Недоносокъ“.

(Лѣсницкій уходитъ).

Харцызовъ (хватая его за руку). Вы куда? Вы подождите! Я объяснюсь.

Лѣсницкій. Оставьте! Я все снесу безропотно, какъ христіанинъ.

Ольга (хохочетъ). Скажите!..—Это уже я отъ него второй разъ слышу. Онъ мнѣ одно время не давалъ проходу, ну, а я ему за это плюнула въ глаза. (Лѣсницкій сѣбно исчезаетъ въ домъ). Утерся онъ и совершенно спокойно: „Изъ любви къ вамъ и это униженіе, какъ христіанинъ съѣмъ“.

(Харцызовъ озирается по сторонамъ и не видя Лѣсницкаго быстро уходитъ за нимъ).

Ивинъ (къ Ольгѣ). А вы говорили объ этомъ старшему брату?

Ольга. Говорила.

Ивинъ. И что онъ?

Ольга. Ничего. Махнулъ рукой и заявилъ, что ему не до пустяковъ.

(Харцызовъ и Лѣсницкій вновь появляются изъ дому).

Харцызовъ (трусливо забѣгая впередъ). Но, почтеннѣйшій... Что-же это такое? Это безобразіе...

Лѣсницкій. Простите. Откровенно: этого я не ожидалъ...

(Изъ дому выходитъ Трубинъ; съ нимъ человекъ двадцать рабочихъ.—Они останавливаются плотной группой около басына).

Трубинъ (здоровается молча съ Варварой, Ольгой, Ивинымъ—и къ рабочимъ). Передъ вами—хозяинъ и управляющій. Я при нихъ заявляю, что вы правы. Требуйте свое.

Одинъ изъ рабочихъ. Г. хозяинъ. За что же насъ управляющій уволилъ?

Нѣсколько голосовъ. (сдержано) Такъ нельзя.—Несправедливо.—Вины за собою не знаемъ.

Лѣсницкій. Уволилъ васъ, голубчики за неблагонадежность. (Злобно) Да наконецъ: какъ вы смѣли сюда явиться, хамы.

Голосъ. (глухо). Самъ хамъ.

Харцызовъ. (къ Трубину) Но, какъ вы осмѣлились ихъ сюда привести?

Трубинъ. (Подходя къ Харцызову и—тяжело). Прошу со мной такимъ тономъ не говорить.

Харцызовъ. (отступая отъ Трубина и къ рабочимъ) Братцы! Здѣсь не мѣсто для объясненій. На это есть контора.

Трубинъ. (къ рабочимъ) Требуйте свое здѣсь. Въ конторѣ ждетъ васъ одна трата времени.

Голоса рабочихъ (возбужденно). Вѣрно!—Знаемъ мы вашу контору!—Чего тамъ: пишите: выдать постольку-то—и баста.

Лѣсницкій (къ Трубину). Вы, милостивый государь... Это что такое? Поводъ... науськиваніе къ бунту?

Трубинъ (дѣлая шагъ къ Лѣсницкому и смотря на него въ упоръ), Ну?

Лѣсницкій ... Съ позволенія Ивана Семенна... А потомъ... вы не смотрите на меня такъ... я не звѣрь.

Трубинъ (еще ближе). Ну? (Лѣсницкій пятится назадъ).

Харцызовъ (къ Трубину визгливо). Но позвольте! Кто здѣсь хозяинъ? Я? Какъ смѣете?

Владиміръ (багровый отъ гнѣва вскакиваетъ и подбѣгаетъ къ рабочимъ). Въ чемъ у васъ дѣло?

Одинъ рабочій. А въ томъ: невѣдомо за что рассчитали насъ. Ну, мы того... какъ это слѣдуетъ по правилу: требуемъ, чтобы намъ уплатили за двѣ недѣли.

Владиміръ (къ Харцызову). Выдать!

Харцызовъ (съ полнымъ самообладаніемъ). Ха! Ты кто такой? Я здѣсь хозяинъ.

Владиміръ. Я такой-же наследникъ, какъ и ты. Словомъ...

Харцызовъ (перебивая). Да. Но твое дѣло—сторона. Отецъ фабрику довѣрилъ мнѣ. Вотъ когда умру, тогда хозяйничай, какъ тебѣ угодно.

Владиміръ. Фабрика—милліонное дѣло, а ведется тобой какъ? Словомъ,—безпорядокъ, грабежъ.

Лѣсницкій. (къ рабочимъ) Голубчики! пойдете въ контору. Тамъ все уладимъ.

Трубинъ. Не уходите.

Рабочіе. (все) И не пойдёмъ.

Владиміръ (къ Харцызову). Что ты сдѣлалъ съ фабрикой? Словомъ,—позоръ!

Харцызовъ (самоуверенно). Я знаю, что дѣлаю.

Владиміръ. Отцомъ была заведена школа—ея нѣтъ; была образцовая больница, а теперь при ней нѣтъ даже врача.

Варвара (съ презрѣніемъ къ мужу). Отецъ твой былъ хотя и кряжистый человѣкъ, но обчета рабочихъ у него не бывало. А у тебя—обсчитаны, обворованы тобой и твоимъ управляющимъ каждый мѣсяцъ.

Владиміръ (угрожающе подступая къ Харцызову). Что тутъ говорить? Словомъ,—прошу рабочимъ деньги выдать!

Харцызовъ. А вотъ не выдамъ.

Владиміръ (сжимая кулаки). Не выдашь? Ты... кто ты? Словомъ—жалкій недоносокъ.

Харцызовъ (злобно). Я! И ты смѣешь...

Владиміръ. Словомъ,—ты жалкій недоносокъ. (Рабочіе сдержанно улыбаются, Ивятъ, Трубинъ хохочутъ).

Харцызовъ (глядя на всѣхъ, смущается; потомъ на Лѣсницкаго и, видя на его лицѣ наглую улыбку,—жалко и растерянно) И вы? И вы?

(Все смѣются; Лѣсницкій злорадно улыбается).

Харцызовъ (къ Лѣсницкому злобно). Какъ вы, почтеннѣйшій, смѣли допустить такую несправедливость? (указываетъ на рабочихъ).

Лѣсницкій (злорадно). Этой несправедливости могло бы и не быть: я вамъ докладывалъ о ней недѣлю тому назадъ.

Харцызовъ. Докладывалъ? Ничего ты не до-

кладывалъ. Прошу немедленно рабочихъ удовлетворить. (Идетъ къ дому и останавливается у входа въ него).

Лѣсницкій. Мнѣ что? Я съ превеликимъ удовольствіемъ. Не изъ своего кармана плачу. (Вынимаетъ книжку, быстро пишетъ и отдавая рабочимъ листокъ бумажки). Идите въ контору. Тамъ получите!

Рабочіе. Давно-бы такъ. (Идутъ къ дому).

Харцызовъ (напыщенно). Г. Трубинъ. Черезъ два мѣсяца вамъ истекаетъ тотъ срокъ, который оговоренъ въ контрактѣ. Прошу васъ озаботиться пріисканіемъ себѣ мѣста. (Трубинъ занятъ разговоромъ съ Варварой, какъ будто и не слышитъ). А съ вами, г. Лѣсницкій, я тоже поговорю. (Къ рабочимъ). Господа, вышло недоразумѣніе! (Вмѣшивается въ нихъ кучу и исчезаетъ вмѣстѣ съ ними).

Владиміръ (къ Ивину). Хороша исторія?

Ивинъ (спокойно). А чѣмъ нехороша? Посмотрѣть любопытно.

Владиміръ (щелкаетъ себя по горлу). Словомъ — пойдемъ и забудемъ все?

(Ольга съ ненавистью взглянула на Владимира, быстро уходитъ въ глубь сада).

Ивинъ (вставая). Согласенъ. (Уходитъ въ домъ. Лѣсницкій присаживается къ столу, но замѣтавъ на себѣ взглядъ Трубина, вскакиваетъ).

Лѣсницкій. Фу! Дѣло еще есть. (Быстро уходитъ).

Трубинъ (вслѣдъ ему). Эхъ... трусь поганый.

Варвара. Раньше въ этомъ проклятомъ домѣ я тяготилась бездѣйствіемъ, потомъ появился

Лѣсницкій и внесъ въ него пьянство, пошлость, грязь... Я долго съ этимъ боролась, но затѣмъ устала. (Хватаетъ руку Трубина). Научите. Научите меня, что мнѣ дѣлать? Вѣдь это не жизнь, а какая-то страшная, однообразная мертвящая зыбь. Она укачиваетъ медленно-медленно, но навѣрняка! Научите!

Трубинъ. Вамъ надо набраться силы и рѣшимости и разомъ разбить эту жизнь. Такъ жить, какъ живете вы, можно только безсознательно. Но разъ вы сознали весь ужасъ, всю пустоту своей жизни, такъ уходите отъ этой жизни скорѣе. Бросайте все и уходите.

Варвара. Куда?

Трубинъ. На первое время хоть туда, откуда сюда пришли, а тамъ видно будетъ.

Варвара. А если я не въ силахъ?

Трубинъ. Тогда умрите! Къ чему такъ жить?

Варвара. Да. Жить такъ не къ чему. Но умереть — я малодушна. У меня рука не поднимется.

Трубинъ (спокойно). „Рука не поднимется“. Глупости! Вѣдь вы сознаете, что со временемъ эта жизнь пригнететъ васъ, придавитъ въ конецъ?

Варвара. Сознаю.

Трубинъ. Такъ что-же? Не лучше-ли разомъ все покончить, чѣмъ медленная и мучительная агонія?

Варвара. Нѣтъ. На это я не способна. (Пауза). Когда я была въ дѣвушкахъ учительницей, то

жизнь моя тогда казалась мнѣ красивой и содержательной. Трудъ для меня былъ удовольствіемъ, отдыхъ—наслажденіемъ, а тѣ часы, когда я на утянутыя отъ скуднаго жалованья гроши шла въ театръ или читала купленную книжку—блаженствомъ.

Трубинъ (холодно). Чѣмъ вспоминать,—не лучше ли прямо вновь вернуться къ такой жизни?

Варвара. Поздно. Я отвыкла отъ труда, боюсь лишеній. Поздно!

Трубинъ (угрюмо). Поздно? Исправить свою ошибку никогда не поздно.

Демидъ (вставая и подходя къ Варварѣ). Эхъ ты, дѣвонька! Какъ посмотрѣлъ я сегодня здѣсь, да послушалъ—нехорошо вы всѣ живете... (указывая на Трубина). Онъ кто такой? Чѣмъ онъ занимается?

Варвара. То-есть, какъ это „занимается“?

Демидъ. Ну,—служить, что-ли?

Варвара. Онъ, дядя, инженеръ. Это такой ученый, который машины строитъ...

Демидъ. Не говори, дѣвонька, не говори. Я знаю: онъ господинъ механикъ. И ты его слушай. Всегда слушай! Онъ дурному не научить.

Трубинъ (улыбаясь). Спасибо, дѣдъ.

Демидъ. За что спасибо? За хорошія твои рѣчи, хорошее о тебѣ слово. (Къ Варварѣ). Вотъ тебѣ, господинъ механикъ, насчетъ того, какъ тебѣ быть, говорилъ,—скажу и я: не то, дѣвонька, стыдно, что мы не хорошо живемъ, а то стыдно, что мы свою нехорошую жизнь ничѣмъ оправ-

дать не можемъ... Вотъ ты и подумай. А теперь... до свиданія дѣтки. (Кланяется и идетъ въ глубь сада).

Трубинъ (посмотрѣлъ Демиду въ слѣдъ). Постой, дѣдъ. И я съ тобой, (быстро идетъ за Демидомъ. Варвара садится и, положивъ руки на столъ, склоняетъ на нихъ голову).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Обстановка перваго дѣйствія. Вечернія сумерки. Аглая сидитъ около стола, Поля съ него убираетъ чайную посуду. Варвара тихо ходитъ взадъ и впередъ).

Аглая. Скучно. Страшно скучно!

Варвара. Пойди, прогуляйся.

Аглая. Куда?

Варвара. По саду. Или просто по улицѣ...

Аглая. По улицѣ я не люблю ходить, а садъ давно надоѣлъ.

Варвара. Тогда возьми у меня что-нибудь почитать. Я на дняхъ получила много книгъ.

Аглая. Почитать? Нѣтъ, не хочется.

(Поля забрала всю посуду, но многозначительно поглядывая на Варвару, уходитъ медлить).

Варвара. Вы, Поля, мнѣ чтонибудь имѣете сказать?

Поля. Да. Но вы меня, барыня... не выдадите?

Варвара. Говорите.

Поля (тихо). Вчера Иванъ Семенычъ, управ-

ляющий, и Владиміръ Семеновичъ ѣздили къ дѣвкамъ на село. Домой то ужъ въ 6 часовъ утра пріѣхали.

Варвара. Отъ кого вы это узнали?

Поля. Нашъ кучеръ ихъ возилъ. Онъ рассказывалъ, что у нихъ тамъ было.

Аглая. Что жъ у нихъ тамъ было?

Поля. Такія ужаси, что и не вѣрится, что господа могутъ такъ безобразить.

Аглая. А все таки, что-же?

Поля. Ухъ, барышня, что вы? Развѣ я могу говорить.

Варвара (хмурясь). Идите, Поля. Больше вы, не нужны. (Поля уходитъ).

Аглая. Ай-да Иванъ Семенычъ!

Варвара (спокойно). А тебя развѣ это удивляетъ?

Аглая. Нѣтъ—возмущаетъ. (вставая и нервно). Вообще: я не могу равнодушно смотрѣть на него при встрѣчахъ. Мнѣ такъ и хочется плюнуть въ его скверную, истрепанную рожу. Или, если бы передъ нами была грязная лужа, толкнуть въ нее его тощую, ошипанную и жалкую фигуру и сказать: „вотъ твое мѣсто!“.

Варвара (со смѣхомъ). Очень энергично!

Аглая. Я удивляюсь, какъ ты можешь быть спокойна?

Варвара. Его поступки меня и не удивляютъ и не возмущаютъ. Дѣло не въ нихъ... (сжимая голову руками — ввезапно со страстнымъ порывомъ). О,

эта жизнь здѣсь, безъ цѣли и надобности! Кажется, что я только съ пріѣздомъ дяди поняла, что я жила такъ себѣ, не зная — зачѣмъ, для чего? Какъ будто бы только теперь я додумалась, что жизнь безъ цѣли—гибель.

Аглая (удивленно). Какъ ты заговорила? Это я отъ тебя слышу въ первый разъ.

Варвара. Но у меня нѣтъ цѣли. Чѣмъ же жить? Зачѣмъ? Для чего? Нѣтъ ни желаній, ни стремленій, а когда вообразишь ихъ себѣ, хотя бы даже маленькія, кажется, что и они неосуществимы. Боже мой! Какъ было-бы хорошо, если можно было бы уйти отъ самой себя.

Аглая (обнимая и цѣлуя Варвару — горячо). Варя! Варя! Теперь ты мнѣ родная. Теперь я поняла, что у тебя тѣ-же муки, какъ и у меня. Я нѣсколько минутъ тому назадъ сидѣла и думала: живу, но зачѣмъ? Чтобы пожить. Но какъ? Что такое будущее—здѣсь—у насъ? Не то-же ли прошедшее, настоящее, но только въ иное время? Зачѣмъ же жить, если нечѣмъ жить?

Варвара (горько, словно эхо). Зачѣмъ же жить, если нѣтъ возможности жить настоящей жизнью, а не подобной смертью живого человѣка? Какъ подумаешь: чѣмъ жить въ этой жизни?—все становится противно. Думать? Но о чемъ? Строить замки—не можешь. И вотъ: вертятся въ головѣ мысли, но всѣ онѣ кажутся такъ пусты и ничтожны, что самой смѣшно заниматься ими. И уносятся онѣ куда то безъ слѣда...

Аглая (перебивая). Нѣтъ, у меня не такъ. У меня онѣ расплываются...

Варвара. Но довольно нѣтъ. Не будемъ, Аглая нѣтъ.

Владиміръ (выходя изъ дому). Сумерки! Что они въ меня вселяютъ? Словомъ,—не люблю я ихъ. (отвертываетъ выключатель,—площадка заливается свѣтомъ электрическаго фонаря).

Варвара (къ Аглаѣ). Я уйду.

Аглая. А мнѣ съ тобой можно?

Варвара. Нѣтъ. Мнѣ хочется побыть одной (уходитъ въ глубь сада).

Владиміръ (идетъ къ Аглаѣ). А не пройдемся ли мы съ вами?

Аглая. Не хочу.

Владиміръ. Мнѣ хотѣлосьбы поговорить съ вами.

Аглая. Говорите здѣсь.

Владиміръ. Здѣсь? (неожиданно) Мнѣ пришла въ голову мысль... Словомъ,—вы боитесь со мной быть въ темныхъ мѣстахъ?

Аглая (со смѣхомъ). Да, побаиваюсь. А потомъ и вы... вы боитесь не только темноты, но и сумерекъ.

Владиміръ. Да, когда одинъ—боюсь; вдвоемъ—нѣтъ.

Аглая (хочетъ идти къ дому). Ну, а я одна—не боюсь, а вдвоемъ—роблю.

Владиміръ (хватая Аглаю за руку). Нѣтъ не уходите. Я хочу съ вами говорить.

Аглая (вскрикивая). Ой, что вы? У меня руки не изъ желѣза. (повинуясь силѣ Владиміра, садится). Фу, какъ отъ васъ разитъ хмѣльнымъ!

Владиміръ. Это есть. Что я сегодня пилъ? Портвейнъ, коньякъ, пиво, водку. Словомъ,—пилъ все, что можно пить. А къ чему? Словомъ,—я хочу съ вами говорить.

Аглая (съ задоромъ). А если я не буду слушать.

Владиміръ (съ болью). Будете! Должны слушать! Знаете, мнѣ вдругъ страстно захотѣлось рассказать вамъ свою жизнь, показать свою душу Аглая! Знаете ли вы, что такое было мое дѣтство? Словомъ,—это была безпросвѣтно-тяжелая полоса, которая искажила во мнѣ все лучшее. Не было ни одной живой души, которая бы приласкала меня по-человѣчески въ бытность мою ребенкомъ. Самородка, взбалмошная мать, грубый, жестокий отецъ—что они мнѣ дали? Отецъ человѣкъ, жившій рублемъ и для рубля—не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія; мать—палкой и кнутомъ старалась воспитать изъ меня приличнаго негодяя.

Аглая. Пойдите. Къ чему...

Владиміръ. Молчите! Мнѣ было 12 лѣтъ. Я былъ смазливенькій мальчикъ. Меня приласкала скучающая вдовушка. А я... Словомъ,—я весь, весь отдался ей и такъ вѣрилъ—смѣшно, глупо, по-дѣтски,—и въ тоже время не по-дѣтски любилъ.

Позабавившись, со мной она со смѣхомъ прогнала меня и сказала, что я глупый фантазеръ изъ котораго... словомъ,—никогда ничего путнаго не выйдетъ. Каково это было мнѣ? (Пауза). Потомъ она вновь подошла ко мнѣ. Опять я два мѣсяца любилъ, вѣрилъ, а затѣмъ понялъ, что это та-же забава. Понялъ—и самъ отошелъ. (Сурово) А ну, прибавьте, что такія исторіи повторились еще нѣсколько разъ. Правда—не съ ней. Словомъ,—мѣнялись лица и детали а факты одни и тѣже.

Аглая. Къ чему вы мнѣ объ этомъ говорите?

Владиміръ. Къ тому: я не разъ слышалъ, какъ вы говорили, что я развратникъ звѣрь. Да, вѣрно. Въ 17 лѣтъ я началъ пить, развратничать; въ 17 лѣтъ мнѣ доставляло наслажденіе дѣлать людямъ зло. Правда, если-бы въ это время нашлись люди способные понять меня, приласкать, я, можетъ быть, былъ бы не таковъ, какъ сейчасъ.

Аглая. Приласкать? Затѣмъ? Затѣмъ, чтобы вы потомъ наиздѣвались всласть.

Владиміръ. Можетъ быть, и это. Не знаю. По крайней мѣрѣ, тогда такъ думалось.—Это было въ пору гимназическаго ученія. Бывало,—вспомнить страшно,—задыхаясь отъ озлобленія, я старался ударить челоуѣка въ самое больное мѣсто. Словомъ,—не было у меня ничего святого, любимаго.—А рядомъ съ этимъ, въ моей душѣ постоянно жила страшная, дикая боль одиночества. И стоило мнѣ хоть день остаться трезвымъ, она

доводила меня до ужаса, до изступленія, до галлюцинацій. Но рюмка, другая, третья коньяку, и все затихало! Словомъ,—ко всему являлось холодное, спокойно-злое безразличіе. А потомъ я узналъ, что морфій лучше коньяку—и сталъ морфинистомъ.

Аглая. И теперь продолжаете?

Владиміръ. Да, иногда. Былъ полный перерывъ на два года, когда я былъ студентомъ. Тогда меня любила одна дѣвушка, но она умерла.

Аглая. Такъ... Когда вы вспоминаете свои студенческіе годы, она связывается съ вашими воспоминаніями?

Владиміръ. Непремѣнно! Она. Всегда она! Словомъ,—вспоминается то, что никогда не вернется.

Аглая. А надъ ней вы тоже издѣвались?

Владиміръ. Да, иногда. Но я ее глубоко любилъ.

Аглая (тихо подавленно). Ужасъ какой-то. (Встаетъ и идетъ къ дому). Я не могу его понять.

Владиміръ. Не уходите. Я не все еще сказалъ. (Хватаетъ Аглаю за руку). Я зналъ десятки женщинъ...

Аглая. Оставьте меня, я не хочу слушать. Не могу.

Владиміръ (умоляюще). Выслушайте до конца. Можетъ быть, вы спасете меня...

Аглая. Едва ли это возможно. (Вырываетъ руку). Пустите. Я кричать буду. (Съ силой вырываетъ руку и

бѣжить въ домъ. Владиміръ съ секунду стоитъ съ протянутыми къ Аглаѣ руками. Видъ у него, дикъ, точно у больного въ бреду. Изъ глубины сада на площадку тихо идутъ Варвара и Ивинъ).

Владиміръ. Ивинъ, зайдемъ, пожалуйста ко мнѣ. Мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Ивинъ. О чемъ?

Владиміръ. Дѣло есть.

Ивинъ. Говори здѣсь.

Владиміръ. Ну, это совсѣмъ неудобно. Словомъ,—о такихъ вещахъ говорятъ только тому, кому довѣряешь.

Ивинъ. Не пойду. Я заранѣе знаю, что ты мнѣ скажешь что-нибудь скверное. Что я—помойная яма? Оставь меня въ покоѣ. У меня братъ, на душѣ своего хламу много.

Владиміръ. Тебѣ, Ивинъ... Словомъ, что бы ты не сказалъ, я почему-то все могу простить. (Беретъ Ивина за руку). Ну, пойдемъ!

Ивинъ. Не пойду.

Владиміръ. Ну, если не говорить, такъ пойдемъ пить.

Ивинъ. Для сего—вашъ покорнѣйшій слуга. (Идутъ въ домъ. Варвара, глядя на Ивина и покачивая головой, садится къ столу. Ивинъ и Владиміръ въ дверяхъ сталкиваются съ Харцызовымъ).

Харцызовъ. Вы куда?

Владиміръ (холодно). А туда, куда намъ нужно.

Харцызовъ (подходя къ Варварѣ. Видъ у него дѣланно-убитый. Говоритъ какъ бы самъ съ собой). У однихъ

жизнь испорчена, изломана, опошлена по ихъ винѣ; у другихъ она—полна роковыхъ случайностей.

Варвара (съ ироніей). Ужъ не у тебя ли?

Харцызовъ (напыщенно). Нѣтъ, пока не у меня. Но разъ я объ этомъ говорю, то, стало быть, у меня есть подобнаго рода опасенія. Я сейчасъ живу, впереди у меня какъ будто бы все ясно, хорошо...

Варвара. У тебя!—Какая глупость.

Харцызовъ (словно не слышалъ). ...но кто можетъ поручиться, что вдругъ не налетитъ откуда-то извнѣ темная, жестокая сила и не толкнетъ тебя безжалостно въ страшный жизненный водоворотъ?

(Ивинъ и Владиміръ показываясь на балконѣ).

Ивинъ (со смѣхомъ). О, Боже! Иванъ Семенычъ, что вы говорите? Вѣдь это все слова Лѣсницкаго. Я не разъ ихъ слышалъ отъ него.

Харцызовъ. Прошу, господа, быть поделкатнѣе. Не забывайте, что вы въ моемъ домѣ.

Владиміръ. (вспыльчиво). Прошу, почтеннѣйшій братецъ, не забывать, что домъ неисключительно твой! Словомъ,—я въ немъ тоже хозяинъ!

Ивинъ (смѣясь). Брось, Владиміръ. Не раздражайся. Пойдемъ-ка лучше тянемъ. (Скрываются).

Харцызовъ. Свиньи! (Къ женѣ). Вообще, Варя, я хотѣлъ сказать, что жить страшно. Куда не погляди... (третъ лобъ, какъ бы припоминая) вездѣ страшныя, непонятныя явленія жизни... да, жизни... и... нѣтъ, не то...

Варвара (со смѣхомъ) Забылъ? Ахъ ты, бѣдный! (Серьезно). Говори, что хочешь сказать, своимъ языкомъ.

Харцызовъ. Я и говорю своимъ. Вообще, мы живемъ не одинаковой, разной жизнью...

Варвара. Кто-же въ этомъ виноватъ?

Харцызовъ.. Объ этомъ я не буду говорить.

Варвара (подчеркивая). Объ этомъ,—именно объ этомъ и надо говорить.

Харцызовъ. Да? (робко). Ну, а если такъ, (смѣясь) то виновата ты.

Варвара (спокойно). Я? Такъ, стало-быть, для того, чтобы у насъ жизнь была не разная, а одинаковая, мнѣ нужно, какъ дѣлаешь ты—пить, ѣздить по ночамъ на тройкѣ въ деревню?

Харцызовъ. Варя! Варя! Не то. Не то я хотѣлъ сказать. Я хотѣлъ сказать, что мы оба виноваты... Я виноватъ тѣмъ, что не задалъ себѣ труда ознакомиться съ твоимъ нравственнымъ міромъ...

Варвара (иронически). Ишь ты.

Харцызовъ. (забываясь) ...міромъ мыслей и чувствъ. Это мнѣ, какъ говорить Лѣсницкій, надо было сдѣлать давно. Тогда-бы у насъ не было такой жизни. (въ упоеніи) Варя! Варя! Люби меня и знай, что, когда жизненные невзгоды дѣлаютъ два любящія сердца и, если они полны чувствомъ, что никто и никогда не можетъ разъединить ихъ, то имъ ничего не страшно! Люби меня! Люби! И тогда наша жизнь, если-бы она даже у насъ была и горемычная, безыдейная,

будетъ хорошая... (спохватываясь) Нѣтъ... не то... Я хотѣлъ сказать: будетъ лучше и краше, чѣмъ теперь... (хочетъ обнять Варвару).

Варвара. (вскакиваетъ, какъ обожженная) Прочь! Жалкій!

Харцызовъ. (разочарованно-съ недоумѣніемъ) Ужели и эти слова не тронули тебя?

Владиміръ. (съ балкона—невидимый) А чьи они? Это слова Лѣсницкаго.

Харцызовъ. (злобно—къ Владиміру) Ты... Ты негод... молчи.

Ивинъ. (тоже невидимый) Съ кѣмъ, почтеннѣйшій Иванъ Семенычъ, говорите? Съ балкономъ?

Владиміръ. А ну-ка, братецъ, добавь къ недосказанному слову „я“, и „я.. (угрожающе) Словомъ, —спущусь тогда къ тебѣ. (показывается на балконѣ).

Ивинъ. (появляясь за Владиміромъ и уводя съ собой) Брось, Владиміръ. Не раздражайся. Пойдемъ-ка еще лучше тянемъ.

Владиміръ. (исчезая съ Ивинымъ) Если-бы у этой гниды была сила? Словомъ,—онъ истеръ-бы меня въ порошокъ. (Варвара идетъ въ домъ).

Харцызовъ. (удерживая) Нѣтъ, подожди.

Варвара. (холодно) Что еще надо?

Харцызовъ. (грубо—со злобой) По закону—ты мнѣ жена. Ну, и будь въполнѣ ею. Съ тѣхъ поръ, какъ мы другъ другу чужіе, скоро два года. Мнѣ это надоѣло... Я требую...

Варвара. Вотъ—это истинно по-купчески. Раньше ты просилъ...

Харцызовъ. (перебивая) Да, просилъ. А теперь требую.

Варвара. Я тебѣ это раньше говорила, говорю и сейчасъ: я вышла за тебя потому, что ты богатъ. Хотѣла, при помощи твоихъ денегъ дѣлать добро бѣднымъ людямъ...

Харцызовъ. (убѣжденно) Миръ великъ, и всѣхъ не облагодѣтельствуешь.

Варвара. Женихомъ ты говорилъ: для добрыхъ дѣлъ денегъ не пощажу...

Харцызовъ. Мало-ли что говорится.

Варвара. (съ отвращеніемъ) Фу. (внезапно съ бѣшенствомъ) Когда вспомню, что ты мой мужъ, волосы хочется рвать на себѣ! А когда ты и я— вмѣстѣ на людяхъ? Если бы меня до нагара раздѣли и выставили передъ толпой мужчинъ, то и тогда бы я не переживала такого стыда...

(Идетъ къ дому. На площадку изъ-за деревьевъ появляется Демидъ и присаживается къ столу).

Харцызовъ. (робко забѣгая передъ Варварой) Варя. Варя. Я все сдѣлаю: ты когда то просила уволить Лѣсницкаго; тогда я не хотѣлъ—теперь уволью; денегъ на добрыя дѣла бери, сколько хочешь.

Варвара. (глухо) Не повѣрю,—обманешь.

Харцызовъ. Клянусь!

Варвара. Но если-бы ты и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ все, что обещаешь, — теперь поздно... (внезапно — голосомъ, близкимъ къ истерикѣ) Что ты за мной идешь? Куда идешь? Прочь!

Харцызовъ. (опѣшилъ, испуганно) Бога ради... такъ кричать?

Владиміръ. (выскакивая на балконъ) Въ чемъ дѣло? (глядитъ внизъ).

Ивинъ. (невидимый) Что за крикъ?

Владиміръ. (исчезая—насмѣшливо) Комедія! Словомъ,—недоносокъ ухаживаетъ за женой.

(Варвара исчезаетъ въ домъ. Харцызовъ возвращается назадъ).

Харцызовъ. (замѣтивъ Демиду) Старикъ. (злобно плачетъ) Видишь, какое мое житье? Братъ, родной братъ, такъ оскорбляетъ... И я ничего не могу противъ этого сдѣлать. Выгнать изъ дома—не имѣю права; драться съ нимъ—я культурентъ!

Демидъ. Если ужъ у васъ такіе нелады, такъ нѣтъ ничего проще того, чтобы раздѣлаться вамъ.

Харцызовъ. Какъ это?

Демидъ. Подѣли съ братомъ все имѣніе твое пополамъ.

Харцызовъ. (пораженный) Подѣлить имѣніе? Хмъ! (снижительно) Почтеннѣйшій,—ты глупъ.

Демидъ. (спокойно) Можетъ быть.

Харцызовъ. Развѣ моему брату можно довѣрить что? Онъ живо все спуститъ.

Демидъ. Да тебѣ-то, православный мой, какое дѣло?

Харцызовъ. Тебѣ этого, почтеннѣйшій, не понять.

Демидъ. (съ улыбкой) Ужъ куда мнѣ. Я чело-вѣкъ простой. Но все-же, православный мой, разъ

у васъ съ братомъ сейчасъ такіе нелады, то со временемъ не то еще будетъ.

Харцызовъ. Будетъ? (съ пафосомъ) Пусть будетъ, что будетъ! Мнѣ не миновать гибели въ этомъ темномъ, беспощадномъ омутѣ, именуемомъ жизнью. (переходя въ обычный тонъ) Да. Но кто виновать? Твоя племянница, старикъ. Она очень странный человѣкъ. Я ее никакъ не могу понять.

Демидъ. А ты, православный мой, хорошенько подумай, тогда, можетъ быть, и поймешь.

Харцызовъ. Подумай? Думалъ много! Она—груба, невоспитанна. Разбита жизнь, старикъ. Разбита!

Демидъ. А ты, православный мой, если мастеръ жить, сумѣй склеить.

Харцызовъ. (тупо) Склеить? Чувствую какую-то, почтеннѣйшій, несешь. Скучный ты старикъ!

Демидъ. Это оттого: люди мало веселятъ. (Харцызовъ идетъ въ домъ. Изъ него выходитъ Ольга. Они сталкиваются около бассейна.)

Харцызовъ. (останавливаясь—схидно) Почтеннѣйшая сестрица, а гдѣ вашъ возлюбленный педагогъ, г. Ивинъ?

Ольга. (устало) Отстань.

Харцызовъ. Не его ли вы, почтеннѣйшая сестрица, ищете?

Ольга. А если его, тебѣ какое дѣло?

Харцызовъ (расшаркиваясь). Повѣрьте—никакого! Жаль только васъ почтеннѣйшая сестрица:

вы за нимъ всегда бѣгаете такъ, словно кошка въ мартѣ за котомъ.

Ольга (оглядывая фигуру брата). Малъ ты, братецъ, плюгавъ, но вреденъ! Фу! (плюетъ).

Харцызовъ (запальчиво). Прошу, почтеннѣйшая, не забываться!

Ольга (идетъ къ Демиду). А что ты мнѣ сдѣлаешь? Выгнать изъ дому—домъ наслѣдственный, не имѣешь права; съ кулаками налетишь,—я женщина, тебя, какъ клопа раздавлю.

Харцызовъ (исчезая въ домъ—съ бѣшенствомъ) Акула!

Ольга (къ Демиду—позѣвывая). Добрый вечеръ, дѣдъ.

Демидъ. И тебѣ тоже. Што, скушно?

Ольга. Скучно, дѣдъ. Жизнь у меня невеселая. Она оборвалась какъ-то сразу, дико, нелѣпо. Видишь,—я молода еще, а уже пятый годъ вдовствую. Въ этомъ домѣ,—въ особенности осенью или зимой, я когда-нибудь съ ума сойду или повѣшу.

Демидъ. Ну, что ты такъ? А ты, дѣвонька, возьми, да закружись (показываетъ на пальцахъ) этакимъ волчкомъ въ свое удовольствіе... Ну, и повѣрь мнѣ: отудбишь!

Ольга. „Закружись... волчкомъ...“ (смѣется). А хорошо это. Соблазнительно! (серьезно). Да только, дѣдъ, что люди объ этомъ скажутъ? Или—развѣ отъ своей совѣсти потомъ куда уйдешь?

Демидъ. Люди? Совѣсть? Эхъ, дѣвонька.

Вотъ тебѣ скушно, а люди-то, вѣдь, твоей скуки небось разогнать не придутъ. Да не только разогнать: они даже объ этомъ и не подумаютъ.

О л ь г а. Ну, это, пожалуй, и такъ. А совѣсть?

Демидъ. Что совѣсть? Въ этакое дѣлѣ—въ твоёмъ дѣлѣ—совѣсть не нужна... Въ гробъ ты ее съ собой не положишь.

О л ь г а (изумленно). Какъ не нужна?! Стало-быть, можно развратничать сколько угодно—и ничего?

Демидъ. Ну, зачѣмъ, дѣвонька, развратничать? (немного затрудняясь). У тебя другое дѣло... (увѣренно). Тамъ человѣкъ отъ несчастья несчастенъ, а ты несчастна оттого, что сама себѣ жить не даешь. А ты поживи,—поживи дѣвонька, въ свое удовольствіе такъ, чтобы можно было себя послѣ этого уважать...

О л ь г а (третъ лобъ рукой). Уважать?

Демидъ. Ну, да. Ты только докумекайся, что я тебѣ говорю-то, а тогда... Человѣку міръ-то Божій кажется тогда только хорошъ, когда онъ веселъ, да доволенъ...

О л ь г а. Правда, дѣдъ! Когда-то, когда жизнь мнѣ казалась лучше, милѣе... тогда я была весела, добра.

Демидъ. Ну, вотъ видишь. (Пауза). Эхъ люди, люди... И ничего имъ такого, что у нихъ есть, многого и не надо... Надо, какъ-нибудь самому, а если возможность есть, и другимъ помочь,—полегче, да повольготнѣе до могилы добратся; а они,—нѣтъ: нагрузятъ себя всякимъ хламомъ,

какъ ломовую лошадь,—ну и везутъ, и стонутъ, да еще и жалуются... Чудаки неразумные!

(Ольга смотритъ внимательно на Демиду. Демидъ встаетъ и начиная прохаживаться поетъ: „Ничего мнѣ на свѣтѣ не надо, только видѣть тебя, голубь мой“).

О л ь г а. Веселый ты, дѣдъ... Ты не похожъ на другихъ богомольцевъ. Тѣ все или молчатъ, или о божественномъ говорятъ.

Демидъ. Ну, это они такъ... Настоящей-то вѣры у нихъ нѣтъ,—ну, они для видимости и такъ и этакъ святыми-то и прикидываются. Вотъ въ священномъ писаніи сказано: „Вѣра твоя спасетъ тя!“ Справедливо сказано. Кто вѣритъ, тотъ всегда веселъ—потому что знаетъ, что спасенъ будетъ...

О л ь г а. Я тебя, дѣдъ, что-то не пойму. Я вотъ тоже вѣрующая, а не весела.

Демидъ. Стало-быть, плохо вѣришь. Боишься своей вѣры.

О л ь г а, Вотъ, вотъ.

Демидъ. Этого не надо. Плохъ тотъ христіанинъ, который боится Бога... Отъ такихъ христіанъ большое зло въ жизни бываетъ. Ты, дѣвонька, если хочешь быть настоящей христіанкой, живи такъ: человѣка никогда и ни въ чемъ не обижай, а старайся помочь ему словомъ и дѣломъ. Больше отъ христіанина Богу ничего не нужно.

О л ь г а. Да?

Демидъ. Ты ужъ повѣрь мнѣ. На свѣтѣ, дѣвонька, много несправедливости расплодилось:

иной звѣрь, какъ вотъ здѣсь у васъ управляющій, сожретъ въ жизни такой кусъ, который-бы на десятирхъ хватило, а иной со своей совѣстью не стѣбъ въ жизни и своей законной порціи.

Ольга (неопредѣленно). Что-жъ мнѣ, дѣдъ дѣлать?

Демидъ (быстро). Перво-на-перво — отсюда уѣхать.

Ольга (оживляясь). Уѣхать? А знаешь дѣдъ: я вѣдь давно думала это сдѣлать. Скверно здѣсь жить.

Демидъ. Такъ чего-же: и уѣзжай. И поживи тамъ, куда уѣдешь-то. Ты, дѣвонька, помни всегда одно: тѣ годы, въ кои надлежитъ пожить, назадъ не возвращаются.

Ольга (въ раздумьѣ). Уѣду... (рѣшительно). Непремѣнно уѣду!

Изъ дому выходятъ Владиміръ и Ивинъ. Оба отъ выпивки возбуждены, Владиміръ пошатывается).

Демидъ. Если рѣшила, то такъ и дѣлай. Лучше этого, дѣвонька, ничего не придумаешь.

Ивинъ (къ Демиду). Здорово, дѣдъ!

Демидъ. Мое тебѣ почтеніе, господинъ учитель. (здороваются).

Владиміръ (къ Ивину). Ну, какъ же насчетъ того дѣла-то? Словомъ,—что ты мнѣ посоветуешь?

(Ольга садится и не спуская съ Ивина глазъ, наблюдаетъ за нимъ).

Ивинъ (съ недоумѣніемъ). Насчетъ какого дѣла?

Владиміръ. Ну, вотъ, что я тебѣ десять минутъ тому назадъ говорилъ.

Ивинъ. А-а... (рѣзко). Это, братецъ мой, не дѣло, а... мерзость!

Владиміръ. Ивинъ, къ чему такія... словомъ,—грубыя выраженія? Развѣ безъ нихъ нельзя обойтись?

Ивинъ. По мнѣнію другихъ, можетъ быть, можно, по моему нельзя.

Владиміръ. Я сознаю... Словомъ,—я противенъ, гадокъ... Но я хочу работать, хочу жить лучше. Но я не могу, не знаю, что мнѣ работать. Словомъ, я не знаю, какъ и чѣмъ оправдать свою жизнь.

Ивинъ (насмѣшливо). Ступай копай землю, коли дрова.

Владиміръ. Я чувствую, что я ничѣмъ не могу удовлетвориться въ жизни...

Ивинъ (къ Демиду). Вотъ, дѣдъ, посмотри на него. Что про него можно сказать?

Демидъ. Что? (Хлопая Владиміра по плечу—съ юношескимъ задоромъ). Эхъ ты, елка моя зеленая. Увязъ, братъ, ты точно въ трясинѣ. И хочешь выбраться изъ нея, а силенка-то у тебя жидкая, да и ту ты, какъ слѣдуетъ, во спасеніе себя употребить не хочешь. Какой толкъ? Тонешь глубже да глубже. Хочешь выручу? (обнимая одной рукой Владиміра). Послушай меня на благо себѣ!

Владиміръ (освобождаясь отъ объятій Демида, грубо). Прощу, старикъ, безъ нѣжностей. Я этого не люблю.

Демидъ. Эхъ, православный мой... плохъ ты,

да еще оказывается и съ шипами! Это для тебя очень нехорошо.

Владиміръ (къ Ивину). Пойдемъ.

Ивинъ (угрюмо). Прочь. Эхъ ты... плевели.

Владиміръ. Я съ тобой, кажется, [скоро разойдусь. Ты иногда бываешь прямо нестерпимъ. Словомъ, лучше быть совсѣмъ одинокимъ.

Ивинъ. Ты разойдешься? Врешь. Или—вѣрнѣе: не знаешь, что говоришь. Вѣдь мы тутъ всѣ одинокіе. Мы отошли отъ жизни, отъ людей, а жизнь, Владимиръ, этого безнаказанно не оставляетъ. Она любить въ людяхъ враждебную ей силу,—ту силу, которая грудью встрѣчаетъ ея удары. А тѣхъ, кто трусь, кто не живетъ, кто отлыниваетъ отъ живого дѣла, она презираетъ... Какъ презираетъ? Точно такъ-же вотъ, какъ и насъ. Жизнь уже намъ, Владимиръ, сказала свое: „прозябайте, молъ, вы одинокіе, безсильные, никому ненужные...“ (тише—съ болью). Да... Есть, Владимиръ, одиночество, невынужденное, а добровольное, не унижающее человѣка, но то одиночество, Владимиръ, не нашъ удѣлъ, а удѣлъ гордыхъ, сильныхъ людей.

Владиміръ. Да да... словомъ, я тебя понялъ. (Оглядываетъ домъ). Какъ я ненавижу этотъ домъ со всей его обстановкой. Словомъ, мнѣ здѣсь все до омерзѣнія противно!

Ивинъ. При чемъ обстановка, стѣны? Развѣ онѣ въ томъ, что мы таковы, виноваты? (Пауза). Эхъ, чортъ возьми! Знаешь, Владимиръ, иногда мнѣ по временамъ хочется, чтобы случилось что-нибудь

такое, отчего всѣ люди, подобные мнѣ, тебѣ твоему брату, Лѣсницкому, сразу умерли, а я умиралъ бы послѣдній, то я съ злобной радостью посвятилъ бы умершимъ и себѣ какую-нибудь ядовитую эпиграфю.

Владиміръ. А представь: я на эту тему тоже думалъ. И у меня даже есть сочиненная мною эпиграфя.

Ивинъ. А ну?

Владиміръ. Жизнь свою устроить мы не умѣли:

Нашъ итогъ—ничего ни себѣ, ни людямъ.

Словомъ, точно мы жили для цѣли—

Пойти на съѣденіе могильнымъ червямъ.

Ивинъ. А недурно! Главное—вѣренъ смыслъ. Вотъ никогда не думалъ, что ты способенъ стихи писать.

Владиміръ. Отъ тоски люди и въ петлю лѣзутъ. Да дѣло-то не во мнѣ, а въ тебѣ. Словомъ, неужели твоя жизнь въ прошломъ была такъ плоха, что ты можешь примѣнить къ ней мою эпиграфю?

Ивинъ. Она была лучше твоей. Но жизнь человѣка только тогда хороша, когда она имъ во всѣхъ отношеніяхъ разумно использована.

Владиміръ. Не пойму я тебя. Словомъ, ты обо всемъ судишь какъ-то легко, смаху. Сказать, что человѣкъ обязанъ жизнь использовать разумно—нетрудно. Научи-ка ты лучше меня, какъ это сдѣлать?

(Изъ дому вырываются нѣсколько аккордовъ рояля. Затѣмъ

слѣдуютъ артистически исполняемыя отрывки изъ ораторіи Шумана „Рай и Пери“ и 9-й симфоніи Бетховена).

Владиміръ (въ забытіи). Талантъ. У Аглаи большой талантъ.

Ивинъ. Чего тутъ учить? Найди себѣ дѣло. А впрочемъ—ерунда! Ты никогда и ничего не будешь дѣлать.

Владиміръ (разсѣянно, прислушиваясь къ музыкѣ). Вотъ, вотъ. Словомъ, къ большому дѣлу я не способенъ, а къ маленькому обидно и руки и голову прилагать. (Быстро, съ тоской). Не могу я... Не могу! (Вѣжливъ въ домъ).

Ивинъ. (Вслѣдъ ему). Конечно. Гдѣ намъ? Всѣ мы—ничтожныя, себялюбивыя, безъ любви къ какому-бы ни было дѣлу, не хотимъ удовольствоваться той ролью въ жизни, какая намъ по силамъ, по способностямъ, а предъявляемъ къ ней чортъ знаетъ какія требованія. (Кричитъ). Нѣтъ, ты сумѣй сдѣлать маленькое, а тогда ужъ и скажи: дайте мнѣ больше!

Ольга. (Къ Ивину). Ну, ну, не входите въ ражъ. Скажите-ка лучше, какъ научиться разумно жить.

Ивинъ (спадая съ голоса—лѣниво). Думайте. На это человѣку дана голова.

Ольга. Хорошо. Допустимъ, что человѣкъ рѣшилъ, что живя такъ, онъ будетъ жить разумно; но началъ этакъ жить и вдругъ понялъ, что самъ себя ввелъ въ заблужденіе, что онъ ошибся. Тогда что?

Ивинъ. Пусть ошибка послужить урокомъ.

Ольга. Но если такъ ошибешься многократно? Ивинъ (вяло). Ничего. Въ жизни учатся на своихъ ошибкахъ. Кто не ошибался, не заблуждался, тотъ въ жизни неопытный человѣкъ.

Ольга. (Вдругъ). Я хочу уѣхать отсюда.

Ивинъ. Что?

Ольга (взволнованно). Уѣхать отсюда хочу.

Ивинъ. Куда?

Ольга. Пока не знаю. Подумаю.

Ивинъ. Можетъ-быть, только этимъ и ограничитесь?

Ольга. Нѣтъ. Окончательно рѣшила.

Ивинъ (спокойно). Если уѣдете, буду за васъ радъ.

(Звуки рояля круто обрываются).

Ивинъ (съ горькимъ бѣшенствомъ). Замолкла. Когда слышу музыку—тоска! (Къ Демиду). Эхъ, старикъ... Посмотри здѣсь на насъ, мы не живемъ, не идемъ впередъ, а какъ будто-бы полземъ, по своему пути и видимъ, что у насъ не жизнь, а что-то такое, чему даже трудно подыскать точное опредѣленіе. Мы сознаемъ, что ползти дальше, это значить упасть въ какую-то темную бездну; сознаемъ, что надо найти другой путь. Но мы, старикъ, непростительно лѣнивы, неподвижны. Мы мертвы! Въ насъ нѣтъ такого духа, въ которомъ могутъ жить сильныя стремленія. Какъ жалкія, отвратительныя черви, мы создали себѣ грязное болото: копошимся въ немъ, живемъ, дышимъ его одуряющими испареніями. И, развѣ только изрѣдка выглядываемъ изъ

него: а нѣтъ-ли, молъ, у насъ подъ носомъ чистой лужицы? Для чего? Вѣдь, если таковую и найдемъ, то живо загадимъ. Не лучше-ли сразу утонуть глубже, съ головой...

Демидъ. Ну, вотъ. Эка ты, господинъ учитель, какъ отчаялся. Я тебѣ сейчасъ скажу... (Изъ дому слышенъ отчаянный женскій крикъ) Демидъ—(тревожно.) Эхъ, что-то тамъ неладно!

(Крикъ повторяется. Демидъ, Ивинъ, Ольга бѣгутъ къ дому. Изъ него навстрѣчу имъ выбѣгаетъ съ протянутыми впередъ руками и съ воплемъ: „Спасите!“ Аглая. Волосы ея въ безпорядкѣ; черная кофта на груди разорвана—виднѣется бѣлье, одинъ рукавъ у кофточки оторванъ прочь. Столкнувшись съ Ивинымъ, она падаетъ на колѣни, обхватываетъ его ноги и бьется въ истерику. Появляется изъ дому Харцызовъ).

Варвара. (выбѣгая изъ дому) Негодяй! (наклоняясь къ Аглаѣ) Ольга! Воды скорѣе! (къ Ивину) Надо ее перенести туда—къ столу. (Ольга бѣжитъ въ домъ).

(Ивинъ и Демидъ несутъ Аглаю къ деревьямъ и усаживаютъ на стулъ. Аглая затихаетъ. Появляется Ольга и Поля съ водой; мочатъ Аглаѣ голову, даютъ пить).

Демидъ. (къ Варварѣ—сурово) Ну, племянница, (указывая на Аглаю) смотри на дѣвушку. Что можетъ быть чище этого! Такъ-то вы здѣсь живете... (Владиміръ появляется на балконѣ—лицо дикое, голову сжимаетъ руками).

Харцызовъ. (къ нему) Ага! Изволили, почтеннѣйшій братецъ, явиться. Я недоносокъ... Но я никогда не распускалъ себя до насилія надъ дѣвушкой.

Владиміръ. (угрожающе) А ну, поговори. Поговори!

(При звукахъ голоса Владиміра припадокъ у Аглаи усиливается).

Варвара. Надо ее отсюда подальше. (Ивинъ и Демидъ несутъ Аглаю въ глубь сада. Всѣ—Варвара, Харцызовъ, Ольга, Поля слѣдуютъ за ними).

Владиміръ. (протягивая руки къ уходящимъ) Когда-то и я былъ болѣзненно-чутокъ къ пошлости, подлости, а теперь... Словомъ,—теперь ничего: ни стыда, ни раскаянія, одно только сожалѣніе о томъ, что все ограничилось неудачей. (Глухо рыдаетъ)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Около двухъ часовъ дня. Демидъ сидитъ подъ тѣнью деревьевъ въ креслѣ. Владиміръ тихо, иногда на секунду останавливаясь и озираясь по сторонамъ, бродитъ вокругъ бассейна).

Владиміръ. (какъ-бы самъ съ собой) Пустота. Скука. Словомъ—это не домъ фабриканта, а что-то такое противное, жалкое. Всѣ сидятъ по своимъ комнатамъ, другъ отъ друга бѣгаютъ. Я увѣренъ, что въ каждомъ грязномъ, тѣсномъ углу фабричныхъ моего брата гораздо веселѣе и уютнѣе, чѣмъ въ этомъ домѣ. (къ Демиду) Знаешь, старикъ: я—мужчина, но я тебѣ откровенно скажу, что по временамъ—особенно осенью и зимой—мнѣ въ

этомъ проклятомъ домѣ жить страшно... Сидишь въ своей комнатѣ, а тутъ еще вѣтеръ за окномъ бушуетъ, воетъ... Слушаешь—слушаешь его и вдругъ тебѣ представится, что ты не въ домѣ, гдѣ ты родился и выросъ, а въ какомъ-то этакое нечистомъ мѣстѣ, гдѣ ты долженъ непремѣнно пропасть и гдѣ надъ тобой уже заранѣе воютъ... Словомъ,—чортъ знаетъ, что такое! Такъ бы вотъ взялъ и сбѣжалъ отсюда, куда глаза глядятъ.

Демидъ. И сбѣги! Чего же? Пойдемъ со мной по святымъ мѣстамъ странствовать.

Владиміръ. Ну, къ этому не ощущаю въ себѣ ни малѣйшаго желанія.

Демидъ. Оно, православный мой, въ тебѣ, какъ видно, ни къ чему желанія-то нѣтъ.

Владиміръ. Твоя племянница, старикъ... Словомъ,—она очень нелюдимая женщина. Раньше у насъ бывало много знакомыхъ мужчинъ и женщинъ, а какъ она сдѣлалась женой моего брата, то черезъ годъ никто ни ногой.

Демидъ. Стало-быть отучила?

Владиміръ. Выходитъ такъ.

Демидъ. И хорошо. Непріятныхъ людей отъ себя надо держать подальше.

Владиміръ. Да? Знаешь что, старикъ? Я люблю стариковъ, охотно съ ними бесѣдную, но тебя... Словомъ,—тебя я почему-то не люблю.

Демидъ. Старики-то не всѣ одинаковые бываютъ.

Владиміръ. (угрюмо) Ты такой-же грубый, какъ и твоя племянница.

Демидъ. Это, должно быть, у насъ въ роду.

Владиміръ. Ты не видалъ сегодня Аглаи?

Демидъ. (оживляясь) Аглаи... Хорошая дѣвушка!

Владиміръ. Я тебя объ этомъ не спрашиваю.

Демидъ. И господинъ лекарь, который—я уже это замѣтилъ: постоянно за ней увивается,—умственный челоуѣкъ!

Владиміръ. Увивается, говоришь?

Демидъ. Да еще какъ!

Владиміръ. Я что-то этого не вижу.

Демидъ. Гдѣ тебѣ? Ты—слѣпъ. Ты себя, православный мой, не видишь...

Владиміръ. (въ раздумѣ) Не понимаю, какъ такой пенъ, можетъ увиваться. Я отъ него и слова-то, кажется, никогда не слыхалъ.

Демидъ. Говорить-то онъ, правда, мало. Онъ все больше молчить да думать.

Владиміръ. (злобно) Думаетъ? О чемъ онъ можетъ думать? Твой господинъ лекарь—грубый мужланъ. Трубинъ тоже сынъ мужика. Словомъ,—я ихъ понимаю... (грубо) Что-же я съ тобою говорю? Словомъ,—Аглаи не видалъ?

Демидъ. Нѣтъ.

Владиміръ. А не знаешь, гдѣ она?

Демидъ. А я почему знаю? Что я—сторожъ за ней?

(Владиміръ идетъ въ аллею, но при входѣ въ нее сталкивается

съ Варварой. Варвара возвращается съ купанья; через руку перекинуто полотенце. Съ секунду она смотритъ на Владиміра въ упоръ, съ отвращеніемъ. Владиміръ круто поворачивается и идетъ въ домъ, сильно хлопнувъ дверь. Варвара останавливается около Демида).

Демидъ. (кивая головой на Владиміра) Не любитъ онъ тебя, дѣвонька.

Варвара. Я это, дядя, знаю.

Демидъ. А за что?

Варвара. Подлѣ онъ. Съ первыхъ же дней, какъ я вышла замужъ за его брата, посмотрѣлъ на меня скверно, а я съ нимъ не церемонилась.

Демидъ. Стало быть, и къ тебѣ подкатывался?

Варвара (морщится). Было.

Демидъ. Да, дѣла... Да и муженекъ-то тебя того... Вотъ на дняхъ еще мнѣ на тебя жалился.

Варвара. Знаю. И это, дядя, знаю. (садится на стулъ.

Демидъ. Плохое тебѣ здѣсь, дѣвонька, житье.

Варвара. Не изъ хорошихъ. Молода была, неопытна. Не на ту дорожку напала.

Демидъ. Настоящій-то путь человѣку въ жизни сразу трудно замѣтить. А поживешь — увидишь.

Варвара. Думала, что—разъ буду богата—буду помогать людямъ. Вышло совсѣмъ не то: ни себѣ, ни людямъ.

Демидъ. Хуже этого мало что бываетъ.

Варвара. Ошибка моя, дядя, большая.

Демидъ. Да ужъ чего... Я даже того, какъ это ты на немъ обмишулилась, и не пойму.

Варвара (махая рукой). Вѣрила ему. Думала, что все, что говорилъ, правду говорилъ.

Демидъ. Напрасно. Въ такихъ людяхъ, на которыхъ бѣдный человѣкъ работаетъ, правда-то рѣдко уживается.

Варвара (вставая и хмуро). Словомъ,—какъ говоритъ Владиміръ,—ошибка моя, дядя, большая.

Демидъ (усаживая Варвару). Ты погоди уходить-то. А вотъ господинъ механикъ говоритъ, что тотъ и не человѣкъ, который свою ошибку не постарается исправить.

Варвара (оживляясь). Дядя! Нравится онъ тебѣ?

Демидъ. Кто? Господинъ механикъ-то?

Варвара. Ну, да.

Демидъ. Еще бы! Онъ-то, такой орелъ. Да если бы я былъ бабой, я бы за нимъ на край свѣта ушелъ.

Варвара (со смѣхомъ). А я вотъ, дядя, тоже... возьму да и уйду съ нимъ. Что ты на это скажешь?

Демидъ (внимательно вглядываясь въ Варвару). Что я могу сказать? Мое дѣло—сторона. То время, когда старики молодыхъ учили, отошло.

Варвара (обнимая Демида). Дядя! Дядечка! Какъ я тебя любила, когда еще была дѣвочкою.

Демидъ. А теперь развѣ не любишь?

Варвара. Нѣтъ—и теперь. Нельзя тебя забыть. Съ самаго ранняго дѣтства я помню тебя по отношенію ко мнѣ добрымъ, хорошимъ, ласковымъ.

Демидъ. Дѣточекъ нельзя не любить. Ты тоже тогда была хорошая, слушала меня... Послушай меня, старика, и теперь. Человѣкъ, дѣвонька, если онъ чего желаетъ, долженъ всегда сдѣлать, какъ ему хочется.

Варвара. Постой, дядя. Вотъ, на примѣръ, Владиміръ, мой мужъ, управляющій... Если они чего захотятъ, такъ они тоже должны сдѣлать?

Демидъ. Ну, вотъ кого взяла. Мы говоримъ—про человѣка. Примѣрно, вотъ ты... Будешь ты такъ жить, какъ живешь здѣсь,—а что отъ этого будетъ? Будешь всегда чувствовать непріятность, недовольство жизнью... Кому какая польза?—Ни тебѣ, ни людямъ.

(Изъ дому выходитъ Аглая и идетъ къ Варварѣ и Демиду).

Варвара. Это, дядя, такъ.

Демидъ. Ну вотъ. А если ты сдѣлаешь такъ, какъ тебѣ хочется, то и сама ты ублаговторена, и людямъ, глядишь, пользу принесешь. Человѣкъ-то, онъ только тогда полезенъ для другихъ, когда самъ удовольствіе отъ жизни чувствуетъ.

Аглая (подходя). Можно мнѣ побыть съ вами?

Варвара. Что за вопросъ? Пожалуйста. Особенныхъ секретовъ мы съ дядей не говоримъ.

Аглая (прохаживаясь). Золинъ тутъ не проходилъ?

Варвара. Не видѣла. (къ Демиду). А я, дядя, слышала такъ: въ несчастіѣ люди—овцы, а въ счастіѣ—волки.

Демидъ. Это вѣрно. Но не ковсѣмъ оно подходитъ. Иной—достойный человѣкъ,—ищетъ своего мѣста въ жизни, и если его не находитъ,—ему обидно; а ужъ коли онъ его разыщетъ—онъ себя оправдаетъ.

(Варвара задумывается).

Аглая. А въ томъ, что ты, дѣдъ, сказалъ, смыслъ есть. Я съ тобой согласна.

Демидъ (къ обѣмъ). Расскажу я вамъ сейчасъ одну исторію. Видѣлъ я разъ такое несчастіе: оторвался камень отъ скалы и полетѣлъ внизъ... А одинъ человѣкъ увидѣлъ это и—дай, молъ, я его остановлю. Ну, и всталъ камню на дорогу.

Варвара. А камень-то большой?

Демидъ. Не маленький.

Аглая. Вотъ безумецъ.

Варвара. Неужели онъ не понималъ, что камня ему не остановить?

Демидъ. Стало быть, не понималъ. Такъ и ты вотъ, про что я тебѣ говорю, не понимаешь.

Варвара (подумавъ). Да, ты эту исторію-то, дядя, вотъ къ чему приплелъ.

Демидъ. Что, раскусила? Такъ и ты: полетѣлъ твой мужъ подъ гору—на дорогѣ ему не становись (строго). Вѣдь ты ужъ не дѣвочка. Должна понимать, что сколько съ нимъ не живи, а поль-

зы ни тебѣ, ни ему... (хмуро) Можетъ быть, ты еще думаешь его спасти?

Варвара. Нѣтъ; объ этомъ давно не думаю.

Демидъ (сурово). А тогда къ чему же тянешь канитель? Стыдно!

Варвара (красная отъ стыда). Да, ты, дядя, правъ. (тихо) Я уйду отсюда.

Демидъ. Съ господиномъ механикомъ?

Аглая. Варя. Какъ бы я за тебя была рада.

Варвара. Нѣтъ, дядя, нѣтъ. Я уйду отсюда одна. Я буду, дядя, работать. Знаешь — я буду, какъ и прежде, когда была учительницей, — бѣдная, бѣдная.

Демидъ (почесывая затылокъ, разочарованно). А я думалъ — съ нимъ. Напрасно. Онъ — дѣловитый человѣкъ.

Варвара. А ты почему знаешь?

Демидъ. Ну? Пока здѣсь живу, каждый день на фабрикѣ съ нимъ вижу.

Варвара (грустно). Онъ меня, дядя, полюбить не можетъ. Развѣ такая, какъ я, ему нужна?

Демидъ. Ну, ну... Этого, дѣвонька, не скажи... (Изъ дому выходитъ Ольга, за ней — Владимиръ. Онъ — пьянъ).

Ольга. Что привязываешься? Почему я могу знать, гдѣ она?

Владимиръ. Врешь. Знаешь. Словомъ — ты знаешь, но не хочешь говорить. (видитъ Аглаю — останавливается). Ага! Вотъ, гдѣ вы? А я васъ ищу!

Аглая (холодно). Когда вы меня оставите въ покоѣ?

Владимиръ (усмѣхаясь). А этого я вамъ не скажу. (подходя ближе и серьезно). Здѣсь люди... (Косо поглядываетъ на Варвару и Демида). Но чортъ съ ними! Аглая. Не отталкивайте меня отъ себя. У васъ музыкальный талантъ, у меня — тоже. Словомъ — вы мнѣ родная натура! Пойдемте вмѣстѣ въ жизнь. Я буду работать... (Аглая отварачивается отъ Владимира, смотреть въ чашу деревьевъ).

Ольга (къ Владимиру). Иди. Иди отсюда. На тебя — до какой степени ты налился, — противно смотрѣть.

Владимиръ (желчно). И не смотри. Братъ тебѣ противенъ. А Ивинъ не менѣ моего пьетъ, а ты... словомъ — ты зришь на него безъ отвращенія.

Ольга. И буду взирать. Онъ лучше, чѣмъ ты.

Владимиръ. Желаю счастья! (къ Аглаѣ). Отвернулись. Словомъ, — не можете на меня смотрѣть. И не надо! Но я... Отнынѣ я при всякомъ случаѣ, когда вы будете съ этимъ мужикомъ — Золинымъ, я буду вслухъ напоминать... (Поворачивается и идя въ домъ) словомъ, что вы здѣсь — приживалка.

Ольга. Вотъ здѣсь и поживи. Нѣтъ, надо поскорѣе отсюда убираться.

Варвара (съ удивленіемъ). Куда?

Ольга. Я рѣшила уѣхать въ Полтаву. Тамъ у меня есть кое-какіе знакомые.

Варвара. Надолго?

Ольга. Туда—не знаю на сколько; но отсюда—навсегда. Что меня обязываетъ здѣсь жить?

Варвара. Да, конечно. Ты обезпечена.

Ольга. Мнѣ теперь просто кажется непонятно: ради чего я здѣсь жила года, скучала, смотрѣла на пьянство, на скандалы своихъ братьевъ? Словно свѣтъ-то для меня клиномъ сошелся.

Варвара. Почему ты надумала такъ сразу?

Ольга. Я не сама. (указывая на Демида). Меня вотъ, дѣдъ, надоумилъ. (обнимая Демида). Дѣдынька! Хорошій! Хочешь я тебѣ большой подарокъ сдѣлаю?

Демидъ (освобождаясь). Ну, ну. Какой подарокъ! Ничего мнѣ не надо. А если ужъ хочешь сдѣлать мнѣ подарокъ,—мой слова не забудь.

Ольга. Нѣтъ, нѣтъ. Я все, дѣдынька, помню! Я все, что ты говорилъ, обдумала.

Демидъ. Коли обдумала, такъ значитъ хорошо. Живи, сама себя не забывай, да и о другихъ людяхъ помни!

Варвара (порывисто обнимая Ольгу). Я за тебя Ольга, рада.

(Изъ аллеи появляется Золинъ).

Аглая (бросаясь къ нему). Какъ долго! Какъ долго! У, противный медвѣдь, гдѣ ты пропадалъ? (спохватываясь). Вы получили мое письмо?

Золинъ (смѣясь). Ты... Вы... (Серьезно). Да, получилъ (подчеркивая) твое письмо.

Аглая (тихо). Что же вы скажете?

Золинъ (просто). Что скажу? Да скажу, что то,

что ты предложила въ письмѣ, я предлагалъ тебѣ на словахъ раньше. А посему не надо бы тебѣ и писать, а встрѣтила бы меня и сказала: я согласна.

Аглая. Думала и такъ сдѣлать, да побоялась: а вдругъ онъ раздумалъ?

Золинъ. Ну, вотъ.

Аглая (ко всѣмъ—со счастливымъ смѣхомъ). Объявляю: (указываетъ на Золина). этотъ противный медвѣдь—мой женихъ!

(Ольга и Варвара брасаются къ Аглаѣ. Обмѣнявъ поцѣлуями).

Демидъ (подходя къ Золину—серьезно). Какъ будешь, господинъ лекарь, жить-то?

Золинъ. Просто, дѣдъ.

Демидъ. Сказано хорошо. А все-таки. Какъ ты думаешь про жизнь-то?

Золинъ. Жизнь, дѣдъ, вещь серьезная. Она точно темный и невѣдомый лѣсъ, въ который—какъ ни бейся, ни колотись—а итти надо...

Демидъ (качая съ одобреніемъ головой). Такъ... такъ, сынокъ. А дальше?

Золинъ. Живу я и вижу, что иные люди стоятъ передъ нимъ и думаютъ: „опасно въ него итти: дорогъ-то не видно“. А иные—посмѣлѣе—пойдутъ въ него, а пути-то не знаютъ. Тутъ бы имъ надо глядѣть въ оба, да въ оба, а они—струсятъ, растеряются и, зажмуривъ глаза, идутъ куда попало.

Демидъ. Такъ... такъ... Ну, а ты что будешь дѣлать?

Золинъ. Стоять, дѣдъ, на одномъ мѣстѣ не

буду... Пойду—не сроблю! Я, дѣдъ, здоровъ, молодъ. Люблю работать.

Демидъ (соединяя руки Аглаи и Золина). И идите, дѣтки! Протаптывайте пока узенькія тропинки,—другимъ ужъ слѣдъ есть,—а тамъ, какъ къ лѣсу-то попривыкнете и съ одного взгляда станете различать, гдѣ правая, гдѣ лѣвая сторона,—можетъ быть, найдете и большую поляну... А ужъ на ней—ширь, свобода... Есть гдѣ развернуться!

Барвара (съ восхищеніемъ). Ай, да дядя!

(Ольга и Аглая обнимаютъ Демида).

Ольга. Ты, дѣдъ, всѣхъ хорошо научишь; всѣмъ добра желаешь. И ласковъ ты ко всѣмъ.

Демидъ (освобождаясь отъ объятій женщины). Ну, ну... Не скажи, дѣвонька! Добра-то, правда, я всѣмъ желаю, но не ко всѣмъ ласковъ. (Золину). Ну, вотъ ты, сынокъ, понимаешь, что жизнь—вещь мудреная и что поддаваться ей нельзя. Пойми ты еще, сынокъ, и то, что лбомъ въ нее со всего размаха ударить,—иной разъ ухъ, какъ опасно... Иной человекъ не рассчитаетъ силы да крѣпости своего лба и... вдрыскъ расшибется!

Золинъ. Я этого, дѣдъ, не боюсь.

Демидъ. Зачѣмъ бояться? Надо дѣлать такъ: лѣзь впередъ смѣло, грудью, а когда поймешь, что не подъ силу: осади немножко назадъ, да помозгуй, что, молъ, и какъ? Въ этомъ, сынокъ,—все!.. Не всякую дугу силой гнуть: къ иной на помощь надо и умъ прибавить.

Золинъ (жметъ руку Демида). Спасибо, дѣдъ. Боль-

шое спасибо. Я твоихъ словъ не забуду. (Харцызовъ быстро выходитъ изъ дому. Онъ—сильно возбужденъ. Его никто не замѣчаетъ).

Демидъ (обнимая одной рукой Аглаю). Ахъ, ты, елка моя хорошая! И молодецъ же ты. Если бы былъ молодъ, самъ на тебѣ женился. (Вѣ смѣются).

Аглая (весело). А я бы за тебя, дѣдъ, пошла. Ей-Богу, пошла.

Демидъ (съ восхищеніемъ). Подвела ты меня!.. Здорово подвела! Я только было подумывалъ: а надо, молъ, ее подбить удрать отсюда. А она—на, поди! Безъ меня обошлась (указывая на Золина). А если бы его тутъ не было, тогда что?

Аглая. Все равно, одна бы отсюда ушла. У меня, дѣдъ, талантъ. Буду надъ нимъ работать.

Харцызовъ (идуща и такъ безпомощно, чуть не плачетъ). Господа. Господа. Что это такое? У меня при фабрикѣ контора... Но это не контора, а, какъ я сейчасъ узналъ,—пріютъ для шайки грабителей!

Золинъ. А атаманомъ ея—вашъ управляющій?

Харцызовъ. Да, да... И это я узналъ...(хватая руку Золина). Но дѣло сейчасъ не въ этомъ. На фабрикѣ чуть-ли не бунтъ... Мнѣ кричали: „Жуликъ“!—Вы мнѣ должны помочь!

Золинъ. Въ чемъ?

Харцызовъ. Успокоить рабочихъ. Васъ они любятъ. Должны сказать имъ, что я въ грабежѣ ихъ не виновенъ.

Золинъ (освобождая руку). Я этой каше не за-

вариваль, а посему и расхлебывать ее не желаю Харцызовъ. Но... (Изъ дому идетъ Лѣсницкій).

Золинъ. Не желаю слушать. Кстати: я имѣю вамъ заявить, что съ сегодняшняго дня больше у васъ не служу.

Харцызовъ. Почему?

Золинъ (сурово). Изъ рабочихъ очень много нервно-больныхъ, а у васъ при больницѣ нѣтъ самыхъ необходимыхъ медикаментовъ.

Харцызовъ. На этотъ счетъ вы должны были обращаться къ Лѣсницкому.

Золинъ. Обращался. Выслушалъ, и далъ такой совѣтъ: „Палецъ рабочій отшибеть—свинцовая примочка; простудился—хини; животъ болить—касторки стаканъ вдуть. Больше, по его мнѣнію, заводская больница ничего не должна имѣть. А между тѣмъ—эти нервно-больные... Сколько ихъ? и какіе?—Ужасъ! (съ бѣшенствомъ). Но что же я для нихъ могу сдѣлать? У меня даже валерьянка не всегда имѣлась!

Лѣсницкій (подходя и съ наглою усмѣшкой). Не волнуйтесь молодой человѣкъ. Скоро я для вашихъ нервно-больныхъ выпишу вамъ въ помощники профессора-невропатолога.

Ольга (къ Лѣсницкому съ поклономъ). Здравствуйте, пожалуйста!

(Идетъ въ глубь сада. За ней, въ моментъ сообразивъ ея выходку, быстро идутъ Варвара, Аглая, Золинъ. Харцызовъ тупо смотритъ имъ вслѣдъ).

Демидъ (вставая). Я жилъ лакеемъ у одного

барина. Онъ часто говорилъ два такихъ мудреныхъ слова. Скажу и я ихъ... (дѣлаетъ паузу, во время которой смотритъ то на Лѣсницкаго, то вслѣдъ уходящимъ). „Вотъ такъ географія съ исторіей“.

Лѣсницкій (со стиснутыми зубами). Ты...

Демидъ. Эхъ, православный мой. Какъ ты самъ себя уничтожилъ! Мужчина ты молодой, въ соку еще, а бабочки отъ тебя, словно отъ чумной собаки, бѣгаютъ. (качая головой). Нехорошо.

Лѣсницкій. Ты... старикъ! И такія слова...

Демидъ. Эхъ! Пойду-ка и я за ними. (уходитъ).

Харцызовъ (старается говорить холодно, официально, но злые нотки нѣтъ-нѣтъ да и прорываются въ его голосъ). Отъ одного вашего взгляда, почтеннѣйшій, всѣ сбѣжали. Какъ отъ чумной собаки! Это—здѣсь. А на фабрикѣ. Я сегодня все узналъ... Это возмутительно! Вы... (быстро) вы, почтеннѣйшій, всю контору, мою контору, набрали изъ жуликовъ и вмѣстѣ съ ними грабили рабочихъ, грабили мен-ня...

Лѣсницкій (смѣло). Но позвольте! Все, что вы сказали,—пустяки. Вы или невѣрно сами поняли, или васъ кто-нибудь науськалъ. Это я вамъ выясню все потомъ. А теперь у меня дѣло къ вамъ поважнѣе.

Харцызовъ. Никакихъ дѣлъ, почтеннѣйшій, разбирать я не хочу. Мнѣ совсѣмъ не до нихъ.

Лѣсницкій (спокойно). На фабрикѣ—съ рабочими бѣда; иду сюда, чтобы посовѣтоваться, а тутъ тоже попадаю въ неудачную минуту.

Харцызовъ. У меня нѣтъ неудачной минуты... У меня вся жизнь неудачная! (сдерживая себя). Но къ дѣлу. Къ дѣлу. Обстоятельства, почтеннѣйшій, теперь сложились такъ, что вы должны оставить управленіе моей фабрикой.

Лѣсницкій (пораженный). Что?!

Харцызовъ. Я, почтеннѣйшій, васъ увольняю.

Лѣсницкій. Но условіе... Вы о немъ забыли? По нему я имѣю право служить у васъ еще полтора года.

Харцызовъ (гордо). Я вамъ уплачиваю за нихъ полностью.

Лѣсницкій (думаетъ—и гордо). Не надо.. Я уйду безъ всякихъ уплатъ. Я хотѣлъ бы только знать:—конечно, если вы это найдете нужнымъ сообщить мнѣ—сами вы надумали меня уволить, или вамъ кто посоветовалъ?

Харцызовъ. Это, я думаю, почтеннѣйшій, вамъ безразлично.

Лѣсницкій. Пожалуй, что и такъ. (тепло). Итакъ,—я уйду. Но повѣрьте, глубокоуважаемый Иванъ Семенычъ, что изгнанный вами, я не буду питать противъ васъ ничего враждебнаго, кромѣ хорошихъ воспоминаній. Съ того времени, какъ я потерялъ свое состояніе и пошелъ служить, мнѣ много приходилось видѣть хозяевъ, но такого искренняго, безкорыстнаго, гуманнаго человѣка, какъ вы, я встрѣтилъ впервые.

Харцызовъ (снисходительно). Что вѣрно, то

вѣрно. Вы, почтеннѣйшій, понимали меня болѣе другихъ.

Лѣсницкій (вдохновенно). Какъ преданный вамъ человѣкъ, я хочу въ послѣдній разъ предупредить васъ, что вы окружены врагами... Вы должны быть осторожны. Очень осторожны! Вашъ семейный очагъ не застрахованъ отъ оскверненія... Ваша жена... Боже! Что это за женщина. Какіе у ней глаза...—обольстительные, манящіе! Смѣхъ... Она рѣдко смѣется, но онъ... серебристый, звонкій! А ея станъ, ея молодня, упругія, какъ будто бы вѣчно-дѣвственныя формы! И такую женщину—предупреждаю: вы можете потерять... Трубинъ, онъ...

Харцызовъ (похрустывая головою). Знаю. Знаю. Я это давно замѣтилъ. И давно этого боюсь...

Лѣсницкій. Запомните, глубокоуважаемый, Иванъ Семенычъ, что я вамъ сейчасъ скажу. Это трудно говорить, больно, но вамъ—вамъ я говорю это первому—я скажу. Мы по образу жизни далеко, далеко ушли отъ людей первобытныхъ временъ. У нихъ, когда у дикаря отбивали жену, онъ бросался на своего врага и, если былъ сильнѣе его, перегрызалъ ему горло зубами. А у насъ жена на глазахъ у мужа заводитъ амуръ, а онъ смотритъ и, благодушно улыбаясь, думаетъ: „Пускай-де немного поразвлечется“! Потомъ узнаетъ, что разлеченіе жены зашло слишкомъ далеко... (наставляетъ на своемъ лбу рога. Харцызовъ болѣзненно морщится). Узнаетъ и... молчитъ! Не возмущается! Ему

нельзя: онъ человѣкъ культурный и горло негодяю, который осквернилъ непорочность и чистоту его очага, перегрызть, какъ дикарь, не можетъ. Говорятъ: цивилизація, прогрессъ, культура очеловѣчили насъ. „Очеловѣчили“...—Васъ, глубокоуважаемый Иванъ Семенычъ,—это видно по васъ—да! а другихъ, хотя бы у всѣхъ тѣхъ, которые окружаютъ насъ, — гдѣ у нихъ нравственные устои?

Харцызовъ (какъ эх). „Гдѣ у нихъ нравственные устои?“ (оживляясь) Знаете, Лѣсницкій... черезъ мѣсяцъ я поѣду на съѣздъ фабрикантовъ-мануфактуристовъ. Къ тому времени мы съ вами должны заготовить рѣчь...

Лѣсницкій. Заготовимъ, заготовимъ.

Харцызовъ. И надо такую блестящую, какъ фейерверкъ. Понимаете? Я уже о ней подумываю. И вотъ это... да... Какъ вы сказали? Ага! „Нравственные устои“. Это надо непременно вклеить въ рѣчь.

Лѣсницкій. Вклеимъ. Рѣчь для насъ съ вами—пустяки! Главное: не забудьте того, что я вамъ говорилъ сейчасъ. Я самъ на себѣ это испыталъ. Я понялъ, поздно понялъ, что, если хочешь сохранить свою семью отъ распада, то временами надо быть рѣшительно-жестокимъ. Видишь, что въ домъ вошелъ не человѣкъ, а паразитъ, который только тѣмъ и живетъ, что подкапывается подъ семейные устои, немедленно, не обращая вниманія на протесты жены,—вонъ его!

Харцызовъ (со стономъ). Да... да... Я тоже такъ думаю... Но... я какъ-то на это не могу все еще рѣшиться.

Лѣсницкій. Пустяки. Вы хозяинъ въ своемъ домѣ. А хозяинъ только тогда хозяинъ, когда онъ, дѣйствительно, хозяйничаетъ въ своемъ домѣ, какъ хочетъ.

Харцызовъ. И я такъ думаю.

Лѣсницкій. Про Трубина я вамъ ничего не буду говорить: вы сами знаете, что онъ за птица. Помимо его вы должны еще считаться со старикомъ.

Харцызовъ. (Съ недоумѣніемъ). Съ какимъ старикомъ?

Лѣсницкій. Дядя вашей жены.

Харцызовъ. При чемъ онъ?

Лѣсницкій. Такъ вы не знаете, что онъ за гусь? Эхъ, вы, святая простота. Вы ни разу съ нимъ не говорили?

Харцызовъ. Говорилъ. Но особеннаго въ немъ ничего не нашелъ. Даже какъ будто-бы глуповать.

Лѣсницкій (улыбаясь). Это онъ такъ... прикидывается. (Изъ чаши деревьевъ выходятъ Иванъ и Демида. Идутъ къ дому). Вотъ онъ кстати и идетъ. Хорошо бы его сейчасъ позвать да потолковать съ нимъ. Я! какъ онъ разсуждаетъ, не разъ слышалъ.

Харцызовъ. Гдѣ?

Лѣсницкій. На фабрику.

Харцызовъ. (Изумленъ). Онъ и туда ходитъ,

Лѣсницкій. Къ Трубину, Какъ же, друзья? Водой не разольешь!

Харцызовъ. Вотъ оно что... (къ Демиду). Старикъ, поди-ка сюда!

Демидъ (останавливаясь). А на что я тебѣ, православный мой, нуженъ.

Харцызовъ. Скучно. Вотъ и хочу съ тобой поговорить.

Демидъ. О чемъ будемъ говорить-то?

Харцызовъ. Да о чемъ придется. (Демидъ идетъ къ Харцызову, Ивинъ за нимъ).

Ивинъ (къ Демиду). Сегодня съ ранняго утра, чтобы не тащиться сюда, пилъ изъ водки и пива стаканами ерша. Думалъ, что часамъ къ 12 дня буду безъ сознанія пьянъ, а вышло, что я—ни въ одномъ глазу. Дома—тоска. Притащился сюда. А что здѣсь? (безнадежно машетъ рукой). Лошадиная у меня натура. Слона можно скорѣе спойть.

Харцызовъ. Не хнычьте. Ради Бога не хнычьте! Безъ васъ тяжело. Хотите пить, идите въ мой кабинетъ.

Ивинъ (грубо, съ усмѣшкой). Ну, къ вамъ я не пойду. На это у меня Владиміръ есть.

Харцызовъ. (Къ Лѣсницкому, указывая на Ивина). Чѣмъ человекъ гордится? (къ Ивину, злобно). Вообще, почтеннѣйшій, прошу быть со мной поделикатнѣе! Кто вы—учитель безъ мѣста. А я... я извѣстный на всю Россію фабрикантъ!

Ивинъ. И благодари Бога. Ибо, если бы не былъ имъ, то подохъ бы съ голода.

Харцызовъ. Никогда. Я образованный человекъ. (Гордо). Курсъ коммерческаго училища что-нибудь да стоитъ.

Ивинъ. (Идетъ къ дому). Зачѣмъ врать? Вѣдь всѣмъ извѣстно, что за тупость изъ второго класса исключили.

Харцызовъ. Я васъ презираю. (Лѣсницкому, тихо). Онъ не опасенъ?

Лѣсницкій. Это винная бочка. Грубъ только.

Харцызовъ. Съ этимъ ужъ я мирюсь.

Лѣсницкій. Хотя, конечно, лучше бы было, если бы и его того...

Харцызовъ. Обсудимъ. Все сегодня обсудимъ. (Къ Демиду). Ну, старикъ, давай поговоримъ.

Демидъ (усаживается, какъ ему наиболѣе удобно въ кресло). Хорошо. Ты, православный мой, начинай, а я послушаю.

Харцызовъ. Мнѣ не съ чего начать. Я человекъ молодой, нигдѣ не бывалъ, а ты, поди, всю Россію исходилъ.

Демидъ. Гм... да... походилъ много. (Долгая пауза).

Лѣсницкій. А ты, старецъ, судя по тому, какъ ты въ креслѣ усѣлся, должно быть, вездѣ себя хорошо чувствуешь?

Демидъ. Вездѣ чудесно.

Лѣсницкій. Человекъ ты простой, а чувствуешь себя между господами свободно. Много ты ихъ видалъ на своемъ вѣку?

Демидъ. Немало.

Лѣсницкій. Ну, какъ ты на господъ вообще смотришь?

Демидъ. Просто. Иные, моль, хорошіе, а иные—съ виду баринъ, а въ душѣ на подобіе камня: сверху гладокъ, полированъ, а долбони его—грубый булыжникъ.

Лѣсницкій. Вонъ какъ!

Демидъ. Такъ, православный мой.

Лѣсницкій. Да... Скажи, пожалуйста, старецъ, что это такое: зачѣмъ ты всѣхъ зовешь „православный мой“?

Демидъ. Затѣмъ, что ходишь по Россіи и видишь, что люди все въ ней живутъ православные. Ну, и надумалъ ихъ такъ звать.

Лѣсницкій. Неправда, старецъ. Вотъ Трубина, я слышалъ, ты зовешь, „господинъ механикъ“, Ивина—„господинъ учитель. Это почему?

Демидъ. Да такъ.

Лѣсницкій. Не увиливай, старецъ. У тебя „такъ“ ничего не бываетъ. Скажи, по чистой совѣсти: почему людей разное зовешь?

Демидъ. По чистой совѣсти? Хорошо. А это, православный мой, потому, православныхъ-то у насъ тьма-тьмушая, а христіанъ-то среди нихъ что-то мало видать. Ну, вотъ ихъ другимъ именемъ и отличаешь.

Лѣсницкій. Мудришь ты, старецъ! Мудришь, и, какъ видно, въ душѣ никакихъ ты законовъ ни божескихъ, ни человѣческихъ не признаешь.

Демидъ. Безъ закона жить нельзя. Законъ у

меня есть. Крѣпкій законъ: въ душѣ написанъ.

Лѣсницкій. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что у тебя написанъ, да не похожъ онъ на тѣ, которые у всѣхъ.

Демидъ. Это-то и хорошо. Если онъ у меня свой, значитъ, я его выдумалъ. А человѣкъ такъ, съ бухту-барахту, никогда не станетъ думать. Значитъ, мнѣ нужно было выдумать его. А это, православный мой, какъ ты думаешь, легкое дѣло? Съ осла али со свиньи закона не возьмешь и не выдумаешь. Надо его брать и выдумывать съ людей, а ихъ въ мірѣ Божіемъ тьма-тьмушая! Вотъ ты и походи и посмотри на нихъ да и подумай...

Харцызовъ. Но развѣ можно жить съ такимъ закономъ?

Демидъ. Жить? Живешь же вотъ ты, а у тебя есть какой законъ?—Никакого. (вставая и убѣжденно). Нѣтъ вѣрнѣе и правильнѣе закона, которому научить сама жизнь.

Харцызовъ. То-то ты свой законъ въ моемъ домѣ всѣмъ и навязываешь.

Демидъ. Тебѣ не навязу! Тебѣ онъ не подходитъ. А другимъ, кому слѣдуетъ, отчего же? Человѣческая душа-то, православный мой, она точно лампада. Пока въ ней есть маслице, а это маслице-то все то, чѣмъ живъ человѣкъ,—она горитъ хорошо, умирительно! А какъ останется маслица-то мало...

Лѣсницкій. А отчего мало?

Демидъ. Выжгутъ... Ну, и начнетъ она мигать да чадить... Статья. Какъ тутъ человѣку быть? Надо маслица подлить, а какъ это сдѣлать, иной и не знаетъ.

Лѣсницкій (смѣясь). Ну, и философія.

Демидъ (угрюмо, съ презрѣніемъ). Да, философія. Человѣкъ ты неглупый, очень неглупый. И если бы захотѣлъ, то вмѣсто зла, много бы могъ посѣять добра.

(Идетъ въ домъ, Лѣсницкій хохочетъ).

Лѣсницкій (къ Харцызову). Видѣли, что онъ за паца?

Харцызовъ. Да. Должно быть, очень вредень, старый чортъ. А главное—возмутительно: обращается на „ты“, держится фамиллярно! За панибрата. (пауза). Знаете, теперь, когда вы мнѣ открыли на все глаза, о вашемъ увольненіи рѣчи быть не можетъ. Прошу меня извинить.

Лѣсницкій. О, что вы, глубокоуважаемый...

Харцызовъ. Я такъ одинокъ! Мнѣ теперь нужно съ вами насчетъ многого посовѣтоваться. Подождите: я на моментъ заверну въ домъ, а потомъ пойдемте къ вамъ. Тутъ могутъ помѣшать. У васъ посвободиѣе. (Идетъ въ домъ. Изъ дому выходитъ Ивинъ. У него въ рукахъ бутылка водки. Харцызовъ брезгливо отъ Ивина сторонится).

Ивинъ. Попью на свободѣ. Эхъ, райскія кущи, когда я допьюсь до васъ. (идетъ къ Лѣсницкому).

Харцызовъ (останавливаясь у входа въ домъ и указывая на Ивина). Лѣсницкій! Культура, прог-

грессъ, цивилизація очеловѣчили насъ... А его? (со смѣхомъ исчезаетъ въ домъ. Глухой, невнятный ронотъ толпы слышенъ за стѣнами дома).

Ивинъ (глядитъ на Лѣсницкаго). Вотъ дѣйствительность... Когда ни взгляну на васъ, всегда на вашей фізіономіи вижу подлость.

Лѣсницкій (вызывающе). Что?

Ивинъ. Ничего?

Лѣсницкій. Я много отъ васъ уже съѣлъ дерзостей. Но теперь ихъ ѣсть больше не хочу. (Нагупая на Ивина). Вамъ кто далъ право такъ ко мнѣ относиться?

Ивинъ (спокойно). Ваша подлость.

(За стѣной сада вдругъ раздается возбужденный гулъ толпы. Видѣются возгласы „Жуликъ“ „Спалить фабрику“. Лѣсницкій бросается въ чашу сада. Потомъ слышенъ его голосъ: „Господа. Господа, успокойтесь. Вы всѣ будете удовлетворены. Идите ейчасъ же въ контору“. Гулъ толпы замираетъ. Голосъ Лѣсницкаго: „Хозяинъ и я не виноваты. Виноваты служащіе въ конторѣ. Всѣ они будутъ уволены и впредь ничего подобнаго не будетъ“. Харцызовъ выбѣгаетъ изъ дому и испуганно предлущивается. Толпа, уходя, глухо рокочетъ. Появляется Лѣсницкій).

Харцызовъ. Что такое? Что за шумъ?

Лѣсницкій. Рабочіе. Я ихъ успокоилъ. Ушли. Придется нѣкоторыхъ удовлетворить.

Харцызовъ. Ну, ну... Это еще подумаемъ. Повадки мѣ, мерзавцамъ, давать не слѣдуетъ. А теперь идите къ вамъ.

Лѣсницкій (идя къ Харцызову). Прежде зайдемъ

въ контору. (Исчезаютъ въ домъ. Ивинъ ложится на землю въ тѣнь деревьевъ. Пьетъ водку прямо изъ горла бутылки).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Оно происходитъ послѣ третьяго черезъ день. Часовъ восемь вечера. Богато, со вкусомъ обставленная гостинная, много цвѣтовъ, рояль. На дворѣ дождь. Слышно, какъ по временамъ дождевыя капли бьютъ въ окна. Гостинная освѣщена электрической люстрой. Окна завѣшены тяжелыми, темными штоjami. Въ гостиной: Варвара, Ольга, Ивинъ, Трубинъ, Демидъ Владиміръ. Варвара осматриваетъ цвѣты. Трубинъ стоитъ около окна съ Демидомъ. Ольга—въ дорожномъ костюмѣ съ кожаной сумкой черезъ плечо).

Владиміръ (бродитъ по гостиной, — какъ-бы самъ съ собой). Что это? Словомъ—какъ можно такъ поступить?

Демидъ (умильно). Вотъ такъ дождичекъ! Миліонъ съ неба падаютъ!

Владиміръ. Какъ можно такъ поступить?

Ивинъ. О чемъ, Владиміръ, говоришь?

Владиміръ. Аглая... Аглая... Словомъ—здѣсь она почти изъ ребенка выросла во взрослога человѣка, а уходя отсюда навсегда съ нимъ несчастнымъ студентикой, никому ни слова!

Ивинъ. А тебѣ, должно быть, жал, что она не спросила тебя?

Владиміръ. Словомъ—ея поступокъ, это не поступокъ сознательнаго человѣка. Сознательные люди тайно отъ всѣхъ не уходятъ.

Ольга. И вовсе не тайно. О томъ, что она уѣзжаетъ, было извѣстно мнѣ, Варѣ.

Владиміръ (круто останавливается—пораженный). Да? Что же ты мнѣ объ этомъ не сказала?

Ольга. Къ чему? Чтобы ты сдѣлалъ скандалъ?

Владиміръ (злобно). Да, конечно... Словомъ—я что...

Ивинъ. Владиміръ, имѣй совѣсть. Припомни всѣ свои поступки по отношенію къ Аглаѣ — и молчи!

(Владиміръ, взглянувъ съ ненавистью на Ивина, потомъ на остальныхъ, съ низко понуренной головой быстро уходитъ въ правую дверь).

Ивинъ. Да, Аглая и Золинъ—молодцы! Мало говорили, а подумали и сдѣлали.

Ольга (къ Ивану). Ихъ вы одобряете, а сами много говорите, по ничего не дѣлаете.

Ивинъ. Я—статья особая. Мнѣ уже въ жизни нечего дѣлать.

(Изъ той двери, въ которую ушелъ Владиміръ, въ гостинную врываются мягкіе, точно что-то грустно-грустно оплакивающіе звуки віолончели. Всѣ съ минуту слушаютъ).

Трубинъ (къ Ивану). Вашъ пріятель музицируетъ?

Ивинъ. Кому же больше? (въ раздумѣ). Вотъ удивительно: когда Владиміръ играетъ, тогда я забываю, что такое онъ. Слушаешь и чудится,

что передъ тобой хорошій человѣкъ. Въ такія минуты я его искренно люблю. (наклоняется къ Ольгѣ и что-то тихо ей говорить).

Трубинъ. Просто: у дурного человѣка хорошій талантъ.

Демидъ. А я, господинъ механикъ, думаю не такъ: у испорченнаго человѣка хорошая душа... Она—умнѣ разума... Ну, вотъ она и плачетъ по хорошему человѣку...

Трубинъ. Можетъ быть, старикъ, и такъ. Я музыки хорошо не понимаю.

Ольга. (Отвѣчая шопотомъ Ивину, въ концѣ произносить чуть слышно фразу). По вашему, всегда хорошо то, что грубо и жестоко.

Ивинъ. Это оттого, что меня самага жестоко били.

Ольга (тихо). Если бы вы когда-нибудь любили женщину, то вы были бы мягче.

Ивинъ (встаетъ и въ сильномъ волненіи ходить). Ну, нѣтъ. Какъ разъ наоборотъ. Я нѣкогда любилъ—и глубоко любилъ. Но я въ любимой дѣвушкѣ жестоко ошибся... До сближенія съ ней я совмѣстную жизнь представлялъ чѣмъ-то въ высшей степени красивымъ, содержательнымъ, но не то вышло на дѣлѣ... (рѣзко и гордо). И вотъ я предпочелъ: лучше быть всю жизнь одинокимъ—я люблю дѣтей,—не имѣть радостей отца, лучше быть, какъ нѣкоторые думаютъ про старыхъ холостяковъ, быть въ полномъ смыслѣ несчастнымъ, чѣмъ сознательно

имѣть жалкую, унижающую человѣка пародію на счастье.

Ольга (грустно). Не пойму я этого. По-моему—лучше маленькое счастье, чѣмъ быть совсѣмъ безъ него.

Ивинъ. Пусть такимъ счастьемъ пользуются другіе.

Ольга. И остались одинокимъ.

Ивинъ. Пусть. Я гордъ въ своемъ одиночествѣ, ибо не женщины обходятъ меня, а я самъ ихъ избѣгаю. (Звукъ віолончели тихо и скорбно замираетъ).

Варвара. Ивинъ, не понимаю, въ чемъ главная причина, которая понудила васъ съ ней разойтись?

Ивинъ (угрюмо). Причина та: я думалъ, что она такая дорогая находка, которой жизнь вознаградила меня за все мое тяжелое, а вышло, что жизнь, въ лицѣ ея, подала мнѣ жалкую милостыню. (съ бѣшенствомъ). Противно, до болѣзненной горечи противно пить такое молоко, съ котораго тщательно и давно спиты сливки, но которое подается съ безсовѣстными и наглыми увѣреніями, съ омерзительной фальсификаціей, что оно еще будто бы не тронуто!

Ольга. (тихо). И вы этого не могли простить?

Ивинъ. Не могъ. Если въ чувствѣ мужчины и женщины нѣтъ уваженія другъ къ другу,—а уваженіе,—это цементъ того, что называютъ любовью,—то такое чувство противно. Какъ можно выносить ту женщину, которая тысячу разъ го-

ворила человѣку, что ея чувство выросло на уваженіи къ нему, а на дѣлѣ отравила, осквернила ложью всѣ лучшія чувства его души и сердца.

Ольга. Нужно было простить.

Трубинъ. Да, но въ такомъ случаѣ, если бы дѣвушка эту непріятную и горькую правду сказала своевременно.

Ивинъ. Вотъ-вотъ! Обманъ отравилъ мнѣ все. Я имѣя доказательства, могъ бы вынудить у ней правду, но къ чему? Дешева и такъ же противна, какъ и ложь, та правда, которая вынуждена.

Барвара (какъ бы шутя). Вы оба жестоки. (къ Демиду). Дядя, скажи: можно простить человѣка, когда онъ, побоясь сказать правду, сказалъ ложь.

Демидъ. Можно, да только такъ: Богъ, Онъ, говорятъ, милосердъ; милосерднѣе Его человѣкъ будто бы не можетъ быть, но и про Него говорятъ, что Онъ пускаетъ грѣшника въ рай только тогда, когда грѣшникъ чистосердечно во время раскаяется.

Трубинъ. Хорошо, дѣдъ, сказано.

Ивинъ. Спасибо, старикъ, что за меня сказалъ, а не за племянницу.

Демидъ. Ну, что племянница? Племянница не правда, она не спасетъ.

Ольга. Вы просто всѣ трое ненавидите женщинъ.

Трубинъ. Напрасно такъ думаете. Я вѣрю, что хорошая женщина, это—поэзія жизни.

Ивинъ (идовито). Я тоже не женофобъ. Я тоже

люблю женщинъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ одна изъ нихъ обожгла меня, люблю такъ: на многихъ изъ нихъ хорошо и пріятно посмотреть только издали.

Барвара (спокойно). Ивинъ. Не злитесь. Вы сейчасъ сказали про многихъ женщинъ горькую правду. Но нѣкоторыхъ изъ нихъ и нельзя винить въ томъ, что онѣ плохія. У иныхъ жизнь сложится изъ мелочей въ какое-то нелѣпное гнетущее недоразумѣніе такъ, что все хорошее постепенно у женщины исчезаетъ.

Трубинъ. Это не служить оправданіемъ. Надо уходить отъ такой жизни.

Барвара. Надо... Надо... Я тоже думаю, чтобы люди были сильнѣе, смѣлѣе, такъ какъ жизнь, это—все равно, что вѣковой наслѣдственный домъ. Съ его стѣнами, обстановкой люди сроднились, но обстановка-то ужъ тяжела, неудобна; стѣны гнилы, трухлявы такъ, что вотъ-вотъ рушатся. Выходить, что какъ ни бейся, ни колотись, но въ силу самосохраненія домъ надо ломать и строить другой. (Тихе). Но... пока все думаю...

Трубинъ. Нечего думать. Надо строить. Каждое поколѣніе обязано для будущихъ потомковъ создавать не болѣе прочное и удобное и не изъ самосохраненія зданіе жизни, а болѣе совершенное и удобное, чѣмъ то, которое унаслѣдовано отъ предковъ. Понимаете: это безъ конца! Ибо, что такое жизнь? Жизнь—глина, скульпторъ—человѣкъ. Нужно давить, мять жизнь до тѣхъ

поръ, пока она не будетъ годнымъ матеріаломъ для созданія художественныхъ формъ. Но какими художественными формами удовлетвориться скульпторъ нашего времени, ими не удовлетворенъ будетъ скульпторъ будущаго. Разрушать и созидать—вотъ вѣчный девизъ человѣчества.

Ивинъ. И неужели безъ конца?

Трубинъ. Говорятъ, что есть грань, дальше которой художественное творчество человѣка идти не можетъ. Но я не вѣрю въ это. Каждая эпоха родитъ своего гения, а гений создаетъ новую эпоху.

Ивинъ (медленно). У васъ кипучая жизнь въ настоящемъ...

Трубинъ. Иначе не могу. Жизнь имѣетъ для меня прелесть только тогда, когда она—могучая рѣка, бурный водоворотъ. Устанешь—короткій отдыхъ, и снова тянетъ къ борьбѣ, къ опасностямъ...

Ивинъ. У васъ—смѣлая мысли о будущемъ... А у меня: о будущемъ я не думаю, въ настоящемъ—не живу. Я наблюдаю только за однимъ; а не увижу-ль, молъ, гдѣ красота въ жизни? Но красоты что-то не вижу, а сколько безобразія—не стоитъ говорить.

Трубинъ (хмуро). Какой толкъ? Мало въ жизни красоты—создавайте!

Ивинъ. Не умѣю.

Трубинъ. Ну, видите передъ собой безобразный предметъ и, если не знаете, какъ взамѣнъ его создать лучшее, такъ хоть съ глазъ долой: сломайте, разбейте, уничтожьте его.

(Владиміръ пьяный и всклокоченный, врывается въ гостиную и подбѣгая къ роялю).

Владиміръ. Аглая! Аглая! Этотъ инструментъ при тебѣ оживлялъ этотъ проклятый домъ. Гремѣли то бурные аккорды, то лились тихіе, томящіе... Они мнѣ напоминали студенческіе годы... Словомъ, напоминали то, что никогда не вернется. Аглая... Аглая... (плачетъ). Будь я... проклятъ!.. (ко всѣмъ). Господа. Господа. Я былъ по отношенію къ ней гнусень... Словомъ—она черезъ меня отсюда ушла... Но повѣрьте: я ее любилъ... тлупоко любилъ!

Ивинъ. Аглаи, Владиміръ, нѣтъ. Аглаю ты продююлилъ.

(Изъ лѣвой двери мужская и женская прислуга начинаетъ черезъ гостинную выносить сундуки, корзинны, коробки).

Ольга (прислугѣ). Вещи, пожалуйста, укладывайте осторожнѣе.

Кучеръ и дворникъ (вмѣстѣ). Ужъ будьте спокойны. Все будетъ въ лучшемъ порядкѣ.

Варвара (тихо). Сегодня въ этомъ домѣ изъ женщинъ, исключая прислуги, я останусь одна.

Владиміръ. Будь я проклятъ!

Ивинъ. Что воешь? Развѣ для тебя она?

Владиміръ (туло). То-есть, это какъ?

Ивинъ. Просто. Подумай-ка: что ты могъ ей дать?

Владиміръ. Да. Словомъ—я для нее слишкомъ грязень. „Грязень“. Это какъ будто бы крайнее выраженіе. Но нѣтъ. Словомъ—никто не

знаеть, какіе грязные ужасы живутъ въ моей душѣ.

Демидъ (подходя къ Владимиру). А ты очистишься. Будь получше, поразумнѣе и... можетъ быть, тогда найдешь такую же, какъ Аглаюшка... или даже лучше!

Владимиръ (безнадежно отмахиваясь руками). Нѣтъ, нѣтъ, старикъ. Что ты мнѣ совѣтуешь и сулишь—никогда быть не можетъ. Развѣ я человѣкъ? Словомъ—передъ тѣми умными людьми, которые мнѣ встрѣчались въ жизни, я всегда тщательно старался скрывать убожество своей души, нищету мысли. Но меня къ умнымъ людямъ по временамъ влекло. Дѣлалъ попытки подходить къ нимъ. Но стоило только подойти—сейчасъ же появлялась боязнь: а вдругъ, молъ, подумаетъ, что я... словомъ—китайскій болванчикъ, пустая баболовка...

Ивинъ. Ага! Вонъ какъ заговорилъ!

Владимиръ (къ Демиду). А потомъ уже и въ самомъ дѣлѣ вообразишь, что человѣкъ тебя такъ именно и понялъ. И вмѣсто того, чтобы послушать, научиться отъ него чему нибудь, загнешь голову передъ нимъ надменно, гордо, высоко... Словомъ, я—де, молъ, самъ хорошо все понимающій человѣкъ.

Демидъ. Нехорошо такъ. Нехорошо!

Владимиръ. Эхъ, старикъ! Я бы рассказалъ про себя многое, но... мнѣ стыдно.

Демидъ. Ну, вотъ. Чудаки люди. Имъ стыдно

сказать про себя то, что они въ жизни не постыдились сдѣлать. Тутъ какъ разъ наоборотъ—надо говорить.

Владимиръ (озираясь по гостинной). И вотъ еще въ бытность студентомъ - первокурсникомъ, я началъ чувствовать, мучительно чувствовать, что мнѣ нужно себя чѣмъ-то хоть немного уравновѣсить, что нужно чему-то научиться. Словомъ, что-то выдумать, за что бы я могъ уцѣпиться, какъ за прочную опору... Но прошли года. Я ничего не выдумалъ. Словомъ, у меня нѣтъ въ жизни никакой опоры. Я теперь даже не знаю: къ чему я родился, зачѣмъ я учился, для чего живу? (подходя къ Трубину). Скажите мнѣ. Словомъ—что такое жизнь? И зачѣмъ человѣкъ долженъ жить? Какія у него обязанности передъ жизнью?

Трубинъ. Сказать. Къ чему? Буду говорить—не поймете, а если и поймете, мимо ушей пропустите; за собой позову—не пойдете.

Владимиръ (отходя и злобно). Да ужъ за вами-то я ни въ какомъ случаѣ не пойду. Словомъ—такихъ людей, какъ вы, какъ бывший здѣсь студентишка Золинъ, я не люблю и боюсь. Глядя на васъ, мнѣ кажется, что вы окованы ледяной броней, что у васъ какой-то особый, свой, никому недоступный міръ. Словомъ—съ чѣмъ живете,—васъ не поймешь.

Трубинъ. Съ однимъ девизомъ: живи и работай. Но если утратишь способность работать—дай дорогу другимъ, а самъ уходи къ чорту.

Владиміръ. Все, что только я отъ васъ когда-либо слышалъ,—все грубо и жестоко. А это... словомъ, этого мнѣ не надо. Скажите мнѣ лучше что-нибудь такое, что бы дало мнѣ вѣру въ то, что въ жизни есть что-нибудь святое. У меня сейчасъ нѣтъ... словомъ,—до сихъ поръ я не видалъ въ жизни ничего святого. Скажите мнѣ о той правдѣ, которую вы читаете за правду; о той вѣрѣ, которой вѣрите.

Трубинъ. Къ чему? Моя правда — не ваша правда. Моя вѣра—тоже не ваша вѣра. Моя вѣра, это—вѣра въ себя. Но эта вѣра вамъ не по плечу.

Владиміръ (ядовито). Да, понимаю. Словомъ—вы создали себѣ свой культъ и молитесь ему.

(Изъ лѣвыхъ дверей тихо выходятъ и останавливаются около нихъ Лѣсницкій и Харцызовъ).

Трубинъ (съ усмѣшкой). Культъ? (серьезно). У меня не было и не будетъ такого культа, которому бы я молился. Къ чему онъ? Я встрѣчалъ такихъ людей, которые культа не имѣютъ, но жизнь ихъ—подвигъ. И встрѣчалъ такихъ, которые и съ культомъ ухищряются быть такой ямой мерзости, которую не очистить никакой культъ и никакія молитвы.

Демидъ (къ Владиміру). Эхъ, ты, православный мой, хочешь спастись — уважай себя, жизнь—вотъ и спасенъ будешь...

Трубинъ. Старикъ, ты—молодецъ!

Харцызовъ (быстро подходя къ Трубину). Я васъ

попрошу здѣсь такихъ вещей не одобрять. Вы, почтеннѣйшій...

Трубинъ (быстро надвигаясь на Харцызова и смотря на него въ упоръ,—тихо). Ну?

Харцызовъ (пятая назадъ). Вы, почтеннѣйшій...

Трубинъ (смотреть также,—хватаетъ одной рукой Харцызова за грудь). Ну?

Харцызовъ (спадая съ тона и трусливо). И вообще, г. инженеръ...

Трубинъ (отпуская Харцызова, отходитъ и—со стиснутыми зубами). То-то. Я вамъ дамъ почтениѣйшаго. (Къ Ивину, кивая головой на Харцызова). Вотъ—глупъ, подлѣ и такъ жаденъ, что въ концѣ концовъ сожретъ самого себя.

Харцызовъ (заученнымъ тономъ). Г. инженеръ. Я сегодня считаю своей обязанностью предупредить васъ, чтобы вы потрудились приготовить фабрику къ сдачѣ другому инженеру, который заступитъ на ваше мѣсто черезъ недѣлю.

Трубинъ. Вы со своимъ предупрежденіемъ опоздали.

Харцызовъ. Какъ, г. инженеръ? что?

Трубинъ. О томъ, что я не хочу у васъ служить, мною было заявлено вашему управляющему недѣлю тому назадъ. Сегодня истекъ срокъ, и завтра на фабрику вы меня не увидите.

Харцызовъ (къ Лѣсницкому). Что же это такое? Почему вы мнѣ объ этомъ своевременно не заявили.

Лѣсницкій (нагло). Такого заявленія отъ г. Трубина ко мнѣ не поступало.

Трубинъ (спокойно). Мерзавецъ.

(Варвара тихо плачетъ).

Демидъ (къ ней—сурово). Видишь? Погоди: и ты дождешься того, что тебя отсюда попросятъ.

Варвара (подходить къ мужу,—слабо и безпомощно). Какъ же ты могъ? (преображаясь, внезапно съ силой). Чаша моего терпѣнія переполнилась! (указывая на Лѣсницкаго). Вонъ! сію минуту вонъ!

Харцызовъ. Что?

Варвара. Немедленно его удалить!

Харцызовъ (взвизгивая). Удалить? его удалить?—Нѣтъ! Я удаляю того, кого нужно.

Варвара (топая ногой). Вонъ! Еще разъ прошу: сію минуту—вонъ!

Харцызовъ. Не будетъ этого. Не будетъ! Довольно, почтеннѣйшая! Я много кое-чего дѣлалъ по вашему, а теперь не хочу. Тотъ чадъ, который мнѣ туманилъ голову со дня нашей свадьбы—прошелъ.

Варвара (къ Трубину). Почему вы мнѣ не сказали о томъ, что оставляете фабрику?

Трубинъ. Полагалъ, что не къ чему.

Варвара. Напрасно. Мнѣ это нужно было знать.

(Трубинъ внимательно глядитъ на Варвару).

Харцызовъ (то къ женѣ, то ко всѣмъ—съ нафосомъ). Женитьба на васъ, почтеннѣйшая, кажется мнѣ теперь проклятымъ [навожденіемъ. Но... я

сумѣю... я сумѣю исправить ошибку, нѣкогда созданную моимъ безуміемъ и великодушіемъ... Теперь не вы меня, а я васъ, почтеннѣйшая, буду держать въ ежовыхъ рукавицахъ.

Варвара. Да?

Харцызовъ (ко всѣмъ). Говорятъ: культура, прогрессъ, цивилизація очеловѣчили насъ... Очеловѣчили? А гдѣ у насъ, позвольте спросить, нравственные устои? (къ женѣ). У васъ, почтеннѣйшая, ихъ нѣтъ; я вамъ покажу ихъ! Я вамъ...

Ивинъ. (Лѣсницкому, со смѣхомъ указывая на Харцызова). Вашъ ученикъ гастролируетъ.

Харцызовъ... дамъ ихъ почувствовать!

Варвара. Когда на человѣка обрушится внезапно что-нибудь большое, тяжелое, то онъ сразу потеряетъ сознаніе и не пойметъ, что съ нимъ случилось несчастье. Не такъ вышло у меня. (указывая на мужа). Медленно-медленно, при полномъ сознаніи, я годами чувствовала, какъ отвратительно-пошлая тяжесть въ лицѣ этого человѣка росла, росла, а я, подъ давленіемъ ея,—слабѣющая, изнемогающая,—хотѣла жить, жить и жить!

Харцызовъ. Вы, почтеннѣйшая...

Ивинъ. Оказывается, у гастролера еще что-то въ запасѣ есть.

Варвара (къ мужу). Молчи! Жалій. Несчастный.

Харцызовъ (забываясь отъ бѣшенства и—грубо). Нѣтъ, ты молчи! Я тебѣ покаж-жу! Акула!

(Ивинъ подходитъ къ Харцызову, беретъ подъ руку и силой ведетъ въ уголъ гостиной).

Харцызовъ (упираясь). Позвольте! Позвольте! Вы что?

Ивинъ. Если самъ никогда не былъ серьезнымъ человѣкомъ и никогда не говорилъ серьезныхъ вещей, предоставь говорить ихъ другимъ.

Владиміръ (съ хохотомъ). Вотъ такъ комедія. (Ивинъ старается силой усадить Харцызова на стулъ). Хлюпни! Хлюпни его! Словомъ — нечего съ недоноскомъ церемониться. (Ивинъ усаживается). Вотъ такъ друкнулъ. (Трубинъ, Демидъ смѣются).

Ольга. Господа. Господа.

Лѣсницкій (идетъ къ Ивину). Ивинъ. Какъ вы смѣете употреблять насилие?

Трубинъ (загараживая дорогу Лѣсницкому). Ну?

Лѣсницкій (отступая). Иванъ Семенычъ, протестуйте!

Ивинъ (быстро). Владимиръ. Что же ты смотришь? Всякая тля будетъ здѣсь командовать, а ты...

Харцызовъ (вырывая руки у Ивина). Какъ вы смѣете?

Ивинъ. Ты, Владимиръ, здѣсь не хозяинъ что-ли? Послѣ этого не уважаю тебя.

Владиміръ. А и въ самомъ дѣлѣ. (вскакиваетъ и идетъ къ Лѣсницкому). Словомъ — ты что тутъ?

Ольга (подбѣгаетъ къ Владимиру и схватываетъ его за руку). Господи! Господи! Скандаль... Какъ въ кабакъ!

Владиміръ (рвется къ Лѣсницкому). Пусти. Словомъ — дай я хоть разъ покажу этому мерзавцу...

Ивинъ (реветъ). Ат-ту его!

(Владиміръ вырывается отъ Ольги. Лѣсницкій скрывается въ лѣвую дверь).

Владиміръ. Вездѣ найду. Словомъ — никуда не скроется. (исчезаетъ за Лѣсницкимъ, Ольга за Владимиромъ).

Харцызовъ. Лѣсницкій! Лѣсницкій! (къ Ивину). Пустите! Бога ради пустите! (плачетъ). Что я вамъ сдѣлалъ? Что? Я — такой безсильный и безвредный человѣкъ...

Ивинъ. Пой. Пой. Ты — безволенъ, безхарактеренъ, но ты можешь исказить и обезобразить жизнь другимъ болѣе, чѣмъ иной суровый и жестокій человѣкъ.

Трубинъ. Вѣрно. Безсиліе ничтожной личности — гнусный хищный звѣрь; сила, одухотворенная разумомъ человѣка, — великодушіе. (къ Варварѣ). Жизнь, это — точно огромный хлѣвъ: въ немъ люди сами же построили себѣ массу перегородокъ, а потомъ жалуются, вопятъ, что имъ тѣсно душно, нѣтъ свѣта. Сильные ломаютъ все, что имъ мѣшаетъ. Какъ поступите вы?

Варвара (подумавъ). Что нужно для того, чтобы итти въ жизнь вмѣстѣ съ такимъ человѣкомъ, какъ вы?

Трубинъ. Възвѣсить свое чувство, разобраться въ немъ; и если оно вложить въ ваше сознаніе вѣру въ меня, въ наше счастье, то... вотъ вамъ моя рука! (протягиваетъ руку. Харцызовъ, туно моргая глазами, прислушивается. Демидъ весь — вниманіе).

Варвара. Не нужно ли еще чего?

Трубинъ (убираетъ руку, морщится и—угрюмо). Есть еще одно: при совмѣстной жизни вы не всегда и не во всемъ будете имѣть полную свободу дѣйствій.

Варвара (отступая шагъ назадъ). Почему?

Трубинъ. Потому: если два человѣка въ одной лодкѣ попадутъ въ опасное теченіе, то болѣе сильный изъ нихъ, во избѣжаніе гибели обоихъ, долженъ подчинить себѣ слабого и руководить имъ.

Варвара (тихо). Подчинить? Руководить? (внезапно—со страстью). Это грубо. Такія вещи не надо говорить!

Трубинъ. А я, наоборотъ, считаю, что надо.

Варвара. Я такой жизни не хочу.

Трубинъ. Какъ хотите. Вы мнѣ дороги, но дѣло мнѣ дороже васъ. Повторяю: жизнь со мной, это—жизнь опасностей. И какъ новичекъ въ моемъ дѣлѣ, вы, если это понадобится, должны подчиняться мнѣ безусловно.

Варвара (неопредѣленно). Да...

(Демидъ вскакиваетъ и, подойдя къ звонку нажимаетъ кнопку).

Харцызовъ (хватаясь за голову). Господи! (къ женѣ). О чемъ ты съ нимъ говоришь? Чего ты отъ него хочешь?

Трубинъ (къ Варварѣ). Знаете—жизнь мудра. Она, какъ алчный ростовщикъ, держитъ свои сокровища въ тайнѣ, а людямъ показываетъ мишуру за золото, а золото—за мѣдь. Все, что въ

ней не имѣетъ цѣны, она выдвигаетъ предъ близкими людьми подъ такимъ угломъ зрѣнія, что малоцѣнное кажется блестящимъ, заманчивымъ, дорогимъ, а то, что имѣетъ великую цѣну, она прячетъ въ свои лабиринты. Нужно идти искать это великоцѣнное! И чтобы не обмануться, нужно при поискахъ принять себѣ за правило, что хорошее, цѣнное въ жизни—въ маломъ, а это-то малое и есть въ жизни великое... Такъ и вы: у васъ нѣкогда было въ жизни хорошее, цѣнное, но жизнь обманула васъ... (указывая на обстановку). Развѣ это стоитъ того, что вы имѣли? И если бы допустить, что комфортъ, роскошь здѣсь вы любили, то какой дорогой цѣной вами это покупалось?

Варвара (подходить къ Трубину и беретъ его за руку). Иду съ вами. И объ одномъ прошу: никогда и ни чѣмъ не напоминайте мнѣ о жизни здѣсь. Я хочу забыть эту жизнь, вытравить ее изъ памяти. (Входитъ Поля).

Трубинъ. Обѣщаю.

Харцызовъ (вскакиваетъ). Господи! Какой позоръ! Какой позоръ! (женѣ). Это что значить?

Демидъ (къ Полю строго, указывая на Варвару). Барыня сегодня ѣдетъ. Собирай ея вещи поскорѣе.

Поля (къ Варварѣ). Какія вещи прикажете собрать?

Варвара. Никакихъ. Идите, Поля. (къ Демиду). Дядя, ты напрасно позвалъ Полю. Я ничего отсюда не возьму.

Демидъ. Свое возьми.

Варвара. Своего у меня, дядя, здѣсь ничего уже нѣтъ. Уйду—въ чемъ есть.

Харцызовъ (пораженный). Ты уходишь? Ты уходишь? (съ обществомъ). Ну, нѣтъ. За меня права, законъ!

Варвара. Ивинъ, прощайте! Дядя, (указывая на Трубина) черезъ два часа будь у него: тамъ увидимся. (идетъ съ Трубинымъ къ дверямъ).

Харцызовъ (бросаясь за ними). Ну, почтеннѣйшая, нѣтъ... Отъ меня не такъ-то легко уйти!

Трубинъ (заступая Харцызову путь). Тубо.

Варвара (къ Трубину). Оставьте его. Что можетъ сдѣлать такой жалкій? (смотреть на мужа).

Харцызовъ (плачетъ). Варя, — не уходи. Не уходи. Не оставляй меня. Я передъ тобой виновата. Я тебѣ все дамъ. Дамъ много денегъ. Помогай людямъ!...

Варвара. Не повѣрю. Опять обманешь.

Харцызовъ. Я? (выхватываетъ изъ кармана книжку). Сколько? Пятьдесятъ тысячъ?

Варвара. Мало.

Харцызовъ. Сто.

Варвара. Мало.—Двѣсти тысячъ.

Демидъ (къ Варварѣ). Дѣвонька, не вѣрь. Есть пословица: тонетъ—топоръ сулитъ; вытаскать—и топорща жалъ.

Харцызовъ (послѣ момента колебанія). Даю! Поэтому еще больше дамъ. (идетъ къ столу).

Ивинъ. Ужъ не чекъ ли въ банкъ писать?

Харцызовъ (напыщенно). Да, чекъ. Сейчасъ—при всѣхъ. Вы думаете, — я что? Мнѣ вѣрить нельзя? Плохо меня всѣ здѣсь понимаютъ. (садится къ столу, развертываетъ чековую книжку).

Варвара. Не трудись. Не надо мнѣ твоихъ денегъ. Во первыхъ, слишкомъ поздно ты на это рѣшился, а во вторыхъ жизнь съ тобой меня многому научила. Какая польза будетъ отъ твоихъ денегъ? Я знаю: я буду помогать твоимъ рабочимъ, а ты — все, что дашь мнѣ, постараешься выжать изъ нихъ же. Вотъ если бы ты былъ самъ добрѣе, тогда другое дѣло. Но ты добрымъ быть не можешь. Люди, сознаніе которыхъ не знакомо съ высшимъ порядкомъ человѣческихъ чувствъ,—подлы. Они иногда щедры къ тому, что имъ дорого, а что имъ не нужно или къ чему они равнодушны,—они эгоистичны и жестоки.

Харцызовъ. Я буду добръ! И къ своимъ рабочимъ. И ко всѣмъ!

Варвара (къ мужу, съ поклономъ). Прощай.

Трубинъ (Варварѣ). Время еще есть подумать. Повторяю: жизнь со мной—это жизнь опасностей. (обводя жестомъ гостинную). Подобнаго у насъ никогда не будетъ ничего. Подумайте!

Варвара. Мнѣ нечего думать. Разъ я съ вами иду—значитъ все обдуманно. Я не скажу, что я вполне рѣшила, что вы тотъ человѣкъ, который мнѣ нуженъ. Можетъ быть, я въ васъ ошибусь. Пусть будетъ такъ. Но лучше въ поискахъ луч-

шей жизни ошибки, чѣмъ сидѣть здѣсь, (жестъ на гостинную) не предпринимая ничего.

Трубинъ. Это такъ. Но...

Варвара (бурно). И наконецъ: что за предупрежденія? Не подходящий я вамъ человѣкъ—идите отъ меня прочь. Пойду одна! Одинъ всегда или скорѣе погибнетъ, или скорѣе научится понимать лицо жизни.

Трубинъ (увлекая Варвару). Всю жизнь съ тѣмъ, въ чемъ она состоитъ и что дать, — все пополамъ.

Демидъ (въ уноеніи). Вотъ голова! вотъ голова! Такая голова, что ажъ жалко, что я не баба. (къ Харцызову. Спокойно, насмѣшливо). А ну, почтеннѣйшій, что? а? гдѣ жена?

Харцызовъ (растерянно озираясь по гостинной). Жена? жена?

Ивинъ (протираетъ глаза и, оглядывая гостинную съ такимъ видомъ, точно еще не вѣрить происшедшему, — тихо). Неужели ушли? (еще оглядываетъ гостинную — къ Харцызову). Ну, что ты нахохлился? Понимаешь ли ты, что твоя жена... что свою жену ты продюдолил? (хлопаетъ въ ладоши и во всю силу легкихъ). Люди, люди! Всѣ, кто есть въ этомъ домѣ—сюда!

(Харцызовъ, недоумѣвая, смотритъ на Ивина. Демидъ смѣется. Въбѣгаетъ Ольга, за ней—Владиміръ. Изъ-за дверей выглядываютъ: Поля, кухарка).

Ольга (испуганно). Что такое здѣсь?

Демидъ. Здѣсь, дѣвонька, такія дѣла... такія дѣла... (радостно). Племянница-то моя... племянница-

то... Ушла съ господиномъ механикомъ. Вотъ разбойница!

Владиміръ. Куда ушла?

Демидъ. Куда?—Жить. У мужа-то вишь, хорошо показалось...

(У Харцызова подавленный и уничтоженный видъ).

Владиміръ (поглядывая на него, — съ ѣдкой улыбкой). Вотъ такъ кляква!

Демидъ. Такъ... Такъ.. Рыба-то ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ—кто лучше.

Владиміръ. Ты, старикъ, кажется, одобряешь поступокъ своей племянницы?

Демидъ. Ну, какъ сказать? Пусть ужъ это останется при мнѣ. Племянница у меня не маленькая. Какъ хотѣла, такъ и сдѣлала. А я... не мой конь, не мой и возъ!

Владиміръ. И хитеръ ты, старая бестія.

Ольга (къ Ивину). Завтра въ этомъ домѣ не будетъ ни одной женщины.

Владиміръ. (неопредѣленно) Ни одной... (задумывается).

Ивинъ. (къ Ольгѣ) А вы-то куда дѣнетесь?

Ольга. Десять разъ вамъ уже говорила, что уѣду. Вещи уже всѣ уложены. Черезъ часъ ѣду. (Ивинъ молчитъ).

Ольга. Вы мнѣ ничего не скажете?

Ивинъ. Что вамъ сказать? — Скатертью дорога!

Ольга. (съ болью) И только? Вѣдь мы здѣсь съ вами видѣлись чуть-ли не изо дня въ день нѣ-

сколько лѣтъ... Мы привыкли другъ къ другу...

Ивинъ. (смотря на Ольгу) У меня къ вамъ привычки не было, а вы, какъ привыкли, такъ и отвыкнете.

Ольга. (тихо идетъ къ двери) Прощайте.

Ивинъ. Желаю счастья. Не поминайте лихомъ.

Ольга. (не дойдя до двери, останавливается, — махая рукой) Все равно! (быстро идетъ къ Ивину, съ волненіемъ, смущенно) Въ послѣдній разъ... Къ чему вы здѣсь останетесь? Всѣ ушли отсюда... Съ кѣмъ вы здѣсь будете? (съ глубокимъ чувствомъ) Милый. Уѣдьте со мной. Я богата...

Ивинъ. Меня не купите.

Ольга. Не то... не то...

Харцызовъ. (вскланиваетъ) И ты, моя—сестра? Развратница!

Ольга. (не обращая на брата вниманія) Я хотѣла сказать, что съ моими деньгами вы, можетъ быть, надумаете приняться за какое-нибудь хорошее дѣло. Я вамъ буду помогать...

Ивинъ. (угрюмо) Оставьте меня. Неужели вы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могли понять, что того, чего вы отъ меня хотите, я вамъ не могу дать.

Ольга. Ничего я отъ васъ не хочу. Не можете меня любить, такъ хоть дайте мнѣ быть около васъ всегда. Быть сестрой, другомъ... Я и этимъ буду счастлива. Вѣдь я сама не знаю, что у меня къ вамъ. Иногда хочется подойти къ вамъ и

приласкать такъ, какъ мать своего ребенка... Только какъ ребенка...

Ивинъ (перебивая). Въ такія чувства я не вѣрю. Это такъ—пока сейчасъ говорите...

Демидъ (къ Ольгѣ). Его забудь. Вонъ изъ голы! Онъ что—ушибленный человѣкъ. Съ нимъ пѣсню хорошо не споешь...

Ольга (подходить къ Демиду. Цѣлуетъ его). Дѣдынька! Дѣдынька! (плачетъ). Спасибо тебѣ, дѣдынька. Научилъ меня... Уѣду отсюда... И можетъ быть, забуду (указываетъ на Ивина) его... (быстро выбѣгаетъ).

Владиміръ (посмотрѣвъ Ольгѣ вслѣдъ). Чортъ знаетъ что. О чемъ-то говорить... за что-то благодарятъ... ничего не понимаю.

Демидъ. Смѣлка у тебя слабовата.

Владиміръ. Ну, ну... ты того... Словомъ—прошу безъ выраженій.

Ивинъ (къ Владиміру). Оставьте старика. Ступайка ты лучше за водкой, за пивомъ. Будемъ пить, пить, пить...

Владиміръ. На это прислуга есть.

Ивинъ. Завтра и она сбѣжитъ.

(Владиміръ звонитъ. Входитъ Поля).

Владиміръ. Поживѣе: водки, вина сюда.

Харцызовъ (къ Полѣ). Пошли тамъ когонибудь за Лѣсницкимъ. Пусть немедленно идетъ сюда.

Поля. Онъ здѣсь. Ждетъ вашихъ приказаній.

Лѣсницкій (изъ пріотворенной двери). Глубокоуважаемый Иванъ Семенычъ, я здѣсь. (Харцызовъ бросается къ двери).

Владиміръ (къ Лѣсницкому). Идите. Бить васъ теперь не буду.

Лѣсницкій (входя и съ опасеніемъ поглядывая на Владиміра). Шутить, глубокоуважаемый Владиміръ Семенычъ, изволите.

Ивинъ. Ну, Лѣсницкій, будьте теперь здѣсь хозяиномъ. Теперь вы здѣсь поцарите.

Харцызовъ (къ Лѣсницкому). Другъ! дорогой другъ! У меня случилось что-то страшное... неожиданное... Жена ушла.

Лѣсницкій (развязно). Успокойтесь, успокойтесь. Дѣло, можетъ быть, еще поправимо... Вы только не поддавайтесь первому впечатленію. (Къ Владиміру и Ивину). Не унывайте, господа. Не унывайте! Мы теперь всѣ, если можно такъ выразиться, (злорадный взглядъ на Харцызова) на вдовьемъ положеніи... Но въ немъ развѣ нѣтъ своей прелести? (къ Харцызову). Забыть... вамъ жену надо забыть.

(Поля подаетъ на большомъ подносі винъ и стаканы. Всѣ, исключая Лѣсницкаго и Демида, наливаютъ каждый себѣ и пьютъ).

Харцызовъ. Забыть? Какъ больно думать...

Лѣсницкій. Иванъ Семенычъ, свѣтъ не клиномъ сошелся.

Харцызовъ... что она будетъ принадлежать другому.

Лѣсницкій. Да... да... Но есть дамочки... малина съ молокомъ!

Харцызовъ. Что?

Лѣсницкій. Мы, если такъ можно выразиться, въ недалекомъ будущемъ разыщемъ здѣсь... (Затрудняясь) вообще... деликатно выражаясь: есть парники, въ которыхъ такіа огурчики наливные произрастаютъ, что... прямо облизнешься!

Харцызовъ. Да? (со злобой). Моя жена ушла отъ меня. Чѣмъ я ее обижалъ? Чего ей не доставало?

Лѣсницкій. Глубокоуважаемый Иванъ Семенычъ, всякій здравомыслящій человѣкъ васъ пожалѣветъ... Сочувствіе общества будетъ на вашей сторонѣ.

Харцызовъ (растроганно). Другъ! Идемте выпьемъ. (Идутъ, наливаютъ, чокаются и пьютъ).

Владиміръ. Теперь въ этомъ домѣ, исключая прислуги,—ни одной женщины. (Съ тоской). Уѣхали онѣ... сбѣжали...

Демида (къ Владиміру). А узжай-ка, братъ, и ты.

Владиміръ. Я? (думаетъ). Куда я уѣду? (кричитъ). Мнѣ некуда ѣхать. Словомъ—у меня нигдѣ ни одной не только близкой, но и знакомой души, нѣтъ!

Харцызовъ (къ Владиміру). Что кричишь? Нужно быть корректнымъ... У меня не такое несчастье, но я... перенесу его гордо. Сочувствіе общества на моей сторонѣ.

Владиміръ (съ презрѣніемъ). Молчи, братъ. (Съ умишкой). Сочувствіе общества на твоей сторонѣ. Ну, и будь доволенъ этимъ. (Къ Ивину,—съ тоской). Ивинъ. Ивинъ. Что мнѣ сейчасъ пришло въ го-

лову... Понимаешь: ты, я,—мы внѣ жизни. Мало этого: каждый изъ насъ и самому себѣ не нуженъ... Къ чему же жить? Начинать жить снова—нѣтъ ни силъ, ни желаній. (Ивинъ въ отвѣтъ махаетъ рукой).

Лѣсницкій. Не унывайте, глубокоуважаемый, Владиміръ Семенычъ. Погодите: вы оживете. (указывая на гостиную). Въ этихъ стѣнахъ въ недалекомъ будущемъ, вмѣсто царившей здѣсь до сихъ поръ пустоты и скуки, жизнь забьетъ ключомъ. Не будь я Лѣсницкій, если этого не будетъ.

Владиміръ. Въ томъ, что это будетъ, я увѣренъ.

Лѣсницкій. Такъ что же унывать? Если вамъ скучно безъ дѣла, то у меня относительно вашей фабрики грандіозные планы...

Владиміръ (нетерпѣливо). Знаю. И это знаю.

Лѣсницкій. Я хочу на фабрику ввести массу нововведеній, усовершенствованій...

Владиміръ (грубо). Отстаньте вы отъ меня къ чорту со своей фабрикой. Жрите ее у брата. Я вамъ въ этомъ не мѣшалъ и не помѣшаю. (Лѣсницкій отходитъ съ Харцызовымъ въ уголъ гостиной; о чемъ-то тамъ тихо шепчутся).

Владиміръ (подходя къ роялю). На немъ играла Аглая... (медленно беретъ звенящіе отчаяніемъ и болью аккорды). Къ чему же жить? Когда здѣсь была Аглая—я иногда вѣрилъ: она спасетъ меня. Теперь думаю иначе... Словомъ меня трудно спасти. (глухо). Знаешь, Ивинъ: есть что-то проклятое во мнѣ...

Я люблю женщинъ. Я не могу безъ нихъ жить...

Ивинъ. И живи. Женись—и живи.

Владиміръ. Легко сказать. Жениться на одинъ—на два мѣсяца? Правда, иногда думается, что, можетъ быть, и есть женщина, способная привязать меня къ себѣ на всю жизнь. Но если такая не встрѣтится, что тогда? Словомъ—вѣчные поиски... Да и какъ искать? Лгать, я не могу. А такъ... словомъ, если своевременно оговорить, что сходишься, можетъ быть на кратковременную связь—какая же женщина на это пойдетъ? Но, наконецъ, и это бы ничего: ищу, но не нахожу—ну, и ладно. Главное: за такой образъ жизни люди меня будутъ презирать. А я этого не могу выносить, какъ не могу и понять: во имя какой морали они будутъ имѣть право презирать меня? А презирать они будутъ. Будутъ жестоко, злобно, тупо топтать въ грязь не задумываясь надъ тѣмъ, что топчутъ человѣка, который если и другимъ причиняетъ страданія, но глубоко страдаетъ и самъ. И вотъ, если бы я былъ Лѣсницкимъ—я бы могъ жить... Но я—не онъ...

Лѣсницкій. Пустяки. Плюньте, глубокоуважаемый, на людей. (подходитъ къ Владиміру). Хотите, я васъ научу, какъ переступить одну границу... И когда вы ее переступите, вы будете на неуваженіе, на презрѣніе людей смотрѣть спокойно.

Владиміръ. Эхъ, Лѣсницкій. Въ сущности, презирая васъ, я былъ неправъ. Словомъ, я, можетъ быть, то же, что и вы, но только не совѣмъ

изъ одного тѣста. Вашей границы я переступить не могу... (къ Ивину—взволнованно, сдерживая слезы) Ивинъ. Изъ всѣхъ мужчинъ, которые мнѣ встрѣчались на моемъ вѣку, я тебя одного почему-то любилъ. Ты былъ ко мнѣ иногда суровъ, грубъ, но я знаю, что ты меня когда-нибудь вспомнишь съ добрымъ чувствомъ... (быстро идетъ въ лѣвую дверь)

Ивинъ. Владиміръ. Владиміръ. Вернись!

Владиміръ (изъ другой комнаты). Ты меня еще увидишь. Сейчасъ у меня одно дѣло. Словомъ,—боюсь, какъ бы ты не помѣшалъ.

Поля (выходитъ изъ правой двери, спокойно къ Харцывову). Баринъ, на фабрику пожаръ.

Лѣсницкій и Харцывовъ (вмѣстѣ). Что?

Поля. Фабрика горитъ. (со страхомъ). Говорятъ, что рабочіе и домъ хотятъ поджечь.

Лѣсницкій. Кто говорить?

Поля (уходя). Сами же рабочіе.

Лѣсницкій. Пойду къ телефону. (убѣгаетъ въ лѣвую дверь. Ивинъ встаетъ, тушитъ люстру, сдерживаетъ съ оконъ шторы. Гостиную заливаютъ зарево пожара. Харцывовъ, схватываясь за голову, становится у окна. Его поза—искреннее отчаяніе).

Ивинъ (къ Харцывову со злобнымъ презрѣніемъ). Смотри! Любишься! Про тебя можно сказать: ты—баловень. Судьба тебѣ дала богатство, дала хорошую жену. Но что ты людямъ далъ? Ничего! Но жизнь щедра. Она безжалостно, неожиданно жестоко щедра: жены у тебя уже нѣтъ, фабрика горитъ. Но придетъ время, когда ее у тебя и

совсѣмъ не будетъ. Это будетъ то время, когда жизнь дастъ тебѣ то, чего ты достоинъ.

Демидъ (выступая передъ Харцывовымъ). Вѣрно. У жизни хоть и нѣтъ словъ, но она прикажетъ тебѣ: а ну, молъ, рядись ворона, на забаву людямъ въ павлинья перья...

Харцывовъ (въ бѣшенствѣ). У человѣка несчастье, а вы что? Звѣри! (къ Демиду). Ты... чортъ старый! Богомолъ... По святымъ мѣстамъ ходишь, а жену, сестру, Аглаю... всѣхъ, мерзавецъ, развратилъ!.. (подступаетъ къ Демиду съ кулаками). Я тебѣ сейчасъ покажу!..

Ивинъ (слегка толкаетъ Харцывова—онъ отшатывается на нѣсколько шаговъ). Оставь старика. Старикъ, кому можно, добра желаетъ. Развѣ въ томъ, что здѣсь произошло, одинъ старикъ виноватъ? Виноватъ ты, Лѣсницкій, Владиміръ... мы всѣ виноваты. Мы создали здѣсь скверную жизнь, а старикъ воспользовался этимъ и подтолкнулъ кое-кого и куда слѣдуетъ. (глядитъ на Харцывова съ сожалѣніемъ). А впрочемъ, зачѣмъ я съ тобой говорю? Ничего, Харцывовъ, ты не понимаешь.

Демидъ (къ Ивину). Это вѣрно. И смѣшной онъ... Хотѣлъ рыкнуть, какъ левъ, а вышло тавкнулъ, какъ щенокъ. (хмуро къ Харцывову). Эхъ, ты православный мой. Развѣ ты меня можешь обидѣть? Меня вотъ жизнь обидѣла разъ—да такъ: до могилы! (къ Ивину). Господинъ учитель, уйдемъ отсюда. Теперь вѣдь мы не къ мѣсту тутъ? а?

Ивинъ. Оставь меня дѣдъ. Ты сказалъ, что я „ушибленный человѣкъ“, что пѣснь со мной хорошо не споешь... Ты—вѣрно сказалъ.

Демидъ. А все-таки. Ты—учитель. Дѣтишекъ бы учить. Вѣдь это больно хорошее дѣло.

Ивинъ (съ болью). Старикъ, я любилъ свое дѣло; я имъ жилъ. Но у меня его отняли. И когда это случилось, я понялъ, что жизнь кончена.

Демидъ. А кто отнял-то?

Ивинъ. Я—учитель, уволенный по циркуляру. Знаешь, что такое циркуляръ? Это...

Демидъ. Знаю. Какъ не знать? Чай, я русскій человѣкъ...

Ивинъ. Жизнь, старикъ, кончена!

Демидъ (уныло). Эхъ, болѣзненный ты мой... (чешетъ затылокъ,—живо). А ты бы того... пойдемъ гулять со мной? Это полезно и любопытно... Можетъ быть, и отудбишь...

Ивинъ. Старикъ, я тебя понимаю. Но пойми и ты меня: то дерево, которое зачахло оттого, что на много лѣтъ было заслонено отъ лучей солнца—ничѣмъ не оживишь.

Демидъ (грустно). Статья... (думаетъ). Да, что вѣрно, то вѣрно: ты, господинъ учитель, такой камень, который не скоро съ мѣста сдвинешь... (пауза—весело). Ну, комаръ меня укуси... Надо прогуляться въ Іерусалимъ.

Ивинъ. Ты бы съ весны, а то, вѣдь скоро осень.

Демидъ. Это ничего. Правда, я бы погостилъ здѣсь еще, да не къ чему. Прощай, господинъ учитель. (Кланяется Ивину. Ивинъ молча отвѣшиваетъ Демиду почтительный поклонъ. Демидъ, взглянувъ на Харцызова, качая головой). Ну, православный мой, пойду посмотрѣть, какъ твое добро горитъ. Другого бы пожалѣлъ, а тебя нѣтъ. (идеть въ правыя двери).

Харцызовъ. Вонъ отсюда, чортъ старый!

Лѣсницкій (входитъ. Блѣденъ, взволнованъ). Телефонъ, очевидно, порванъ. Звонилъ-звонилъ—отвѣта нѣтъ.

Харцызовъ (тономъ хозяина). Вы, Лѣсницкій, должны итти туда.

Лѣсницкій. Не могу. Фабрика окружена рабочими. Они, какъ передаетъ ваша домашняя прислуга, крайне возбуждены.

Харцызовъ (умоляюще). Лѣсницкій, идите... Спасите, что можно спасти. Вѣдь еще неизвѣстно, заплатитъ ли мнѣ убытки страховое общество. Скажетъ: поджогъ устроенъ рабочими, а мы за это не отвѣчаемъ. Лѣсницкій, идите туда.

Лѣсницкій (дерзко). Если бы я и пошелъ, думаю, что это будетъ бесполезно. Но я не пойду: жизни своей я вамъ не продавалъ. Я вамъ давно говорилъ: увольте Трубина. Вы медлили. (Указывая на зарево). А теперь вотъ любуйтесь: это дѣло его агитаціи.

(въ гостиную гулко врывается звукъ выстрѣла).

Харцызовъ (бросаясь въ уголъ гостиной,—съ ужасомъ). Рабочіе! Сюда идутъ. О, Боже!

(Ивинъ спокойно наливаетъ вино и пьетъ. Лѣсницкій со скрещенными на груди руками застываетъ среди гостиной. Съ полминуты полная тишина).

Поля (вбѣгая и на бѣгу). Владиміръ Семенычъ... (круто останавливается среди гостиной) застрѣлился!

Лѣсницкій. Неужели?

Поля. Ужаси! Ажъ мозги у него изъ головы вылетѣли! (Ивинъ встаетъ и уходитъ).

Лѣсницкій (радостно). Миръ его праху!

Харцызовъ (выходя изъ угла и облегченно). А я подумалъ, что рабочіе сюда пришли.

Лѣсницкій (къ Харцызову). Поздравляю: вы теперь полный хозяинъ фабрики. Все—ваше.

Харцызовъ (съ поклономъ). Благодарю. (равнодушно). Братъ что? Негодный былъ человѣкъ... (съ гордостью). Что онъ такъ кончитъ — я это зналъ. (подходить къ окну,—съ отчаяніемъ). Горить! Горить! Какой убытокъ.

Поля (къ Харцызову). Баринъ. Какъ же тамъ Владиміръ Семенычъ? Одинъ онъ. Надо бы туда идти.

Харцызовъ. Отстанъ. (указывая на зарево). Видишь? Я долженъ тутъ быть. Мое добро горитъ. А къ нему идти... Зачѣмъ? Что я,—оживлю его? Иди ка къ нему сама.

Поля (рѣшительно). Ну, нѣтъ. (садится на стулъ). Хоть убейте меня, а отсюда не выйду.

Харцызовъ (гнѣвно). Это, почтеннѣйшая, почему? Какъ ты осмѣливаешься не повиноваться?

Поля. Боюсь я. Я въ домъ одна. Дворникъ, кучеръ, кухарка—всѣ ушли на пожаръ.

(Входитъ Ивинъ. Онъ крайне возбужденъ, волосы страшно всклокочены, взглядъ дикій, блуждающій).

Ивинъ (глухо къ Лѣсницкому). Вы понимаете... вы понимаете... Онъ черезъ двѣ стѣны, у себя въ комнатѣ... Мертвъ и одинокъ. Вы понимаете: жилъ человѣкъ, и никому до него дѣла не было, умеръ—тоже. Мертвъ и—одинокъ. И когда я тамъ смотрѣлъ на него, меня охватилъ безумный ужасъ. Мертвъ и одинокъ!

Лѣсницкій (спокойно съ улыбкой). Мертвыхъ я менѣе боюсь, чѣмъ живыхъ.

Ивинъ. И я стоялъ тамъ и думалъ: умру я и, можетъ быть, такъ же около меня никого не будетъ. Мертвъ и одинокъ. И я понялъ одно, чего до сихъ поръ не понималъ. Какое страшное заблужденіе... Какой самообманъ. Мнѣ нужна была женщина, нужна была та атмосфера, которая создается семьей, а я увѣрилъ себя, что жизнь прожить могу и одинъ. Увѣрилъ, а когда возникали сомнѣнія, я гналъ ихъ прочь. Но когда я былъ тамъ, около Владиміра, я въ одинъ мигъ понялъ, что создалъсебѣ ложь, въ которую вѣрилъ 15 лѣтъ.

15 лѣтъ жизни!.. А скоро, можетъ быть, я и умру и такъ же, какъ и онъ тамъ... буду мертвъ и одинокъ! Что же теперь дѣлать? Куда уйти отъ ужаса—ужаса, что я самъ себя обманывалъ 15 лѣтъ, и ужаса, что когда умру, буду мертвъ и одинокъ... (хватаетъ руку Лѣсницкаго). Лѣсницкій! Лѣсницкій! скажите, что мнѣ дѣлать?

Лѣсницкій. Тутъ нечего и спрашивать. (указывая на Харцызова). Его сестра—Ольга — женщина хотя и простая, но хорошая и добрая и любитъ васъ. Идите къ ней.

Харцызовъ (къ Лѣсницкому съ негодованіемъ). Но, позвольте, почтеннѣйшій. Вы за кого мою сестру считаете? Моя сестра—порядочная женщина!

Ивинъ. Ольга? Ольга? (съ сильной радостью). О, да. Ольга! Ольга! Вотъ чья любящая рука, когда умру, закроетъ мнѣ глаза. Къ ней! Къ ней! Я еще успѣю. (идетъ, останавливается). Жаль Владиміра. Если бы онъ сегодня не покончилъ, его, можетъ быть, можно было бы спасти.

Лѣсницкій. Наврядъ-ли. (указывая на стѣну). Тамъ произошла сегодня не драма—а финалъ ея.

Ивинъ (подумавъ). Пожалуй, да.

Лѣсницкій (подталкивая Ивина). Но идите, идите. Ольга еще не уѣхала. (смотреть на часы). Вы еще застанете ее на вокзалѣ.

Ивинъ. Да, да. Но не застаю — розыщу. Къ ней! (быстро уходитъ).

Харцызовъ (злобно набрасываясь на Лѣсницкаго).

Вы чему, почтеннѣйшій, человѣка научили? Вамъ, почтеннѣйшій, кто позволилъ? Вы, почтеннѣйшій, имѣли право...

Лѣсницкій (обрывая). Почтеннѣйшій. Рѣчь у насъ сейчасъ пойдетъ не объ этомъ. Знаете: я былъ прежде богатъ, но когда обѣднялъ, понялъ, что я сдѣлалъ большую ошибку. Какъ я за нее не заплатился? Одинъ вы мнѣ чего стоили... Теперь настала пора исправить свою ошибку. Около васъ теперь, кромѣ меня, никого...

Харцызовъ (жалобно). Да, кромѣ васъ,—никого.

Лѣсницкій. На моемъ пути—тоже. Вы, собственно, ни на что неспособны. Но я около васъ. Идите и сейчасъ же пишите заявленіе губернатору о поджогѣ фабрики.

Харцызовъ (сѣжился,—робко). Но я сейчасъ не могу писать. У меня въ головѣ ни одной мысли. Да и къ чему писать? А если ужъ писать, такъ пишите вы.

Лѣсницкій. Мнѣ нельзя. (съ ироніей). Кто я? Я—управляющій вашей фабрикой. Вотъ если бы я былъ хозяиномъ ея, тогда, разумѣется, ни о чемъ бы васъ просить не сталъ. (серьезно). Трубинъ на фабрику развелъ массу неблагонадежныхъ рабочихъ. Надо фабрику отъ нихъ очистить. Ну, идемте. (трогается). Будете писать, какъ и все, что когда-либо вами писалось, подъ мою диктовку. (Харцызовъ, робко и растерянно оглядываясь по сторонамъ, не трогается съ мѣста)

Лѣсникій (останавливаясь и съ необычайной силой).
Почтеннѣйшій, Иванъ Семенычъ! Вы слышите?
Время дорого. Ну? (указываетъ на дверь).

Харцызовъ (стараясь улыбаться). Да... да... Вы
дорогой, вѣрно сказали: время дорого.

(Быстро, мелкими шагами трусить за Лѣсникимъ. Поля идетъ
за ними. Исчезаютъ въ правыя двери).

З а н а в ѣ с ѣ .

„Прокрустово ложе“ т. I. цѣна 1 руб.

„Прокрустово ложе“ т. II. цѣна 1 руб.

(„Прокрустово ложе“ книга третья и чет-
вертая готовятся къ печати)

Изъ отзыва Л. Н. Толстого.

...Очень интересная книга! Книга заставляетъ задуматься...

Изъ отзывовъ печати.

...Въ этой книгѣ разсказана исторія жизни и мысли, —
исторія исканій житейскихъ и литературныхъ, большого
литератора изъ рабочихъ, представляющая громадный
общественный интересъ.

...Эта книга увела насъ за предѣлы литературы,
увела въ жизнь, гдѣ тысячи, быть можетъ, миллионы
людей съ проснувшейся жаждой полного и облагоустроен-
наго существованія, людей, придавленныхъ нищетой, не-
вѣжествомъ, скудостью и жестокостью существованія,
стучатся въ двери нашей культуры, просятъ хлѣба и
получаютъ камень...

Русскія Вѣдомости.

...Несмотря на то, что основная тема г. Сивачева и
даже отдѣльныя ея подробности уже стали достоянiемъ
литературы, („Голодь“ К. Гамсуна, „Дикая орда“ В.
Ибаньеса, „Крестьяне-студенты“ А. Гарборга) книга
его читается съ такимъ интересомъ, какъ будто никто
раньше объ этомъ не писалъ. Это впечатлѣнiе новизны
обусловлено тѣмъ, что книга Сивачева не романъ, а
непосредственная живая жизнь. Въ этой книгѣ бьется
и истекаетъ кровью живое человѣческое сердце.

Авторъ не позируетъ передъ читателемъ, не старается

поддѣлать свою фізіономію, не хочетъ казаться интереснѣе, чѣмъ есть.

Эта искренность, не падающая ни на себя ни другихъ, невольно подкупаетъ.

Современный Міръ.

...Два тома „Прокрустово ложе“ М. Сивачева дѣйствительно рѣдкое явленіе въ литературѣ. Мытарства автора этихъ книгъ выше человѣческихъ силъ. И теперь онъ о этихъ мытарствахъ рассказываетъ ярко, углубленно, съ огромнымъ подъемомъ духа. И когда читаешь его страшныя, кошмарныя книги, гдѣ каждая страница написана кровью, освящена болью и гнѣвомъ, тогда становится понятнымъ, какъ этотъ человѣкъ, будучи къ тому же еще боленъ хроническимъ недугомъ, имѣлъ силы столько пережить: это мученикъ своего дара! И дара не малаго. Много въ этихъ книгахъ такихъ блестящихъ мѣстъ, гдѣ прямо встаетъ экстазъ: ради возможности творить, онъ не боялся страданій. И теперь, когда какимъ то чудомъ выбылъ, онъ въ сущности кричитъ не о своихъ страданіяхъ, а о страданіяхъ души вообще. И крики его настолько сильны, полновочны и красочны—я сказалъ бы, что въ этихъ крикахъ есть нѣчто отъ нутра подлинныхъ пророковъ...

Весна.

...Виденъ въ авторѣ человѣкъ, дѣйствительно, не мало страдавшій, мыслившій и (достоинство не каждаго писателя) прочувствовавшій свои мысли. Къ Сивачеву можно примѣнить афоризмъ Аполлона Григорьева: „наши мысли суть наши чувства, вымучившіяся до формулъ и опредѣленій“.

...Надо прочесть эти мрачныя, желчныя страницы, не безъ силы и горячности написанныя,—патетическій обвинительный актъ противъ соціальной неправды, противъ жизни „опохабленной, поруганной“, противъ „притави-

шагося за завѣсой лживыхъ явленій общечеловѣческаго гада“ чтобы признать въ Сивачевѣ, по-крайней мѣрѣ, то дарованіе, которое, по слову римскаго поэта, „versus fecit“—огненный гнѣвъ души... Жизненность, наблюдательность, художественныя черточки, мрачный пафосъ—достоинства Сивачева.

Недѣля.

... Тамъ, гдѣ авторъ болѣе или менѣе объективенъ и просто живописуетъ свои неудачи, несчастья, голодовки,—книга захватываетъ правдивостью, а мѣстами она положительно талантлива. Это—человѣческій документъ, написанный сокомъ нервовъ и кровью.

Живое слово.

...Эта интересная книга является воплемъ души одинокой, страдающей и обманутой. И нужно признать, что написана она живо, интересно и порой затрагиваетъ рядъ наболѣвшихъ возлѣ нашей литературы вопросовъ...

Свободныя мысли.

...Познакомиться съ книгой Сивачева советую... У него имѣются такія мѣста, отъ которыхъ бросаетъ и въ жаръ и въ холодъ и, что очень цѣнно, не имѣетъ „золотой середины“...

...Все у Сивачева въ такихъ давно невиданныхъ краскахъ: родныхъ и близкихъ...

...Онъ опускается до неизвѣданныхъ и неизвѣстныхъ профессорамъ „экспериментальной“ психологіи Вехтереву и другимъ, глубинъ человѣческаго страданія и психическаго состоянія, когда люди въ одно мгновеніе сходять съ ума, отправляются на висѣлицу...

Всей книги Сивачева не перескажешь и интересующихся отсылаю къ ней самой...

Огни.

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.

Германа Банга.
Піо Бароха.
Бьернстьерне-Бьерсона.
К. Валишевскаго.
Якова Вассермана.
Томаса Гарди.
Карла Гауптмана.
Густава афъ-Гейерстама.
Жориса-Карла Гюисманса.
Бласко Ибаньеса.
Маріи Конопницкой.
Генриха Манна.
Томаса Манна.
Менделе-Мойхеръ-Сфоримъ.
Джоржа Мередита.
Леона Переца.
Владислава Реймонта.
Отто Рунга.
Михаила Сивачева.
Августа Стриндберга.
Проф. Макса Ферворна.
Антоніо Фогаццаро.
Шоломъ Алейхема.
Александра Ширванзадо.
Бернара Шоу.
Жорже Экоута.

125 25
ОФИЦИАЛЬНАЯ
УБРАННОСТЬ
№ 10
20 СЕН 1947